

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 Т.12 № 1

**ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ
АРХИТЕКТониКИ И ПОИСК КИТАЕМ СВОЕГО МЕСТА (II)**

**THE LOGIC OF NEW WORLD ARCHITECTONICS:
PRAXIS AND THEORY OF RETHINKING MULTIDIMENSIONAL WORLD,
AND CHINA'S SEARCH OF ITS PLACE (II)**

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

U L R I C H ' S
PERIODICALS DIRECTORY™

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

J-Gate
INDEXED

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2021 ● Т. 12 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при поддержке
фонда развития МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д. полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к. полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов, к. полит.н.

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к. полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Д. Богатуров, д. полит.н., проф., Москва, Россия

Элизабет Вишич, проф., Гос. у-тет Монклер; с.н.с.,
Колумбийский у-тет, США

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Александр Жэбит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия

Клаус Зегбер, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США

О.В. Зиневиц, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

Акиро Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

М.В. Ильин, д. полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Гэй Кристоферсен, проф., У-тет Джона Хопкинса,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных
отношений и международного права, У-тет Тама, Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д. полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Махапатра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

В.П. Макаренко, д. полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-
Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГГУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д. полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д. полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва,
Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к. полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия

Ани де Тинги, проф., Сьянг По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Ши Чиюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского
Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена,
заслуженный национальный проф.

Чжао Хуашэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаكلةва, д. полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия

Джин Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж;
ассоциированный исследователь,

Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Талалаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №40

Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7

Тел.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

<http://www.lawinfo.ru>

Печать офсетная

Усл. печ. л. 22,0

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная

Подписано в печать 15.10.2020

Выход из печати: 25.10.2020

ISSN – 2221-3279

ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2021

© Воскресенский А.Д., 2021

© Сравнительная политика, 2021

© Издательская группа «Юрист», 2021

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 ● Vol. 12 № 1

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published with support
of MGIMO Endowment Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*, Cand. of Political
Science

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Dr. of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Relations
and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS

Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Privovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyaev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Elizabeth Wishnick, Professor, Montclair State University;
Senior Research Scholar, Columbia University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA

Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No. 40 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 22,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 15 October 2020
Printed: 25 October 2020
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2021
© Voskressenski A.D., 2021
© Comparative Politics, 2021©
Publishing Group “Yurist”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

А.Д. Богатуров. Анализ и теория в международных отношениях

Vladimir G. Ivanov. The Problems of Assessing Validity and Political Potential of Cross-National Comparative Ratings

В.П. Макаренко, Халед Рефаат Кемалэльдин Бадави. Проблема сравнительно-исторической природы советской бюрократии в теоретическом наследстве Л.Д. Троцкого

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

М.А. Володина. Конкуренция внешних игроков за транспортно-логистические проекты в западной и северной Африке (на примере морских портов)

К.А. Гемужева. Сравнение стратегий крупных внешних игроков в развитии электроэнергетики в Африке южнее Сахары

М.А. Сучков, М.С. Ходынская-Голенищева. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке

Alexander V. Krylov, Natan Z. Shuminov. The Marine Strategy of Russia in the Middle East

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

А. Умланд. Крайне правые в Украине до и после Евромайдана: от ультранационалистической партийной политики к этно-центристскому «негражданскому» обществу

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

А.Д. Дикарев, А.В. Лукин. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности?

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 **Alexey D. Bogaturov.** Analysis and Theory in International Relations

14 **Vladimir G. Ivanov.** The Problems of Assessing Validity and Political Potential of Cross-National Comparative Ratings

23 **Viktor P. Makarenko, Khaled Reefat Kamaleldin Badawy.** The Problem of Comparative-Historical Nature of the Soviet Bureaucracy in Theoretical Heritage of L.D. Trotsky

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

34 **Maria A. Volodina.** Competition of External Players for Transport and Logistics Projects in Western and North Africa (on the Example of Sea Ports)

49 **Karina A. Gemueva.** Comparison of Major External Actors' Strategies for the Power Sector Development in Sub-Saharan Africa

69 **Maxim A. Suchkov, Maria S. Khodynskaya-Golenischeva.** Comparative Analysis of Russia's Alliance-Formation Strategies in the Middle East

82 **Alexander V. Krylov, Natan Z. Shuminov.** The Marine Strategy of Russia in the Middle East

DISCUSSION

89 **Andreas L. Umland.** Far-Right in Ukraine before and after Euromaidan: From Ultranationalist Party Policy to Ethno-Central "Non-Civil" Society

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

118 **Andrey D. Dikarev, Alexander V. Lukin.** "Taiwan Nation": From Myth to Reality?

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

П.С. Каневский. Развитие института лоббизма в постсоциалистических странах Евросоюза: сравнительный анализ словенской и польской моделей

И.Ю. Окунев, Ю.С. Горелова, Е.Е. Груздева. Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.О. Юдин. Транснациональная гибридная власть в глобальном управлении

Andrew Korybko. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

134 Pavel S. Kanevsky. Lobbying Development in Post-Socialist Countries of the European Union: Comparative Analysis of Slovenian and Polish Models

149 Igor Yu. Okunev, Julia S. Gorelova, Ekaterina E. Gruzdeva. Regional Disparities of Electoral Behaviour in Poland: Comparative Spatial Analysis

REVIEWS

161 Nikita O. Yudin. Transnational Hybrid Power in Global Governance

167 Andrew Korybko. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity

174 GUIDE FOR AUTHORS

АНАЛИЗ И ТЕОРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Алексей Демосфенович Богатуров

Редакционная коллегия журнала «Международные процессы»,
Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 августа 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Новая попытка проанализировать ситуацию во взаимодействии разных стран дает очередную интерпретацию <i>смысла</i> будущего поведения государств. Задача в упорядочении слов, содержащих их значение, и подготовке к проведению ситуационных анализов. Новая проблема – проведение иллюзорных анализов и их соотношение с традиционными, разница между которыми состоит в виртуальном участии участников и в сравнении с их физическим присутствием в месте проведения мероприятия. Проблема в выявлении разницы и анализировании достоинства и недостатков обоих способов. Анализ – быстрый, немедленный разбор ситуации, теория – способ рассуждения с растяжкой во времени, способах проверки версий, которые могут подтвердиться и стать теорией. Но могут и не подтвердиться – в этом случае анализ остается «отложенным до новых заходов» проверкой аналогичной ситуации. Тщательная подборка служит подготовкой проводимого анализа с прицелом на безопасность государств в зависимости от одного или другого сценария. Зима-весна 2020 г. породила пандемию в мире, усилившую страхи перед политикой ведущих держав. Это обострило спрос на ситуационные анализы – виртуальные и реальные, поставило вопрос о традиционных предпочтениях.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, председатель Редакционной коллегии журнала «Международные процессы» e-mail: alebog@obraforum.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория международных отношений; ситуационный анализ; проведение в онлайн; иллюзорный и реальный (традиционный) подходы; безопасность</p>	

Требуется наведение порядка в современных представлениях о международных отношениях – через овладение новыми базовыми понятиями в преломлении к современным явлениям аналитических ситуаций, не охваченных осмыслениями в силу каких-то обстоятельств. В ходе пандемии зимой-весной 2020 г. дополнительной частью анализа становится *виртуальный* разбор – мировая политика не останавливается и приносит явления, которым требуется объяснение вместе с предварительно продуманной аргументацией. Виртуализация не вытесняет реальный ситанализ, она *дополняет* его деталями в полноте картины.

Аналитическая схема вбирает смысл противоречивой картины и эволюции массы фактов. Они не возникают «вдруг», наверняка найдутся причины, породившие тот или иной вариант сцепления событий. События вырастают / не вырастают в триумф – в одних случаях и в кризис – в других

обстоятельствах. Цель – предугадать, в какую сторону пойдет развитие событий или зафиксировать соотношение сил, затрудняющих построение четкого прогноза.

Организация работы

Отделить случайные события от тех, которые, судя по всему, несут в себе импульс нового повторения в той или иной форме – превращение в тенденцию международных отношений. Надо обладать определенной эрудицией и конкретными знаниями по предмету вопроса для того, чтобы безошибочно разделять две категории фактов, а бывает, что нужно знать всю подноготную и все взаимосвязи событий. Вот где потребуется то, что не является специальным предметом анализа, но содержит необходимые знания по сопредельной теме – например, история международных отношений, социология, экономика, политология. В большом исто-

рическом знании требуется инстинктивное «предзнание» которое удержит или не удержит от принятия определяющего решения – в пользу либо действия, либо бездействия.

Матрицы действий предполагаемых игроков (лидер, партия, страна) в предстоящем анализе – вот где требуется знание факторов, позволяющее говорить о формировании таковых в сходной ситуации. Не обойтись без страноведов и людей, ориентирующихся в истории данной страны или конкретной ситуации.

У крупнее решение – один из важных моментов в определении контекста, по которому будет *отбираться* состав участников предстоящего анализа. Чаще всего, он так и остается «за кадром» борьбы за то, кто «победит». Важнее проведение уточнения позиций разных противостоящих в споре сторон. Позиции определяются отбором веских доводов сторон, которые выбираются из всего сказанного – мелкая, практическая, скрупулезная работа. Надо угадать сложившихся ученых или молодых и сообразительных, отягощенных профессиональным опытом, осмотрительных или «рвущихся в битву» сотрудников. По идее должно быть поровну, но этого никогда заранее не определишь.

Процесс отбора важен, зависит от настроения *организатора* или позиции организаторов. Потому что можно предвидеть реакцию каждого носителя мнений и обеспечить перевес либо сторонников, либо противников каждой точки зрения. На практике все решается кулуарно организаторами анализа или одним человеком, на которого возлагается ответственность за решение. Он, таким образом, оказывается важным человеком. Нельзя сойти с жесткой разделительной линии – шаг вправо или влево определяет позицию президиума РАН, министерства, другого заказчика, какого-то института или очень серьезного аналитического издания (например, в 1999-2002 орган министерства атомной промышленности – еженедельная газета «Век»).

«Сильный» или «не очень» – бывает, что характеристика решает вопрос о лидере в аналитическом исполнении. Организатор и главный в научно-аналитическом вопросе может оказаться единицей-фигурой челове-

ка, которая *незаметно* (через тон разговора, внимание к говорящим, стиль обсуждения, активность или пассивность) может оказать воздействие на атмосферу и обстановку накануне и в начале мероприятия. Не важно, что не определит ситуацию на протяжении всего мероприятия, но важно, что сделает это на этапе в начале работы – нужна попытка определить *изначально* настроение участников. Непросто, иногда не получается и тогда берешь первого попавшегося на должность для этой роли.

Конечно, бывают разные позиции ожидающих результатов. Это влияет на исполнителей заказа – ученых, профессионалов из министерств, функционеров, средних и мелких начальников. Бывает, тема привлекает внимание журналистов и деятелей СМИ. В этом случае трудно выдержать одну позицию и режим доверительности – вопрос решается в рамках *закона*, надо внимательно изучить и найти лазейки – нужны профессиональные и умные юристы в качестве наблюдателей, готовые поддержать устроителей знанием права и других процедур.

Проявлять *осторожность* в отборе заказчиков: одно дело – известные институты или министерства, другое – неофициальные ассоциации (общества) поддержки тех или иных направлений международной деятельности. Разные цели, необходимо также продумать, где и под каким предлогом можно отказаться от сомнительной работы – лучше об этом не думать долго и сразу отказаться – опыт говорит именно об этом. Мнения чрезвычайно разнятся, при упоминании зарубежных партнеров и их дальних целей. Если зарубежный – то приемлемы только академические цели, связанные с историей, политикой, экономикой военной и обычной, культурологией, правом. Остальное – предмет раздумья.

Международно-политический анализ – предмет осторожной дискуссии в открытых вариантах, но и *не столь уж* доверительных или как-либо ограниченных в употреблении. Выводы могут быть идущими далеко в сторону от общепринятого смысла. Поэтому следует заранее продумать эту сторону – желательнее умело пройти между двумя (тремя,

четырьмя) разными, по сути, подходами к обсуждающейся теме.

Например, ситуация в Ираке. Можно посмотреть с позиции мирового дела арабского единства с одной стороны; арабского единства в Ираке в условиях меньшинства населения (курды-сунниты, арабы-шииты и арабы-сунниты, иракские туркмены-шииты и туркмены-сунниты, езиды, ассирийцы, христиане) – со второй; с позиции превалирования международных нефтехимических приоритетов в противостоянии национальных групп – с третьей; и наконец, религиозного мира в условиях межнациональных споров в Ираке, с четвертой. Можно было бы и продолжить.

По сути, проблема может быть одна, а ответы будут весьма разными: так определяется *стиль* ситуационного анализа: вырисовываются открытые или доверительно-закрытые по содержанию выступления участников, наконец, виртуальные или обычные ситанализы. Каждый анализ может прийти к выводам неоднозначным и несовместимым с проблемой выправления ситуации, чтобы не возникало взрывоопасной ситуации. Трудно отыскать принцип религиозной терпимости, когда именно он стоит в позиции главного противника иракских сторонников «исламского халифата», запрещенного в России.

Ссылки на зарубежные и российские¹ исследования в книгах, конечно, уместны. Анализировать, что происходит на Ближнем Востоке, зная о чем написали на Западе в теории международных отношений, действительно можно. Однако лишь отчасти: полное

понимание ситуации возможно лишь в приложении данных об арабской (японской, индийской, китайской, турецкой, вьетнамской) стране к местным (азиатским, африканским, латиноамериканским) конкретным, *практически приземленным* условиям кризисной ситуации.

Восточное и Западное полушария не одно и то же. Россия на уровне ведомств и приданных к ним институтов в этом убедилась – опыт московских и региональных ученых в большинстве случаев только подтверждает наблюдение. На этом, думаю, базируется различие российских школ теории. Одни делают приземленный, *эмпирический*, конкретный анализ, имея в виду подспудные знания мировой литературы, другие – вроде бы тех же проблем, но с расширенным *общемировым* подходом, стремлением повысить уровень, сформулировать его проблемы как имеющие общемировое значение. Завышается и вопрос о классике специальной литературы, классике, которая включается в итоговые документы. Книжки, написанные в таком ключе, пугают обилием западного материала – что это о литературе или об анализе прежде всего?

И тот, и другой подходы приемлемы, вопрос чего и как заказчик хочет больше. Но важнее тот, который ориентирует на знание местных традиций и, соответственно, на формирование уникальных восточных, неевропейских сведений. Зависит, конечно, от того, где будет применяться знание: на Западе или на Востоке. С кем будете иметь дело – с немцами или с китайцами? Какими окружениями будут оформлены ситуации – арабскими из Ливии или итальянскими из Палермо? Политическая *традиция* применительно к анализам имеет важное значение, хотя и не всегда подробно описанная в книгах.

Но не стоит переоценивать – общетеоретический подход, как правило, мало приемлем для усовершенствования российских анализов, требуемых сегодня. Другое дело, работа нужна для постоянного поддержания общего представления об уровне международного анализа – западного и восточного. Анализ конкретной ситуации международной политики *не должен отдаляться* от

¹ За уровень принимается, например, см.: Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. [Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza. Ocherki teorii i metodologii (Analysis of International Situations and Political Expertise. Essays on Theory and Methodology). Moscow: NOFMO, 2008.]; Хрусталев М.А. Системное моделирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1987. [Khrustalev, M.A. Sistemnoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (Systemic Modeling of International Relations). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987.]

истории, каждый должен прежде подумать: остановиться на фактах или уйти в фантазии, не упустить первого или предаться второму, конечно, если почувствовал, что ситуация к тому созрела².

Есть грань между международным теоретическим анализом и историей международных отношений – соответственно между кафедрами, занимающимися двумя аспектами одного дела – теоретико-фактологическим знанием международных отношений. Это затрагивает не только историческое наполнение фактами, но мировоззренческую и международно-правовую специальность, активно осваивающие поле около того же русла. Курс по *теории международных отношений* в версиях профессора М.А. Хрусталева, преподаваемый в МГИМО МИД России, целесообразно осваивать студентам «соседних» с «Международными отношениями» факультетов.

Принять решение не просто, надо понять, чего больше: готовности выправить и привести в порядок существующее или через интуицию принести новое понимание. Не просто: состояние ума, ресурсы и здоровье на карте, но как решите, так и поступайте. С позиций длины жизни также нужно оценить задачу: в тридцать лет все кажется легким, в шестьдесят не менее легким, но стоит дорого – подкрался опыт, который поможет / не поможет избежать ошибки. Иногда стоит подождать: опыт подскажет нужное время, тогда можно суметь четче оформить анализ, а иногда мысли в голове преобразуются в теорию, но не стоит на этом фокусироваться³.

² См. об этом: Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2017. [Tsygankov, P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy (The Theory of International Relations). Moscow: Yurayt, 2017.]; Косолапов Н.А. Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4. С. 93-99. [Kosolapov, N.A. Issledovaniya mezhdunarodnykh otnosheniy: logika idey, interesov, politiki (Studies of International Relations: the Logic of Ideas, Interests, Politics) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2006, No. 4, pp. 93-99.]

³ См. о факторах, влияющих на ход анализа: Богатуров А.Д. Международно-политический

Онлайн-системы

Следует предусмотреть интернет-конференции по узкой международно-политической теме с использованием научно-технических достижений в области дипломатии⁴. Упомянуть: обсуждение проводится *без перемещения* говорящих в зал анализов, в котором находится ответственное лицо, которое управляет онлайн-анализом. Предусмотреть, что говорящие будут выступать в *одной и той же* интернет-системе. Это создает *иллюзию* присутствия человека, при которой *можешь* выступать (ощущение приобщенности, твой образ и других людей, вид зала, возможность обменяться комментариями) – кто услышит и как среагирует?

Порождает проблему *актуальности*. Взять из международной жизни привлекающий интерес момент. Не только со значения экономических проблем в современных отношениях, но какой аспект переживает российская ТМО, осваивая конкретную трактовку, и почему интерпретация становится более значимой. Например, переход от *реальных*, то есть «обычных» ситанализов (физический сбор) к разбору виртуальных символов. *Иллюзорное*, воображаемое участие членов группы – дома, на даче и в кресле, в другом городе, занят на совещании, «не очень здоров», «так хочет» – фактически принимается как «сбор» участников в одном месте.

Смартфоны и телефоны, компьютеры, видеоленты, видеоклассы, записи говорящего, организованные по теме международных отношений в силу разных причин как разделенные по месту проведения интернет-занятия; вопросы и ответы в сети, описывающие интересные сюжеты, относящиеся к темам занятий – все это нужно начинающим молодым специалистам. Обежав крупные и мелкие проблемы, доходим до вопросов, ожидающих ответа и советов к исполнению – анализ и конференции, выводы из проделанного.

анализ. М.: Аскет-пресс, 2017. С. 14-19. [Bogaturov, A.D. Mezhdunarodno-politicheskiy analiz (International Political Analysis). Moscow: Asket-press, 2017. Pp. 14-19.]

⁴ Об этом см.: Ситуационные анализы. Вып. 1-6. Под ред. Шаклеиной Т.А. М.: Аспект-пресс, 2011-2019.

Телевидение России показало, каким уровнем оно обладает, чтобы в 2020 г. президент мог «впрямую» поговорить о пандемии с губернаторами в отдаленных и близких регионах. Академия наук РФ, большие университеты, МИД и другие ведомства в состоянии собрать совещание по международной проблеме с использованием телемоста в городах России и мира и провести обзор внешней политики Москвы или анализ политики в каком-то из регионов Латинской Америки. Онлайн-ситанализы – форма, требующая обдумывания с учетом закрытости (полуоткрытости) ряда тем. Включается сеть научно-технических проблем: линия обеспечения секретности, «защиты права» автора на произнесенное или написанное слово.

Проводить онлайн-ситанализ – относительно новая форма работы, требующая доработки и обдумывания с учетом университета или института – прежде всего в аспекте закрытости (полуоткрытости) ряда тем, выносимых на обсуждение в министерствах и ведомствах. Включается сеть научно-технических проблем этого начинания, линия обеспечения секретности, «защиты права» автора произнесенного или написанного им слова. Много аспектов проблемы, выносимых на уровень проведения обсуждений методом «отказа от физического контакта» и внедрения тактики привлечения «говорящего в его частном кабинете», то есть без присутствия в *служебном* совещании.

На совещании «каждый в отдельном помещении» можно продемонстрировать сильные стороны – нет проблемы физического присутствия важного человека, например, если он находится вне места проведения. Человек «вроде бы» участвует в совещании, а фактически его *нет* в месте проведения. Не может обеспечить свое присутствие, но вносит вклад через виртуальное решение проблемы. Достоинство подхода – избавление от проблемы обеспечить физическое присутствие в общем зале: включил – может говорить, не включил или выключил – воздержался от участия. «Неприятности» – техника исполнения, необходимость включать технических исполнителей. Что делать с внешними реакциями со стороны, напри-

мер, СМИ? Как быть с системой ZOOM и надо ли устанавливать другие программы? Нужны-то российские программы.

С традиционным – не так: задействован психологический момент, сопричастность, коллективное действие, доверительность избранного состава, кулуарность, физическое взаимодействие, не всегда осознанное. Но и недостатки – свести воедино разных людей (в том числе, ученых) и убедить говорить на *интересующую* вас тему. Соответственно, итоговый материал – будет в нескольких вариантах, учитывающих психологическую сторону и ее не учитывающих. Ситанализ *базируется* только на проверяемых фактах, непроверяемые только как «мысли вслух».

Фактическое собрание участников – неудобно, но в тоже время – источник достоинств. Каждый участник может увидеть и ощутить, что представляет из себя отобранные люди, перенять смысл работы вместе, коллективного усилия-участия, направленного на анализ проблемы. При *иллюзорном* мероприятии это отсутствует, они дополняют традиционные, но не заменяют их. Необходимо провести грань между основным (реальным, традиционным) анализом и *дополнительным* (иллюзорным).

Конечно, возможен вариант сочетания традиционного, реального ситанализа с элементами иллюзорного. На экран вызывается человек, который по объективным причинам не может обеспечить своего физического присутствия. Вклад принимается в качестве готовности традиционного «зачесть» выступление в качестве иллюзорного – как исключение из общего правила. Получается комбинированный «*реально-иллюзорный*» ситанализ. Но в случае с проведениями министерствами и другими ведомствами проведение иллюзорных совещаний – вещь очень спорная.

Проведение *полноценного* анализа предусматривает *физическое присутствие* говорящих на одном месте – ощущается психологическая сопричастность или отторжение участников к ситанализу и друг к другу в зависимости от темы обсуждения. «Разделенный принцип» обсуждения лишает ряда преимуществ – «эффект мозговой атаки» в узкой аудитории, например. Имеет значение

ощущение политической среды, которая не передается ничем кроме *ощущения* морального состояния говорящих, их *подъема*.

Иногда не укладывается в слова, формы сухой подпитывающей мысли, но имеет важное значение целевого обсуждения международно-политической и экономической проблем. «Поймал-не поймал» ощущение мероприятия – важно, даже если на данном этапе не получилось, скажем, четких итоговых слов, но это важно, когда послужило материалом для дальнейшего раздумья в формировании теории или предпосылок к таковой.

Можно продолжать список сюжетов. Написанное в форме абриса, иллюстрировавшего мысль – подтверждает *доводы* обобщения, которые *не берутся из ничего*. За каждым – напряженное осмысление повестки дня, выливающееся в выводы и, может быть, открытия. Частью является примеры действия/бездействия формул и схем, воплощающиеся в действия держав – США, России, Китая, ЕС и Британии. Анализ действий Москвы «вдруг» создает основу для постановки новой проблемы: значит что-то *не обсуждалось* в качестве модели поведения. Теперь дело простое – *зафиксировать* события недавнего времени с прицелом на теорию и выводы, если не готовы прийти к определенным заключениям.

Анализ и теория

Анализ и теория различаются уровнем знания сути событий, точкой зрения сторон конфликта, информационной базой, когда пишущий об *анализе* еще *не знает наверняка*, к каким результатам приведут усилия в области «мозговой атаки» на события (кризис в Сирии, влияние демократов и республиканцев на политику США, политические последствия выхода Британии из ЕС, проблема Каталонии в Испании). Целью анализа *ставится* приведение в порядок событий, до этого не попадавших в обзор обозревателей. Это *быстрая*, немедленная реакция на неожиданные события.

А теория получится *со временем* в результате *сопоставлений ряда кризисов* при поведении государств при недопущении

военного, политического или культурного стечения обстоятельств, которые ставили бы под угрозу мирное развитие государства. Анализы, как бы «обмозговавшие» события, представляют теоретикам точные выводы, граничащие с обобщением. Теория появляется в результате сравнения опытов регионов во имя *избегания* (предупреждения, замораживания) однотипных или мало отличающихся кризисов – появляется опыт сравнения или различения *однотипных* событий.

Бывает, что аналитики констатируют черты, *не проявлявшиеся* так ярко на предыдущих обсуждениях – плюс, имеющий путь к развитию. Но может и нет – зависит от характера дискуссии, точки зрения ведущего, высказавшего ее участника обсуждения.

Анализ – грамотный подбор информации и обобщения, попытка спрогнозировать открытие, вытекающее из работ, до этого проведенных. *Теория* символизирует преобразование приведения проведенных опытов в схему-тип, опирающийся на нескольких анализов, сделанных автором теории или почерпнутых из чтения чужих материалов. Теоретизирующий может сделать вывод о том, к чему это приводит, пофантазировать на тему о зависимости от внешних факторов⁵. Имеет смысл *интуиция* делающих анализ, но это в качестве сопутствующего замечания.

Сравнение может повести к выводам, имеющим смысл – выявление применения сверхточного оружия – космического, контактного, «приземного», экономически-политического, религиозно-смыслового. Зависит от постановки задач – на глобальном уровне или если частная задача поменять власть в данной стране (Латинская Америка, Африка, Ближний и Средний Восток) или в анклав, стремящемся к независимости.

⁵ Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой анализ международных отношений. М.: Аспект-пресс, 2017. [Degterev, D.A. Teoretiko-igrovoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy [Game-Theoretic Analysis of International Relations]. Moscow: Aspekt-press, 2017.]; Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017.

Характер «бунтующих радикальных анклавов» – запрещенный в России «исламский халифат» и похожие организации – приобрели потенциал, заставляющий следить за их деятельностью. Мусульманские течения и террористические организации обрели опору в Афганистане, Пакистане, Ираке, Сирии, Ливии, Нигерии, в ряде европейских государств и других странах.

Между участниками *анализа и теоретических* заседаний по международным отношениям нет принципиальной разницы. Не всегда получается, многие анализы не содержат ничего, что давало бы материал для теории. Бывает и наоборот – теоретические обобщения рождаются сразу на основе анализа так, что сразу получается сделать вывод о значимости обсуждения, но это получается не всегда. Слово анализ более абстрактно, не ограничивает теоретические изыскания, поэтому и широко встречается для обозначения разных по уровню встреч специалистов. Бывает и наоборот – обобщения рождаются сразу на анализе и получается вывод о значимости обсуждения.

«Пандемия» – слово, прозвучавшее при оглядке на ООН в марте 2020 г. в выступлениях представителей России, Франции, США, Китая, Германии и других стран. Эксперты оценивали потери умершими в размере, превышающими 200 тыс. чел. Большая часть стран объявила зону «сидите дома» (карантин) для частей населения, а для других – сократила объем работ. Производство упало, понесла урон российская система мировых финансов. Этап в марте-апреле межстрановой «нефтяной войны» стал связываться с проблемой коронавируса – цена на нефть упала из-за снижения спроса на горючее со стороны Китая («кризис»). Никогда прежде в мире *безопасность* значительного круга стран не была затронута так глубоко.

Подступали черты, казалось бы, «мирового всеобщего кризиса». Был вопрос о том, что делать в сферах, действительно захваченных пандемией – здравоохранение (способность мгновенно реагировать, быстро перестраиваться и привлекать новых людей, способных на действия в условиях кризиса, доставать необходимые деньги) и умение реагировать на действия в кризисных си-

туациях (внешнеэкономические перевозки людей, иностранные дела, военная боеготовность).

Ситуационные анализы можно не проводить? Нет, они нужны, их надо делать с правильной периодичностью, предвидя сценарии, по которым дело может покатиться к убытку, но может и эволюционировать в сторону медленного подъема. Что значит думать во внешнеполитических организациях стран мира – это анализ или теоретическое обобщение, которые надо было обсуждать? Появляется возможность стыка работы министерства иностранных дел и университетов. В теории не было достоверных и проверяемых сведений и опыта, собранного в разных странах по противодействию коронавирусу. Значит, «анализ» оптимальное слово для проведения оперативных обсуждений, а «теория» – возможно пригодится для перенесения в Академию наук, Российскую академию медицинских наук и университеты для будущих баталлий.

«Большая стратегия – не внешняя политика. Это основа, якорь, центр опоры твердости, “интеллектуальная архитектура, которая задает формы и структуру внешней политики”»⁶, – отметил американский ученый Вильям Уолфорт. Верно, но можно сказать о нашей проблеме: *провести анализ международного кризиса – значит преподнести выжимку из теории внешней политики (обе они находятся довольно близко), но анализ дает практические основы, в рамках которых может родиться шаг к теории, но может и не родиться.*

Китай продолжает надвигаться с мощью мелких производств на Америку, а Россия после двадцати лет «либеральности» становится жестче, «отдаляясь» от США и зарубежной Европы, поворачиваясь к Азии. Добавить международный терроризм⁷ и получить картина, которую рисуют западные авторы в качестве угроз для США. Говорит о твердости и британец Ричард Саква, подчер-

⁶ Brooks, Stephen G.; Wohlforth, William C. *America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century.* Oxford: Oxford Un. Press: 2016. В. Уолфорт в этом месте цитировал Хэла Брэнда.

⁷ Ibid. P. 86.

кивая, что «новый фронт» после конфликта Киева – Москвы в 2014 г. прочертился по «разделу мира», существовавшего между «Западом и Востоком» после Второй мировой войны (1939-1945)⁸ с «соответствующими историческими поправками» конца XX – начала XXI века.

Очевидно, международные отношения меняются в новом веке, трансформируется смысл межгосударственных сближений и разделений, формируются союзы и блоки, намечаются большие континентальные маневры в Евразии. Некогда отсталые районы мира становятся в центре отношений между главными государствами и блоками стран – Китай – Россия – ЕС – США. Отношения, стало быть, нужно проанализировать, снабдить внешнеполитическое руководство России размышлениями о возможных сценариях будущего развития в форме записок. Потом придут мысли о том, как можно это написать в виде книг, к которым предстоит подготовиться – но это не обязательно, если мысль устремлена только вперед.

* * *

Наведение порядка в терминах международных отношений – залог правильного распределения сил перед международным анализом. Будем осторожны: на ситанализ, как правило, приглашаются люди России, но не все могут быть одарены способностью мыслить и схватывать из речей говорящих, тема анализа не всегда отражает ее актуальность. Надо правильно определить время для выступления – зависит от председательствующего члена коллегии или другого органа.

Другое дело – ориентироваться на написание книг и ученых статей на русском и английском (французском, немецком, испанском, китайском) языках. Преподаватель больше приспособлен для академической работы и ведению классов с русскими и иностранными студентами. Поддерживать способность говорить и выражать мысли на иностранном языке (лекции в своей стране для иностранных студентов, международные

конференции с выездом и российские) – это актуально и держит на высоком уровне профессиональную форму. Свободное владение иностранным языком за три десятилетия приобрело значение высшей марки для научного сотрудника и преподавателя по международным отношениям. Но это не всегда уместно при проведении внутривосточного ситанализа проблем России, рабочем языке которых является русский.

Поддержание порядка в голове выступающего – залог успеха. Смятение, путаница, неожиданное выступление дискусиониста – может вызвать нарушение вашего выступления, надо подавить реакции и вернуться к своей логике. Но можно ждать и обратной реакции – тогда мысль, ухваченная в реплике коллеги, повлечет развитие идеи в вашей интерпретации, которая способна увести далеко, если не проявите осмотрительность. Смысл – в тщательной подготовке к анализу.

Литература:

- Богатуров А.Д.* Международно-политический анализ. М.: Аскет-пресс, 2017.
- Дегтерев Д.А.* Теоретико-игровой анализ международных отношений. М.: Аспект-пресс, 2017.
- Косолапов Н.А.* Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 4. С. 93-99.
- Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
- Хрусталева М.А.* Системное моделирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1987.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2017.
- Brooks, Stephen G.; Wohlforth, William C.* America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century. Oxford: Oxford Un. Press, 2016.
- Sakwa, Richard.* Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge Un Pr, 2017.
- Voskressenski, A.D.* Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017.

References:

- Bogaturov, A.D.* Mezhdunarodno-politicheskiy analiz (International Political Analysis). Moscow: Asket-press, 2017.
- Brooks, Stephen G.; Wohlforth, William C.* America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century. Oxford: Oxford Un. Press, 2016.

⁸ Sakwa, Richard. Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge Un Pr, 2017. P. 307.

Degterev, D.A. Teoretiko-igrovoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy [Game-Theoretic Analysis of International Relations]. Moscow: Aspekt-press, 2017.

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza. Ocherki teorii i metodologii (Analysis of International Situations and Political Expertise. Essays on Theory and Methodology). Moscow: NOFMO, 2008.

Khrustalev, M.A. Sistemnoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (Systemic Modeling of International Relations). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1987.

Kosolapov, N.A. Issledovaniya mezhdunarodnykh otnosheniy: logika idey, interesov, politiki (Studies of

International Relations: the Logic of Ideas, Interests, Politics) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2006, No. 4, pp. 93-99.

Sakwa, Richard. Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge Un Pr, 2017.

Tsygankov, P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy (The Theory of International Relations). Moscow: Yurayt, 2017.

Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10001

ANALYSIS AND THEORY IN INTERNATIONAL RELATIONS

Alexey D. Bogaturov

*Editorial Board of the Journal “Mezhdunarodnye protsessy / International Processes”,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: A new attempt to analyze the situation in the interaction of different countries gives another interpretation of the meaning of the behavior of states. The task is to arrange words containing their meaning and be prepared for situational analyzes. A new problem is the conduct of illusory analyzes and their relationship with the traditional ones, the difference between which lies in the online participation of participants and in comparison with their physical presence at the venue. The problem lies in identifying the difference and analyzing the merits and demerits of the both methods. Analysis is a quick, immediate analysis of the situation, theory is a way of reasoning with a stretch in time, ways of checking versions that can be confirmed and become a theory. But it might not be confirmed – in this case, the analysis remains “postponed until new visits” by checking a similar situation. A careful selection prepares the analysis to be carried out given the security of states, depending on one scenario or another factors. Winter-spring 2020 witnessed the pandemic in the world, which heightened fears of the policies of the leading powers. This heightened the demand for situational analyzes – virtual and real, raised the question of traditional preferences.</p>
<p>About the author: Dr. of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Mezhdunarodnye protsessy / International Processes” e-mail: alebog@obraforum.ru</p>	
<p>Key words: theory of international relations; situational analysis; conducting online; illusory and real (traditional) approaches; security</p>	

Для цитирования: Богатуров А.Д. Анализ и теория в международных отношениях // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 5-13.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10001

For citation: Bogaturov, Alexey D. Analiz i teoriya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Analysis and Theory in International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 5-13.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10001

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10002

THE PROBLEMS OF ASSESSING VALIDITY AND POLITICAL POTENTIAL OF CROSS-NATIONAL COMPARATIVE RATINGS

Vladimir G. Ivanov

*Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 22.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: The article analyzes the heuristic potential of leading cross-country indices and ratings for comparative and institutional analysis of the Russian Federation and other countries of the world. The author proves that numerous comparative cross-country ratings and indices that have become extremely popular in social sciences in recent decades have transgressed the research framework and could influence the economy of various countries, their educational and scientific systems, external image, political agendas and legitimacy of political regimes.</p> <p>The author carries out a correlation analysis of positions of 145 countries in 16 comparative rating studies highly cited in social and political science and calculates the coefficient of their correlation with the positions of the Russian Federation. Additionally, the author compares the scores of 144 countries in the array of 16 ratings with the relevant indicators of the Russian Federation, which allowed to distinguish a group of countries showing maximum institutional identity with Russia, according to the compilers of the ratings. The author states that discovered correlations lack empirical evidence and convincing interpretation. At the same time, they are largely affected by political and ideological factors, as well as the effect of «image evaluation».</p> <p>The author concludes that the analyzed cross-country indices have considerable heuristic potential, but the patterns and correlations based solely on statistical analysis of their data, and, particularly, qualitative assessments, do not fully meet the criteria of obtaining new scientific knowledge and should be considered mainly as hypotheses that require additional causal substantiation and empirical verification. The article shows that mandatory hierarchy of representation inherent in the cross-country ratings creates the basis for their politicization and contradicts the contemporary reality that strives towards polymodality of the world order.</p>
<p>About the author: PhD, Dr. of Political Science, Associate Professor, the Department of Comparative Politics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)</p> <p>e-mail: ivanov_vg@pfur.ru</p>	
<p>Key words: cross-country ratings; comparative indices; political institutions; state capacity; comparative analysis; validity; correlation analysis; soft power</p>	

Problem definition

Foregrounding and mainstreaming of global cross-national political and institutional-comparative ratings in contemporary social science leaves no room for doubt. These indices evaluate and rate a wide-ranging group of countries according to different criteria and relying on various methodological principles: indices of political risk and stability, quality of public administration, state “fragility” and “substantiality”, development of democracy, freedom of speech and media, cultural appeal of nations, educational systems (academic ratings), gender equality, and other numerous benchmarks. The global expansion, institutionalization and

formalization of comparative social studies brought about the issue of limitless heuristic potential of cross-national ratings, which, in its turn, requires groundbreaking reinterpretation of major definitions in social and political science, as well as mainstream introduction of categories based on new validation criteria.

Large-scale and multi-criteria collation and generalization is only possible if different societies are potentially comparable. The greatest possible comparability can be established through determining common and preferential comparison parameters. In this regard, modern “rating revolution”,

which mainstreamed “in-lab” cross-national comparative rating projects, previously known to exclusively narrow groups of experts and based on universal paradigms, is of special investigatory interest.

It is also noteworthy that global ratings are developed not by individual scientists and independent research groups but, most commonly, by large organizations. In the ongoing “rating revolution”, it is primarily widely-quoted and media covered rating surveys that are coming to the foreground. Developed in the leading western countries and mainstreamed by the global mass media and non-governmental organizations, comparative ratings exert a growing influence (both factual and potential) on political decision-making, national policy guidelines, the motivation and behavior of the elites, scientific progress, institutional development, expert society, mass media and public opinion, global image of rated nations and even their economic and political stability.

The growing interest in cross-national ratings and indices is accounted for by their simplicity and convenience. The ratings’ data have the property of becoming entrenched in consciousness as something obvious, as the main advantage of a rating is its simplicity: it reduces a large amount of information to a symbol, which can be easily used as a manipulation tool.¹ This plainness is convenient, it is quickly taken as a given and allows not to delve into detail of the phenomena in question, creating, as was put by S.G. Kara-Murza, an

illusion of “effortless competence”.² In the face of existing overabundance of data in modern information society, comparative ratings offer a concise, focused, ready-made report, which does not require any further processing or additional analysis (the so-called “information shortcuts”). Thus, comparative indices data can be taken at face value without doubts and questioning and acquire characteristics of mythologized consciousness, becoming an element of “cultural hegemony” (as understood by A. Gramsci). In this respect, we suggest that rating organizations, while claiming to be politically unbiased, objective and positivistic, are nevertheless restrained by ideology-driven “false consciousness”. Usually they are implicitly Eurocentric and, consequently, dualistic, as they contrapose different groups of nations, associated with certain patterns.

The appeal of ratings is also premised on their alleged practical focus, as well as their importance as an objective tool for determining the world’s best practices and setting global benchmarks.³ Thus, cross-national comparative indices are closely related to international benchmarking. Benchmarking represents a comparative analysis based on certain model guidelines, i.e. it is the practice of comparing experiences, processes and institutions according to various standard indicators recognized by the experts as ideal with an outlook for their further implementation and adaptation. In recent decades, numerous organizations have been creating their own tools for “global benchmarking”, the latter being defined as “transnational practice used for control, assessment and performance improvement”.⁴

¹ As J. Kelley and B. Simmons wrote: “A column of numbers can be scanned in seconds, while reading the underlying reports on which they are based (which may or may not be translated into the local language) could take weeks. Most importantly, numbers facilitate comparisons among units and over time. They can also be averaged, thereby helping to establish ‘norms’ or ‘standards’ against which it becomes straightforward to compare different units. For these reasons, actors respond differently to ratings than to words alone”. Kelley, B.A.; Simmons, J.G. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // *American Journal of Political Science*, 2015, Vol. 59, No. 1, pp. 57-58. Mode of access: https://scholar.harvard.edu/files/bsimmons/files/kelleysimmons_politicsbynumber_ajps_2015.pdf

² Kara-Murza, S.G. Problemy sociologii ili otkuda berutsja rejtingi (1 chast) (The Problems of Sociology or Where Ratings Come from (Part 1)) / *Tochka.ru*. 02.04.2015. Mode of access: <http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/465-00105>

³ Centre for the Study of Globalisation and Regionalisation / Global Benchmarking Project. Mode of access: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/csgr/benchmarking/project/>

⁴ Broome, A.; Homolar, A.; Kranke, M. Bad Science: International Organizations and the Indirect Power of Global Benchmarking // *European Journal of International Relations*, 2018, Vol. 24, Issue: 3, pp. 514-539.

Primarily regarded as hypotheses and speculations that required verification, cross-national comparative ratings are gradually becoming ontological reality, which is actively establishing a foothold in social sciences, getting a greater coverage in media and impacting important political and economic decision making,⁵ both nationally and globally, and is influencing public opinion in various countries of the world.

However, in order to legitimize global ratings and their methodology, it is necessary to accept the fundamental assumption that there exists consistent, global compatibility of different societies, based on universal standards, which can be easily formalized and quantified, and that these societies can be benchmarked in accordance with these standards. It is also worth mentioning that, in their assessment, as well as choosing criteria for comparison, the majority of rating organizations rely on the neoliberal paradigm. One should also remember that indices and ratings, in their essence, are agnoseological way of cognizing the social world and are based on a hierarchical principle.

Therefore, the question of legitimacy and validity of the most popular cross-national comparative-institutional rating surveys, as well as their political and heuristic potential, is of immediate current interest. Is it true that mainstream cross-country comparative ratings can shed new light on the evaluated and compared countries, pinpoint facts and patterns which are impossible to identify with the help of other research techniques? Also, to what extent will the comparative-institutional analysis, based on the data provided by the most popular

global indices, expand the understanding of the specific character proper to modern Russian political and social (particularly federal) institutions? Will it help determine which countries are most similar to Russia in regards to different parameters, both on a standalone and aggregate basis?

Methodology and empirical basis of the research

The key objective of this article is to, by means of the correlational analysis, assess the political potential of the cross-national comparative indices which have received the biggest coverage in social and political research in order to advance and verify mid-level theories and determine their validity for the institutional-comparative analysis in the Russian Federation and other countries.

It is common knowledge that the majority of comparative cross-national rating surveys do not engage into any “field research”, nor do they need to establish contact with the compared and evaluated objects. On the contrary, for the major part, comparative ratings use qualitative methods, mainly the opinions of anonymous experts, thus creating a type of their own reality based on cross-citation, i.e. using one another’s results and evaluations as the main references. As was fairly noted by the collaborative writing team supervised by Yu.A. Nisnevich, this is erroneous from the methodological point of view as “in order to provide a fair evaluation of the compared characteristics of a state one should only use indicators which have been determined as a result of political surveys conducted independently from one another”.⁶

In this regard, the current research focuses mostly on the large-scale, integrated and, as is expected, high-budget rating projects, which provide data for a wide range of other indices and comparative surveys.

⁵ Mennillo, G. Credit Rating Agencies in Asia: A Battle of Ideas / *IPSA Conference Proceedings Library. 2018 Brisbane - 25th World Congress (Borders and Margins)*. Mode of access: https://www.ipsa.org/my-ipsa/conference-proceedings-library/search?field_confproc_event_value=wc2018&field_confproc_sessions_target_id=&field_confproc_panel_value=&title=rating&combine=&session_storage_c2008=&session_storage_c2010=&session_storage_c2011=&session_storage_c2017=&session_storage_wc2006=&session_storage_wc2009=&session_storage_wc2012=&session_storage_wc2014=&session_storage_wc2016=&session_storage_wc2018=

⁶ Нисневич Ю.А. Индексы развития государств мира: справочник. М: Издательство НИУ ВШЭ, 2014. С. 13. [Indeksy razvitija gosudarstv mira: spravochnik. Pod red. Yu.A. Nisnevich (The Development Indices of the Countries of the World: A Handbook. Ed. by Yu.A. Nisnevich). Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2014. P. 13.]

In order to assess the political potential of the modern “rating infrastructure” (priority given to the comparative analysis of Russia and other countries of the world) we have

conducted a correlational analysis of the ranks of 145 countries with a view to the position of Russia in 16 most popular cross-national political ratings, presented in *Table 1*.

Table 1.

**Cross-National Comparative Rating Projects Used in the Correlational Analysis
(Recent Available Data Analyzed: December 2017)**

Index Title	Parameter	Founder / Funding	Headquarter
Human Development Index	Human capital	UNDP	New York, the USA
ARWU	Higher education	Jiao Tong University / China government	Shanghai, China
Global Gender Gap Report	Gender equality	WEF / a number of American and European corporations	Geneva, Switzerland
Doing Business	Business climate	World Bank	Washington, the USA
State Fragility Index	State fragility	Center for Systemic Peace, CIA	Vienna, the USA
BTI: Democracy	Democratic freedoms and institutions	Bertelsmann Foundation, government of Germany	Guterslo, Germany
BTI: Management	Quality of public administration	Bertelsmann Foundation, government of Germany	Guterslo, Germany
Corruption Perception Index	Level of corruption	Transparency International / Netherlands MFA, USAID, EC, Ernst& Young LPP, and other donors	Berlin, Germany
Govindicators: “Government Effectiveness”	Government Effectiveness	World Bank	Washington, the USA
Govindicators: “Voice and Accountability”	Freedom of speech and accountability of officials	World Bank	Washington, the USA
Govindicators: “Political Stability and Absence of Violence”	Political Stability	World Bank	Washington, the USA
Fragile States Index	Stability, capability of the state	The Fund for Peace / Foreign Policy / Graham Holdings Company and many other sponsors	Washington, the USA
Freedom of the Press	Media freedom	Freedom House / the US government	Washington, the USA
World Press Freedom Index	Media freedom	Reporters sans frontières / government of France, USAID, Sanofi-Aventis and others	Paris, France
Global Peace Index	Peace and security	Institute for Economics and Peace / information is not available	Sydney / New York, Australia / the US
Democracy index	Level of democracy	The Economist Intelligence Unit (EIU) / The Economist Group (Cadbury, Rothschild, Schroder, Agnelli, Layton and others	London, the UK

As is obvious, the selected ratings, which undoubtedly belong to the category of the most well-known and widely-covered comparative surveys, are well illustrative, as they include almost all countries of the world, are calculated annually or bi-annually and comprehensively evaluate and compare key social institutions and parameters (political stability, democracy

level, “substantiality” of the state, the quality of human capital assets, business environment, level of education, gender equality, freedom of speech, safety, corruption, etc.).

At the same time, as was illustrated in *Table 1*, the strong interrelation between the majority of the rating projects and political and business entities from a narrow group of countries,

Table 2.

Countries with the Highest Coefficient of Correlation to Russia’s Positions, Based on the 2017 Data of 16 Popular Cross-National Political Ratings, Presented Highest (Left) to Lowest (Right)

Country	r
Azerbaijan	0,953
C North Korea	0,937
Thailand	0,936
North Macedonia	0,930
Mexico	0,916
Iran	0,875
Armenia	0,872
Uzbekistan	0,858
Kazakhstan	0,853
Belorussia	0,850
Bahrain	0,840
China	0,825
Ukraine	0,823
Egypt	0,815
Tajikistan	0,812
Turkmenia	0,805
Lebanon	0,795
Greece	0,793

providing financial and informational support, allows to classify them not only as exclusively research projects but also as active and potential agents of economic and political influence.

The correlational analysis conducted in the research also tests the hypothesis that rankings of the countries perceived as “adversaries” in the western political and expert community have to be closely positioned. In this connection, the article’s further interests involve a consecutive assessment of Russia’s rankings and their comparison with the positions of certain countries that are looked upon as “outsiders”.

At the first stage of the research, we collected the data presented by 16 main political comparative indices, which ranked the positions of 145 countries of the world.⁷ During the data compilation, we focused on the indicators documented in 2017.

Further on, using Microsoft Excel, we calculated the coefficient of correlation between Russia’s rankings and those of 144 countries and determined the countries with the highest coefficient. In case a country was omitted from certain ratings (which is quite typical with smaller and insular nations), we compared its positions with Russia’s rankings based solely on the remaining bulk of data. The results of the analysis have shown that, according to the information presented in the rating surveys, the closest countries to Russia are Azerbaijan (>0,95), North Korea (>0,93), Thailand (>0,93), North Macedonia (>0,93), Mexico (0,916), Iran (0,875), Armenia (0,872) and, to a lesser degree, a number of other states (see *Table 2*).

In order to confirm the estimations, at the next stage, we supplemented the correlation coefficient

data with yet another variable – a notional total score for each country according to its position in all ratings combined. On basis of the total score, we also introduced a synthetic indicator, which would determine a country’s correlation to Russia’s indices (Russia’s score was set equal to 1).

Key findings of the research

The calculation results showed that the maximum “institutional similarity” to Russia was demonstrated by the countries arranged highest to lowest in *Table 2*. The total scores of the most countries analyzed deviate from Russia’s score by the maximum of 10-15 per cent, which proves their basic equivalence to Russia from the point of view of most rating surveys. Of all the European states analyzed, Macedonia proved to be the closest to Russia, followed by Greece. Among South American countries, Peru showed the greatest similarity to Russian indices.

The above calculations eloquently confirm our hypothesis about the unapparent (i.e. not reflected in the methodology) “clustering” of a number of countries according to ideological and political criteria. Thus, for example, such essentially different states as Russia, Iran and North Korea, are viewed in the majority of the cross-national ratings as strikingly similar nations with basically identical institutions.

Thus, we can see that the potential of large-scale cross-cultural comparisons and generalizations based on political rating surveys is quite limited. It is apparent that the “similarity” of a group of countries pointed out in *Table 3* cannot be satisfyingly accounted for by objective factors: geographic, historical, civilizational, economic, demographic and others.

⁷ Ranks are available for free download as an Excel file at: https://yadi.sk/i/a8IN0i_jkMrr6w

Table 3.

Countries of the World, Demonstrating Closest Similarity to Russia’s indices, on Basis of the 2017 Data of 16 Popular Cross-National Political Ratings, Positioned Highest to Lowest

Country	Azerbaijan	Thailand	Bahrain	China	Mexico	Saudi Arabia	Lebanon	Armenia, Uzbekistan, Ukraine	Iran, Kazakhstan, Belorussia, Turkmenia	North Korea	Egypt	Tajikistan
The RF												

The task to work out a convincing and equally casual interpretation of this alleged “similarity”, presented in the rating surveys, seems rather sophisticated and, among other things, counterproductive. At the same time, it can be easily explained by political, ideological and informational factors, as well as by less than perfect methodological tools applied in certain projects and surveys.

As was justly noted by O.V. Gaman-Golutvina, “the amalgamation of essentially different countries as separate analysis units can result in ultimately biased data”.⁸ Therefore, taking into consideration that we have been analyzing the most popular, high-profile and big-budget surveys, it is evident that the assumption about the limited validity and research potential of a number of rating projects (and, consequently, international benchmarks based on their findings) has been proven true. It all adds up to the conclusion that, in numerous instances, political research indices unite various states in groups based on “us vs. them” criterion rather than objectively compare different countries’ institutional infrastructure.

Additionally, we have conducted a correlational analysis of different variables used in a number of ratings with the purpose of determining how those coefficients interrelate. For instance, indices “Democracy”

and “Governance” presented by Bertelsmann Transformation Index, show the correlation coefficient of more than 0.9, which indicates a high level of ideological bias and determinacy of the rating in question (which is openly admitted by its authors). Indices “Voice and Accountability” and “Political Stability and Absence of Violence” of the World Bank Institute rating demonstrate a slightly smaller level of conformity, with the correlation coefficient of 0.75.

It is worth mentioning that the experiment, described in the article, can be easily re-conducted. At the same time, speaking of the validity of the analyzed rating projects, one should keep in mind the famous Duhem-Quine thesis, according to which it is impossible to arrive at the “unequivocal experiment”, capable of either validating or disproving a certain scientific hypothesis.

In our opinion, among the most accredited, objective and, consequently, legitimate present-day index surveys, one could name, in the first place, rating projects initiated and developed under the auspices of the UNO (for example, HDI). On the other hand, the conducted analysis has brought us to the conclusion that, in the totality of the comparative surveys analyzed, it is political indices and various “indices of freedom” that show the least degree of validity. What is more, their flaws are accounted for not only by their high level of political and ideological orientation, which is bound to affect the conclusions and results, but also by their unreliable methodology, based on holistic and universalistic principles, as well as presentism.

⁸ Сравнительная политология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015. С. 96. [Sravnitel'naja politologija. Pod red. O.V. Gaman-Golutvina (Comparative Politics. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina). Moscow: Aspect-Press. 2015. P. 96.]

Interestingly, the corresponding comparative analyses of state institutions are frequently conducted without any consideration of the context in which those institutions were created. More often than not, nations cannot be compared on the basis of universalistic and essentialist principles of classification, as this method of comparison artificially disguises and cushions real social and political processes presently taking place in different countries rather than offers actual knowledge, which could facilitate understanding of the broad spectrum of state and social institutions, and thus, proves to be heuristically counterproductive. One can clearly witness the effect, which American political scientist Shapiro called disconnection between interpretation and reality, or “method-oriented approach”, often fraught with alienation from the object of comparison and investigation.⁹

The question about criteria for comparison remains critically controversial as well: Should all objects in the aggregate be compared and ranked according to one individual criterion or to a group of various criteria? The choice preference in case with single-criterion and multi-criteria comparisons determines future trends of rating evolution. If a single criterion is preferred, the risk of biased results decreases, however, the cumulative effect of the collected data, both heuristic and political-informational, is lost as well.

Limitations of cumulative research potential of the leading cross-national ratings, revealed in the article, indicate that in many cases single variables can tell more about the object of investigation than multiple criteria applied together. Indeed, the so-called “comprehensive” or “mixed” ratings are often prone to “juggling” data and overgeneralization of variables, artificially played up to match the targeted results. At the same time, numerous supporters of popular index ratings claim that a combined rating with a slant towards quality assessment can give a much better idea about a country or a political regime than comparison of individual quantitative parameters. Therefore, they believe, broad generalizations are reasonable.

⁹ Shapiro, I. *The Flight from Reality in the Human Sciences*. (Russ. ed.: Shapiro, I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2011. 368 p.)

In modern comparative studies, development of leading political rating projects has been carried out primarily with the use of the deductive method. It has been based on the leading paradigms of western political and social science, many of which have become outdated and need to be revised. Politicization of ratings, which takes place immediately after a rating becomes globally famous, is viewed by the authors as a negative tendency. Without a doubt, it is still too early to attribute this tendency to a certain “iron law” which would account for its emergence. However, monitoring and assessment of the rating projects proper (primarily by the academic community and social organizations) is becoming a high priority objective.

Nevertheless, one cannot help but admit that the quality of ratings is improving, although many research projects make do with an extensive way of comparison: they increase the number of comparison criteria and variables. As they do this, they frequently decrease the validity of the comparative surveys by using more of qualitative assessment and cross-citation. One can also observe gradual evolution and betterment of theoretical concepts, which are developed with the use of empirical database of the rating surveys. In particular, one can make notice of certain specification, mitigation and redefinition of the most essentialist, controversial and politicized criteria and notions. For example, the notion of the “failed states” (among which one could often find nations with more than a thousand years of history), highly vulnerable from scientific and political points of view but strongly lobbied by certain ratings, is gradually being transformed into “fragile states” or “states of fragility”.¹⁰

Conclusions

One can say that the major flaws of comparative cross-national ratings are very similar to the flaws of the standard qualitative and quantitative methods of social and political research. The Duhem-Quine principle of “holistic under-determinacy”, as well as the methodological problem of external validity of comparative

¹⁰ Bartenev, V.I. 2017. From ‘Failed States’ to ‘States of Fragility’: Logic of Conceptual Acrobatics // *Polis. Political Studies*, 2017, No. 2, pp. 26-41.

surveys (projection of identified relations between variables to a broader spectrum of phenomena), point to the limited heuristic and interpretational potential of comparative cross-national ratings. It is apparent that currently there are no comparative ratings that are characterized by sufficient validity to serve as a basis for building an average-level theory. Ideological monism, characteristic of the majority of mainstream rating projects, is a systematic methodological defect present in the corresponding surveys and the knowledge generated by them. It is particularly obvious in the case of Russia, which does not fit in the popular essentialist models and standards that pretend to be universal.

As is known, a research conducted with the help of comparative-institutional analysis must be open to free information access and re-conductible, as is required by general scientific rules of producing new knowledge. Unfortunately, few of the modern index projects objectively meet these criteria. Great significance attached to expert opinions in a lot of comparative ratings, as well as widespread cross-citation allow plenty of room for possible manipulation of results. The comparative-institutional study of Russia versus other countries, based on the correlational analysis and the recent data of numerous popular index-rating projects, has shown that many of these ratings (primarily political indices and “indices of freedom”) demonstrate a tendency for unjustified generalizations and labelling countries as “friend vs. foe”, which inevitably decreases research potential of these surveys.

Moreover, the conducted experiment has revealed that cross-national ratings also reflect the idea of “civilizational similarity”, the way it is perceived by those who compile the ratings on the basis of closeness of the countries’ cultural traditions. For instance, this accounts for the fact why many western combined ratings place Russia very far from European countries, basically on the opposite end of the hypothetical scale.

Russia’s example, especially in the context of its current confrontation with the USA, clearly demonstrates the standpoint of a number of rating organizations (in particular, those located on the territory of the United States and Great Britain and funded by the governments and various federal organizations). Their intention is

to fit Russia’s image in the ready-made artificial model, which was clearly communicated by former US Secretary of State Madeleine Albright: “Russia is a Bangladesh with missiles”.¹¹

Thus, modern popular cross-national ratings go outside the framework of scientific research and aspire to become self-sufficient and reputable standards of truth, although, objectively, they have no convincing and legitimate reasons for such aspirations (especially when their politicized and manipulative component has been debunked and is openly acknowledged). Instead of serving their basic function of searching and prompting models and references in various spheres, ratings are increasingly transforming into a leverage. Leading ratings are characterized by politicization, instrumentalism and commercialization, which is allowed by the modern reality, falsely entertaining a possibility of universal standards, models and values. The pointed out flaws of modern index-rating projects do not override their significance as an indispensable research tool which has an enormous potential.

In this context, comparative assessment of existing rating projects according to the criteria of trustworthiness, validity, objectivity and compliance with ethical standards, is increasingly gaining importance.

Литература:

Нисневич Ю.А. Индексы развития государств мира: справочник. М: Издательство НИУ ВШЭ, 2014.

Сравнительная политология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015.

Bartenev, V.I. 2017. From ‘Failed States’ to ‘States of Fragility’: Logic of Conceptual Acrobatics // *Polis. Political Studies*, 2017, No. 2, pp. 26-41.

Broome, A.; Homolar, A.; Kranke, M. Bad Science: International Organizations and the Indirect Power of Global Benchmarking // *European Journal of International Relations*, 2018, Vol. 24, Issue: 3, pp. 514-539.

Kelley, B.A.; Simmons, J.G. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // *American Journal of Political Science*, 2015, Vol. 59, No. 1, pp. 57-58.

Mennillo, G. Credit Rating Agencies in Asia: A Battle of Ideas / IPSA Conference Proceedings Library. 2018 Brisbane - 25th World Congress (*Borders and Margins*).

¹¹ Albright: “Putin Ist Smart, aber ein Wirklich Böser Mensch” / *DiePresse.com*, 18.04.2016. Mode of access: http://diepresse.com/home/politik/aussenpolitik/4970184/Albright_Putin-ist-smart-aber-ein-wirklich-boser-Mensch?_vl_backlink=/home/politik/index.do

Shapiro, I. The Flight from Reality in the Human Sciences. (Russ. ed.: Shapiro, I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnyh naukah*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2011. 368 p.)

References:

Bartenev, V.I. 2017. From 'Failed States' to 'States of Fragility': Logic of Conceptual Acrobatics // *Polis. Political Studies*, 2017, No. 2, pp. 26-41.
 Broome, A.; Homolar, A.; Kranke, M. Bad Science: International Organizations and the Indirect Power of Global Benchmarking // *European Journal of International Relations*, 2018, Vol. 24, Issue: 3, pp. 514-539.
 Indeksy razvitiya gosudarstv mira: spravochnik. Pod red. Yu.A. Nisnevich (The Development Indices of the Countries of the World: A Handbook. Ed. by

Yu.A. Nisnevich). Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2014.

Kelley, B.A.; Simmons, J.G. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // *American Journal of Political Science*, 2015, Vol. 59, No. 1, pp. 57-58.

Mennillo, G. Credit Rating Agencies in Asia: A Battle of Ideas / *IPSA Conference Proceedings Library. 2018 Brisbane - 25th World Congress (Borders and Margins)*.

Shapiro, I. The Flight from Reality in the Human Sciences. (Russ. ed.: Shapiro, I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnyh naukah*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2011. 368 p.)

Sravnitel'naja politologija. Pod red. O.V. Gaman-Golutvina (Comparative Politics. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina). Moscow: Aspect-Press. 2015.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10002

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ВАЛИДНОСТИ И ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖСТРАНОВЫХ ИНДЕКСОВ

Владимир Геннадьевич Иванов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 22 мая 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: В статье анализируется эвристический потенциал ведущих межстрановых индексо-рейтинговых исследований для сопоставительно-институционального анализа Российской Федерации и других стран мира. Автором был проведен корреляционный анализ позиций 145 стран мира в 16 наиболее цитируемых в социологии и политологии сравнительных рейтинговых исследованиях для того, чтобы определить коэффициент их корреляции с позициями РФ. Предпринятый анализ был дополнен сопоставлением оценок 144 стран в рассматриваемом массиве рейтингов с соответствующими показателями РФ, что позволило выделить группу стран демонстрирующих, по мнению составителей рейтингов, максимальную институциональную идентичность с Россией. Однако выявленные корреляции не обнаруживают эмпирического подтверждения и убедительной интерпретации, а выявленная «близость» к России ряда стран мира в значительной степени обуславливается политическими и идеологическими факторами, а также эффектом «имиджевой оценки». На основе полученных результатов в статье сделан вывод об ограниченности эвристического потенциала рассмотренного массива межстрановых рейтинговых исследований. Автор приходит к выводам о том, что популярные в современной политической науке сравнительные государственоведческие индексы обладают значительным эвристическим потенциалом, однако закономерности и корреляции, выявленные на основе статистического анализа их данных, и, особенно, качественных оценок, не в полной мере соответствуют критериям получения нового научного знания и могут рассматриваться преимущественно в качестве гипотез, требующих дополнительной каузальной обоснования и эмпирической верификации. Обязательная иерархичность репрезентации, присущая рейтингам, создает основания для их политизации и не вполне соответствует современной реальности, демонстрирующей поливариантность и полимодальность мирового развития.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., доцент, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов e-mail: ivanov_vg@pfur.ru</p>	
<p>Ключевые слова: межстрановые рейтинги; сравнительные индексы; политические институты; состоятельность государства; сравнительный анализ; валидность; корреляционный анализ; мягкая сила</p>	

Для цитирования: Ivanov, Vladimir G. The Problems of Assessing Validity and Political Potential of Cross-National Comparative Ratings // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 14-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10002

For citation: Ivanov, Vladimir G. The Problems of Assessing Validity and Political Potential of Cross-National Comparative Ratings // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 14-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10002

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10003

ПРОБЛЕМА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ СОВЕТСКОЙ БЮРОКРАТИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ НАСЛЕДСТВЕ Л.Д. ТРОЦКОГО

Виктор Павлович Макаренко

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

Халед Рефаат Кемалэльдин Бадави

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 26 июля 2018 <i>Принята к печати:</i> 3 июля 2020</p>	<p>Аннотация: В статье выявлены и проанализированы существенные положения концепции Троцкого в отношении советской бюрократии. Ее природа определяется связью с генезисом режима личной власти Сталина. Интеллектуально-философские тенденции бюрократизма – это комплекс процедур мысли и действия, на которые опирается режим личной власти как модификация просвещенной монархии, православной церкви и полицейского государства. Возникающие в данных религиозно-политических формах теории обосновывают бюрократическое мышление. Историю европейской и русской общественной мысли можно изучать как процесс отбора тех теорий, которые опровергают бюрократическую мысль и практику и противодействуют сосредоточению власти в одних руках. Нужна такая историографическая концепция, для которой ценность государства и бюрократии не является главной. Показано, что взгляды Троцкого на советскую бюрократию образуют важное звено теории и практики политического сопротивления режиму личной власти. История СССР есть история борьбы советской бюрократии за свою долю в доходах и во власти. Сталинские способы понимания теории Маркса и практики Ленина ложны и ведут к бюрократизации партии и государства. Существует сходство между политической практикой Сталина, деятельностью православной церкви, полицейского государства, итальянским фашизмом и германским нацизмом. Любые теоретические труды, выполненные по заказу вершины бюрократии, содержат опасность воспроизводства всех особенностей сталинского образа мысли и действия.</p>
<p>Об авторах: <i>Макаренко В.П.</i>, д.филос.н., д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии педагогических наук Украины; руководитель, главный научный сотрудник Центра политической концептологии, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет e-mail: vpmakar1985@gmail.com <i>Халед Рефаат Кемалэльдин Бадави</i>, аспирант, кафедра теоретической и прикладной политологии, Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет e-mail: refat1968@list.ru</p>	
<p>Ключевые слова: советская бюрократия; наследство Л.Д. Троцкого; теоретическое содержание; логическая структура и политические следствия концепции бюрократии Троцкого</p>	

Указанная в заглавии проблема находилась под запретом почти на всем протяжении существования СССР, за исключением периода *перестройки*. В 1989 г. в послесловии к переводу на русский язык классического труда С.Н. Паркинсона Л.Г. Ионин и

О.И. Шкаратан обобщили множество фактов, феноменов и тенденций, накопившихся на протяжении существования СССР: веберовский идеальный тип бюрократии не может использоваться для анализа советской бюрократии; надо выяснить принципиаль-

ное отличие марксовского подхода к анализу и оценке бюрократии от веберовского и либерального; советская бюрократия владела собственностью, обществом, средствами производства и человеческой жизнью; она функционировала так, что при этом не работали ни законы рынка, ни государственные законы, а царил произвол, облеченный в одежды «общественной целесообразности»; необходимо разрабатывать глобальный и сравнительно-исторический подходы к анализу бюрократии; советские ученые не раз пытались всерьез обсудить поставленную К. Марксом проблему *азиатского способа производства* (далее АСП), в котором бюрократия занимает господствующее положение, из-за чего Маркс определял эту систему как восточный деспотизм; но эти дискуссии при Сталине кончались репрессиями дискутантов, а в конце 1960-х гг. нелепыми обвинениями в адрес сторонников существования АСП и административно-волевым прекращением дискуссии; строительство социализма в России на деле обернулось повторением и усилением всех трагедий эпохи строительства капитализма; необходимо обосновать концепт антибюрократической революции на всем земном шаре и в каждой отдельной стране; законы Паркинсона надо уточнять применительно к месту и времени; при анализе советского общества важно применять закон вакуума Паркинсона (действие расширяется, чтобы заполнить пустоту, созданную промахами и ошибками политических руководителей); задача преодоления бюрократии является многопоколенной; советские граждане и общество в целом не имели никаких возможностей влиять на выработку финансовой политики государства; полное обезличивание сумм на различные «государственные дела» есть результат системы бюрократического управления обществом; уверенное в себе беззаконие – типичная характеристика СССР; заработная плата в СССР устанавливалась не за проделанную работу, а за точку, которую занимал на шкале должностей индивид; чиновнику в СССР принадлежало неписанное право давать людям жить или убивать их; распределение в СССР осуществлялось по законам сословного общества; большин-

ство людей в получении благ зависело не от успешности своего труда, а от своего статуса и воли вышестоящих лиц; поэтому СССР не смог уйти от капитализма, антиподом которого он хотел стать; СССР отличался от других стран каналами мобильности, которые объяснялись спецификой бюрократической системы; стремление к власти в данной системе было одним из наиболее порочных человеческих и социальных свойств; секретность – одно из могущественных орудий бюрократии, которая несет с собой тысячи социальных зол¹.

Эти констатации сделаны более 30 лет тому назад. Но за прошедшее время в России ситуация усугубилась². Поэтому не мешает напомнить: еще во второй половине XIX в. М.А. Бакунин в полемике с Марксом предсказал, что практическая реализация проекта Маркса приведет к полному господству бюрократии над населением России.

¹ См.: Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы (послесловие-диалог) // Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: сборник. Пер. с англ. Сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. С. 426-447. [Ionin, L.; Shkaratan, O. Parkinson i biurokraty (posleslovie-dialog) (Parkinson and the Bureaucrats (afterword dialogue) / Parkinson S.N. Zakony Parkinсона: sbornik. Per. s angl. Sost. i avt. predisl. V.S. Murav'ev. Moscow: Progress, 1989, pp. 426-447.]; Макаренко В.П., Халед Рефаат Кемальдин Бадави. Анализ бюрократии: общая матрица и проблема российско-египетской специфики // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 84-100. [Makarenko, V.P.; Khaled Refaat Kemale'din Badavi. Analiz biurokratii: obshchaia matritsa i problema rossiisko-egipetskoj spetsifiki (Analysis of Bureaucracy: a Common Matrix and the Problem of Russian-Egyptian Specifics) // *Gumanitarii Iuga Rossii*, 2020, Vol. 9, No. 2, pp. 84-100.]

² См.: Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину? Режим доступа: <https://www.democracy.ru/article.php?id=1136> [Kliamkin, I.; Kutkovets, T. Kak nas uchut liubit' Rodinu? (How We Are Taught to Love Our Homeland) / Mode of access: <https://www.democracy.ru/article.php?id=1136>]; Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007. [Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnia, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, and Tomorrow). Ed. by I.M. Kliamkin. Moscow. Novoe izdatel'stvo, 2007.]

Так и произошло. Поэтому реконструкция позиции Бакунина по проблеме бюрократии приобретает актуальность в современной России и мире³.

П.А. Кропоткин сразу после введения красного террора в письме Ленину писал: «В русском народе большой запас творческих постройных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции». Ответа на это письмо не последовало⁴.

В другом письме Ленину Кропоткин предсказывал: «Строительство ... по принципу строго централизованного государственного коммунизма, под железным правлением партийной диктатуры закончится крахом»⁵. Надежды В.И. Ленина на то, что диктатура пролетариата справится с возникающей советской бюрократией, начали рушиться уже в 1919 г.⁶.

Стало быть, проблема сравнительно-исторической природы советской бюрократии не может рассматриваться изолированно от анализа роли полиции в строительстве советского государства. Взаимосвязь полиции и бюрократии выразилась в становлении, кризисе и распаде СССР как полицейско-бюрократического государства⁷.

В этом контексте позиция Троцкого показательна прежде всего тем, что он был одним из главных строителей Советского государства, но одновременно создал в марксизме устойчивую традицию критики советской бюрократии. Однако эта критика не выходила за пределы марксистско-ленинских догм при объяснении процессов строительства СССР. Одной из таких догм была теория перманентной революции Троцкого, которая целиком совпадала с учением Ленина о постоянной революции⁸. Троцкий считал, что бюрократическое перерождение советской власти в сталинизм произошло из-за того, что революция в России не была поддержана на Западе. Одновременно «Троцкий полагал, что пролетариат оказался в СССР не в состоянии сохранить контроль над бюрократией, но последняя смогла установить свое господство, не разрушая социалистиче-

³ Бакунин М.А.: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. Сост., вступ.статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: изд-во РХГА, 2015. С. 747-893. [Bakunin, M.A.: pro et contra, antologiya (Pro et Contra, Anthology). 2-e izd., ispr. Sost., vstup. stat'ia, komment. P.I. Talerova. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA, 2015.]

⁴ Маркин В.А. Возвращение П.А.Кропоткина в Россию (1917-1921) // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И.И. Блауберг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССЛЭН), 2012. С. 18-19. [Markin, V.A. Vozvrashchenie P.A. Kropotkina v Rossiю (1917-1921) (The Return of P.A. Kropotkin to Russia (1917-1921)) / Petr Alekseevich Kropotkin / Ed. by I.I. Blauberger. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROS-SPEN), 2012.]

⁵ Ibid. С. 25.

⁶ См.: Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т. Ростов-на-Дону; Таганрог; изд-во Южного федерального университета, 2019. Т. 2:

Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? С. 62-131. [Makarenko, V.P. Sbranie sochinenii: v 3 t. Rostov-na-Donu; Taganrog; izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. T. 2: Biurokratiia i stalinizm. Politicheskaiia inertsiia: opyt refleksii. Legitimna li gosudarstvennaia sluzhba Rossiі? (Bureaucracy and Stalinism. Political inertia: the experience of reflection. Is the civil service of Russia legitimate?). Pp. 62-131.]

⁷ См.: Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: «Либеральная миссия», 2011. [Obolonskii, A.V. Krizis biurokraticheskogo gosudarstva. Reformy gosudarstvennoi sluzhby: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie realii (The Crisis of the Bureaucratic State. Civil Service Reforms: International Experience and Russian Realities). Moscow: «Liberal'naia missiia», 2011.]

⁸ Чернявский Г.И. Лев Троцкий. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 101-102. [Cherniavskii, G.I. Lev Trotskii (Lev Trotsky). 2-e izd. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012.]

ских потенциалов СССР... Полагая, что Сталин был «продуктом машины», Троцкий в то же время считал бюрократическую машину порождением сталинской воли»⁹.

Ю. Фельштинский и Г. Чернявский установили две ошибки в концепции Троцкого: она не объясняет причины направленности сталинского террора против самой бюрократии¹⁰; само приписывание СССР социалистических потенциалов ложно, поскольку коммунисты истребили все социалистические партии ради установления собственной монополии на власть. Однако выводы Троцкого о переходе Сталина от интернационализма к национализму и союзу с Гитлером в политике являются наиболее убедительными и документированными. «Все сказанное ставит труд Троцкого (речь идет о его незаконченной книге «Сталин», во время работы над которой он был убит советским агентом Р. Меркадером. – прим. автора) на выдающееся место в историографической оценке Сталина и сталинизма»¹¹.

В принципе мы согласны с этой оценкой, но попытаемся ее уточнить. Ю. Фельштинский и Г. Чернявский много пишут о внешних поводах и мотивах создания Троцким концепции советской бюрократии, но ничего не говорят о ее теоретическом содержании, логической структуре и политических следствиях. На наш взгляд, позиция Троцкого по проблеме бюрократии требует особого разбора. Прежде всего потому, что она дала толчок исследованиям бюрократии тем ученым и политикам, которые на определенных этапах своей научной и политической биографии принадлежали в теории к марксистам, а в организационном отношении к членам коммунистической партии. А также потому, что умерщвление Троцкого по указанию Сталина образует наиболее показательный пример того, к чему приводит

переплетение бюрократии с политической полицией. Под этим углом зрения можно написать серию книг, посвященную истории всех государств с точки зрения того, как возникало, развивалось и реализовалось это переплетение в XX веке. На правах предисловия к указанному труду можно использовать обобщение основных идей Троцкого, высказанных в процессе его борьбы со Сталиным.

Вместе с Лениным Троцкий определял возникающее советское государство как «государство с бюрократическим извращением». Это определение сложилось еще во время гражданской войны и в первые годы после нее, когда Троцкий и Ленин устанавливали основные направления внутренней и внешней политики РСФСР. Однако само определение свидетельствует о том, что Ленин и Троцкий были убеждены в возможности создания некоего идеального государства, свободного от «бюрократических извращений». Сами же они при этом были вершиной возникающей бюрократической иерархии советского государства и в этом смысле уже по должности (не говоря о духе) были крайними этатистами. Если бы это было не так, – они бы не пошли на истребление своих социалистических соратников по классово-борьбе с самодержавием. По крайней мере, ни Ленин ни Троцкий не отказались добровольно от своего места в данном государстве в качестве его бюрократической вершины и не дали возможности другим партиям и лицам бороться за это место. Власть для Ленина и Троцкого была главной ценностью, поэтому их критика бюрократии была, скорее, элементом политической риторики, чем стремлением разобраться в существе дела.

Потому что именно деятельность Ленина и Троцкого вместе с их единомышленниками и адептами породила альтернативу: либо приписывать вершине советской политической иерархии вечную и непреходящую правоту по всем вопросам социального и политического бытия (что по определению абсурдно, ибо является переносом на вершину государства предикатов Бога) либо считать вершину главным источником всех «бюрократических извращений», от которых фактически несвободно ни одно госу-

⁹ Фельштинский Ю., Чернявский Г. Троцкий о Сталине – Троцкий против Сталина / Троцкий Л.Д. Сталин. Книга первая. М.: Эксмо, 2011. С. 19-21. [Fel'shtinskii, Iu.; Cherniavskii, G. Predislovie k tret'emu tomu (Preface to Volume Three) / Trotski L.D. Stalin. Kniga vtorai. Moscow, 2011. Pp. 19-21.]

¹⁰ Ibid. С. 20.

¹¹ Ibid. С. 44.

дарство, а диктатуры тем более. Конечно, приписать «рациональность» такому государству можно – при согласии с Веберовской идеально-типической классификацией форм господства. Но она сразу становится дискуссионной при сопоставлении с любой социально-исторической конкретикой, тем более советской¹².

Короче говоря, процессы становления советской бюрократии и советского государства взаимосвязаны. Поэтому анализ процесса становления советской бюрократии можно начинать с изучения процессов мышления и деятельности вождя возникающего советского государства и всей цепи их наследников с точки зрения того, насколько они сами были свободны от бюрократических стандартов мысли и действия на всем протяжении их жизнедеятельности. Такой подход применим ко всей политической истории СССР, а также к постсоветской России, которая объявила себя правопреемником СССР, но тоже не смогла ни толком осознать, ни решить проблему бюрократии.

Например, в послеоктябрьских работах Ленина и Троцкого содержатся предпосылки для формулировки тезиса о производстве ради производства, согласно которому производство имеет самостоятельную ценность, независимо от того, как и насколько оно улучшает жизнь самих производителей и общества в целом. Тем самым возникает опасность отождествления интересов лиц, осуществляющих власть и реализующих государственную политику в сфере производства, с общими интересами всего населения государства. «Последующее развитие советского общества показало, что производство ради производства способствует укреплению бюрократии и режима личной власти»¹³. Эта

опасность не исчезла после ухода СССР из политической сцены. Экономическая, политическая и идеологическая эксплуатация продолжается и требует особого исследования, поскольку завещанного И. Берлиным освобождения населения страны от советского «опиума для народа» так и не произошло¹⁴.

В том числе потому, что Сталин после смерти Ленина использовал все явные и тайные рычаги, чтобы оттеснить Троцкого от реальной власти, политического влияния и идейного воздействия на членов партии и массы населения. Для этого он использовал партийный и государственный аппарат, включая политическую полицию. Поэтому можно сказать, что только Сталин превратил опасность отождествления собственной личной власти с интересами полиции в постоянно действующий фактор существования советского государства.

Взгляды Троцкого на бюрократию возникали в обстановке постоянного давления на него со всех сторон и направлений деятельности партийно-государственного аппарата СССР. Значит, проницательность, научная и политическая достоверность высказываемых Троцким суждений подвергалась постоянным проверкам. Что способствовало пророческим прозрениям относительно судеб того государства, в строительстве которого ему принадлежит выдающаяся роль. Таких прозрений в творчестве Троцкого много.

Приведем лишь одно из них. 3 марта 1937 г. Л.Д. Троцкий написал: «Советский режим либо освободится от бюрократического спрута, либо будет увлечен им в бездну»¹⁵. Так и произошло 54 года спустя, хотя на закате советской власти ее руководители проводили очередную кампанию по

(Bureaucracy and Stalinism. Political inertia: the experience of reflection. Is the civil service of Russia legitimate?). P. 131.

¹⁴ Берлин И. История свободы. Россия. М.: НЛО, 2001. С. 359-363. [Berlin, I. Istoriiia svobody. Rossiia (History of Freedom. Russia). Moscow: NLO, 2001.]

¹⁵ Троцкий Л.Д. Сталин. Книга вторая. М.: Эксмо, 2011. С. 525. [Trotsky, L.D. Stalin. Kniga vtoraya (Stalin. Book two). Moscow: Eksmo, 2011. P. 525.]

¹² Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 210-235. [Andreski, S. Samoe uiazvimoe mesto: poniatie ratsional'nosti (The Most Vulnerable Point: the Concept of Rationality) // *Politicheskaia kontseptologiya*, 2011, No. 1, pp. 210-235.]

¹³ Makarenko, V.P. Sbranie sochinenii: v 3 t. Rostov-na-Donu; Taganrog;: izd-vo Iuzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. T. 2: Biurokратиia i stalinizm. Politicheskaia inertsiia: opyt refleksi. Legitimna li gosudarstvennaia sluzhba Rossii?

«борьбе с бюрократизмом». Значит, взгляды Троцкого на советскую бюрократию не потеряли эвристический потенциал при диагностике современного государственного аппарата России.

Начнем доказательство с систематизации содержания статьи «О философских тенденциях бюрократизма», написанной в 1928 году¹⁶. По мнению Троцкого, становление сталинского режима создавало хорошие условия для анализа указанных тенденций. Если судить по проблематике всей статьи, то в состав установленных Троцким тенденций входят:

- возможность дать общее определение социальной природы и политических функций бюрократии на основе наблюдения за практикой становления аппарата коммунистической партии и советского государства;

- извлечение из этого определения квалификации социологической теории факторов как разновидности бюрократического мышления;

- описание истории всей европейской и русской общественной мысли как процесса накопления стереотипов бюрократического мышления в содержании различных социально-философских теорий;

- иллюстрация данных стереотипов на примере сталинских оценок политического процесса в дореволюционной России и в СССР.

Кратко охарактеризуем данные тенденции.

Определение социальной природы и политических функций бюрократии. Троцкий определял бюрократию как наиболее организованную и централизованную часть (прослойку) класса и всего гражданского общества, которая ведет ожесточенную борьбу за свою долю в доходе и во власти и потому возвышается над классом, даже если она ему служит. Возникающую в СССР бюрократию

Троцкий называл «рабочей бюрократией», к которой полностью применимы определения руководящей, управляющей и привилегированной общественной группы. Навыки управления образуют социальную функцию и источник преимуществ бюрократии. Это налагает властный отпечаток на ее мышление.

Термины «бюрократизм» и «формализм» Троцкий использовал для характеристики возникающей в СССР системы управления и соответствующего ей типа мышления. Он считал «в высшей степени благодарной задачей» изучить бюрократическую струю в философии со времени появления полицейской монархии, которая группировала вокруг себя интеллектуальные силы страны. Вопрос о тенденциях бюрократического перерождения партии, профсоюзов, государства и теоретического мышления возникает в данном контексте. Иначе говоря, полицейская монархия – благодатная почва для произрастания и культивирования бюрократического способа мысли и действия. При этом Троцкий исходит из классического марксовского положения: поскольку бытие определяет сознание, постольку бюрократизм производит опустошительные завоевания в области теории.

Общее положение о бюрократической струе в философии Троцкий иллюстрирует *теорией факторов*. По его мнению, генезис данной теории обусловлен социальным разделением труда (отделением умственного труда от физического) и появлением бюрократической иерархии (министерств и департаментов), которая возвышается над обществом и нуждается в персональном управлении. Такое управление типично для монархий. Но республиканские страны тоже не свободны от бюрократизма, который порождает или воспроизводит цезаризм, бонапартизм и фашизм, едва соотношение классов открывает для бюрократии такую возможность. Троцкий считал, что теория факторов способствует порождению в обществе различных форм диктатуры, а в понимании природы конструирует фигуру бога как главноуправляющего. Данная теория связывает философию с общественно-исторической рефлексией, которая при-

¹⁶ См.: Электронный ресурс. Троцкий Л.Д. О философских тенденциях бюрократизма. Режим доступа: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1928/philosophical_tendencies/01.htm [Trotsky, L.D. O filosofskikh tendentsiakh biurokratizma (On the Philosophical Trends of Bureaucracy). Mode of access: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1928/philosophical_tendencies/01.htm]

нимает форму пиетета перед методами просвещенной монархии и олигархии.

Теория факторов базируется на идее равноправия экономики, политики, права, морали, науки, религии и эстетики в общественной жизни. Согласно Троцкому, эта идея не имеет ничего общего с реальностью. Она производна от удобств бюрократического управления, переплетенной с идеализмом в философии и позитивизмом в теоретическом познания: «Сила власти, – писал Троцкий, – во всяком случае исходит сверху вниз, от факторов к фактам. В этом идеалистичность всей системы. Факторы, которые являются по сути дела ничем иным, как суммарным названием для группы однородных фактов, наделяются особой, имманентной, т. е. внутренне присущей им силой для управления подведомственными им фактами. Совершенно так же, как бюрократ, даже и республиканский, обладает необходимой благодатью, хотя бы и секуляризованной, для управления делами своего ведомства. Доведенная до конца теория факторов есть особая и очень распространенная разновидность имманентного идеализма»¹⁷.

Троцкий полагал, что *идеализм типичен для истории русской и европейской общественно-политической мысли. В качестве примеров он приводил* раскол в православии в XVII в.¹⁸, а также ошибочную трактовку высказывания Гегеля «все действительное разумно» как «все существующее разумно» в XIX в. В обоих случаях указанные толкования вели к архиконсервативным позициям в политике и мировоззрении. Но данные примеры Троцкий считал бледными копиями по сравнению с тем процессом бюрократизации партии и государства, который инициировал Сталин в результате собственного ложного понимания теории Маркса и практики Ленина.

В состав такого *способа понимания* входит ряд процедур, каталог которых составил Троцкий на основе разбора речей, текстов, поведения и политической линии Сталина:

– подбор цитат из текстов Маркса, Энгельса и Ленина для обоснования собственного поведения с целью захвата личной власти в соответствии со складывающейся в данном месте и времени конъюнктурой;

– культивирование спора о словах и канонизация определений вместо овладения всем составом теории и практики Маркса, Энгельса, Ленина¹⁹;

– сознательное затемнение существа любого дела с целью использовать возникающую неопределенность в собственных интересах;

– конъюнктурно-эмпирическое и утилитарно-прагматическое отношение к теории²⁰;

– стремление раздробить революционный процесс на изолированные этапы в целях создания собственного варианта прагматической историографии;

– определенный стиль речи и письма²¹.

Отметим, что все эти свойства мысли и действия характеризуют вершину советской политической иерархии. Из них вытекает сходство между политической практикой

¹⁹ Троцкий полагает, что канонизация теоретических определений чаще всего необходима тогда, когда, по слову Фомы Аквинского, приходится верить, ибо это абсурд.

²⁰ Согласно Троцкому, руководствоваться теорией значит руководствоваться обобщением всей предшествующей практики человечества для того, чтобы с наибольшим успехом справиться с той или другой практической задачей сегодняшнего дня. Только эпоха исторических катастроф всей капиталистической системы, открывшая возможность претворения основных выводов марксизма в жизнь, сделала людей (далеко не всех) восприимчивыми к пониманию марксизма в целом.

²¹ Как с сарказмом писал Троцкий, любую статью или речь Сталина можно расчленить на ряд независимых друг от друга общих мест, расположенных в порядке случайной последовательности. Цифры при этом закрепляют отсутствие логической последовательности или фиксируют бесплодную риторику вопросов. «Все теоретические и исторические ссылки Сталина имеют либо сознательно неопределенный и двусмысленно защитный характер, либо же, при претензии на конкретность и точность, оказываются почти непременно ложными... Неопределенность инсинуаций должна облегчить теоретику возможность своевременно юркнуть в подворотню». Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ По мнению Троцкого, раскол возник на основе ложно понятых или ошибочно переписанных нескольких строк текста.

Сталина, деятельностью православной церкви и полицейского государства. Во всех случаях речь идет об описании мысли и действия верховного бюрократа – политического или религиозного²². А в конкретно-исторических обстоятельствах 1920-1930-х гг. Троцкий констатировал подобие между сталинской теорией и практикой строительства социализма в СССР, фашизмом в Италии (Муссолини) и нацизмом в Германии (Гитлер). Стало быть, советский социализм, итальянский фашизм и германский нацизм можно считать подходящими объектами для анализа бюрократии XX века.

Субъективными причинами такого сходства Троцкий считал эмпиризм, короткомыслие, органическое презрение Сталина к обобщениям. Объективные причины заключались в напоре бюрократии и новых собственников против идей международной революции. Для обоснования собственной дистанции в отношении сталинского варианта строительства социализма в России Троцкий проводил различие между революционным и бюрократическим пониманием диктатуры пролетариата²³.

В целом сталинскую интерпретацию наследия Маркса и Ленина Троцкий характеризовал как теоретический хвостизм, «который состоит на посылках у практики сегодняшнего дня... Сталин имеет в виду те «теории», которые создаются по заказу секретариата в «неразрывной связи» с практикой аппаратно-центристского руководства в период политического сползания».

Из характеристики Троцким вершины

²² Как пишет Троцкий: «Бюрократические теоретики подобрали цитаты так же, как попы всех церквей подбирают тексты применительно к обстоятельствам». Там же

²³ Революционное понимание диктатуры пролетариата состоит в квалификации ее как организованного соотношения классов, которые изменяются материально и духовно и тем самым ослабляют или укрепляют диктатуру пролетариата. «А для бюрократа диктатура есть некоторый самодовлеющий фактор или метафизическая категория, стоящая над реальными классовыми отношениями и в самой себе заключающая все необходимые гарантии. В довершение каждый отдельный бюрократ склонен рассматривать диктатуру как ангелогаранителя, стоящего за его креслом».

советской политической иерархии в статье «О философских тенденциях бюрократизма» вытекает его описание партийной бюрократии в работе «Термидор»²⁴.

Он показал, что еще при жизни Ленина Сталин начал отбирать в партийный аппарат лично преданных ему людей. Как правило, это были морально разложившиеся люди, злоупотреблявшие в личных целях высоким положением карьеристы, развращенные, бесстыдные и циничные дети бюрократии.

Для маскировки нравственного вырождения партийная бюрократия руководствовалась тремя идеями, которые сложились в процессе борьбы Сталина против «троцкизма»²⁵ и одобрялись слоем советских руководителей:

1. Мнимая защита интересов крестьян под лозунгом борьбы со «сверхиндустриализацией» программы Троцкого. На деле бюрократия не хотела тревожить верхи нэповской мелкой буржуазии как своего союзника в борьбе против троцкизма.

2. Борьба против теории перманентной революции объясняется тем, что бюрократия не хотела ставить свои позиции в зависимость от риска, связанного с международной революционной политикой. Так возникла сталинская теория «социализма в одной стране» – после ликвидации всех настоящих социалистов на территории бывшей Российской империи.

3. Борьба против равенства под лозунгом «борьбы с уравниловкой» ради оправдания и защиты системы складывающихся привилегий.

В итоге указанных процессов произошло преобразование Сталина из революционера рабочей партии в вождя нового привилегированного слоя²⁶.

²⁴ См.: Троцкий Л.Д. Сталин. Книга вторая. М.: Эксмо, 2011. С. 218-283. [Trotsky, L.D. Stalin. Kniga vtoraya (Stalin. Book two). Moscow: Eksmo, 2011. Pp. 218-283.]

²⁵ Термин «троцкизм» взят в кавычки потому, что никакого троцкизма и ленинизма не существовало. Оба термина были изобретены Сталиным для обслуживания собственной борьбы за власть.

²⁶ Троцкий Л.Д. Сталин. Книга вторая. М.: Эксмо, 2011. С. 239-242. [Trotsky, L.D. Stalin. Kniga vtoraya (Stalin. Book two). Moscow:

Политэкономическое резюме Троцкого однозначно: партийно-государственная бюрократия присваивает себе ту часть национального дохода, которую может обеспечить своей силой, авторитетом, прямым вторжением в экономические отношения. Кто распоряжается прибавочным продуктом, тот распоряжается и государственной властью²⁷.

Наконец, после заключения советско-германского пакта о ненападении, развязавшего руки Гитлеру и спровоцировавшего вторую мировую войну, Троцкий решительно определил Сталина как интенданта Гитлера и воплощение бюрократии: «Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насковозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он пронизателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук... Жадность к господству, страх перед массами, беспощадность к слабому противнику, готовность согнуться вдовое перед сильным врагом – эти свои черты новая бюрократия нашла в Сталине в наиболее законченном выражении, и она провозгласила его своим императором... Сталин – не личность, а персонификация бюрократии»²⁸.

В предисловии к третьему тому книги «Сталин» (который составлен из статей Троцкого) Ю. Фельштинский и Г. Чернявский пишут: «Если судить по состоянию умов в современной России, мсть истории Сталину еще не состоялась. Мы надеемся, что эта публикация будет способствовать воссозданию исторической правды о величайшем политическом преступнике XX века»²⁹. Не исключено, что

одним из элементов достижения и практической реализации указанной правды может служить реконструкция концепции советской бюрократии, содержащаяся в трудах Троцкого.

Существенные положения этой концепции таковы:

- природа советской бюрократии определяется ее связью с генезисом режима личной власти Сталина;

- философские тенденции бюрократизма – это комплекс процедур мысли и действия, на которые опирается режим личной власти как модификация просвещенной монархии, православной церкви и полицейского государства;

- возникающие в рамках данных религиозно-политических форм социальные теории могут обосновывать бюрократическое мышление;

- историю европейской и русской общественной мысли можно изучать как процесс отбора тех и только тех теорий, которые опровергают бюрократическую мысль и практику и блокируют любое сосредоточение власти в одних руках;

- но для этого требуется определенная историографическая концепция, для которой ценность государства и его бюрократии не является главной;

- взгляды Троцкого на советскую бюрократию могут рассматриваться как важное звено теории политического сопротивления режиму личной власти;

- социальная природа бюрократии может устанавливаться путем определения ее принадлежности к определенному классу и гражданскому обществу в целом;

- история любого государства (включая СССР) может рассматриваться как история борьбы его бюрократии за свою долю в доходах и во власти;

- под таким углом зрения можно рассматривать историю советского права и его разделов;

- властно-управленческий отпечаток на мышлении может блокировать адекватность мышления;

- группировка интеллектуальных сил вокруг бюрократии всегда содержит опасность превращения их в службу власти и

Eksmo, 2011. Pp. 239-242.]

²⁷ Ibid. С. 225-247.

²⁸ Ibid. С. 588, 625.

²⁹ Fel'shtinskii, Iu.; Cherniavskii, G. Predislovie k tret'emu tomu (Preface to Volume Three) / Trotskii L.D. Stalin. Kniga vtoraiia. Moscow, 2011. P. 377.

теоретического опустошения;

– социальное разделение труда, бюрократическая иерархия, персонализация управления и религиозное отношение к действительности взаимосвязаны;

– любой пиетет перед методами просвещенной монархии и олигархии надо отвергнуть;

– системы и процессы управления можно рассматривать через призму противоположности между идеализмом и материализмом;

– приписывание разума существующей действительности ведет к консервативным позициям в политике и мировоззрении;

– все сталинские способы понимания теории Маркса и практики Ленина ложны и ведут к бюрократизации партии и государства;

– существует *сходство* между политической практикой Сталина, деятельностью православной церкви, полицейского государства, итальянским фашизмом и германским нацизмом;

– всякие теоретические труды, выполненные по заказу вершины бюрократии, содержат опасность воспроизводства всех особенностей сталинского образа мысли и действия.

Мы не настаиваем, что полностью исчерпали теоретическое содержание работ Троцкого, посвященных советской бюрократии. Но этого достаточно для двух принципиальных выводов: суть советской бюрократии в том, что она распоряжалась прибавочным продуктом и государственной властью; Троцкий отвергал идею Вебера о том, что управление государством может быть рациональным.

Литература:

Андрески С. Самое уязвимое место: понятие рациональности // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 210-235.

Бакунин М.А.: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. Сост., вступ.статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: изд-во РХГА, 2015. С. 747-893.

Берлин И. История свободы. Россия. М.: НЛЮ, 2001.

Ионин Л., Шкаратан О. Паркинсон и бюрократы (послесловие-диалог) // Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: сборник. Пер. с англ. Сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. С. 426-447.

Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину? Режим доступа: <https://www.democracy.ru/article.php?id=1136>

Макаренко В.П. Собрание сочинений: в 3 т. Ростов-на-Дону; Таганрог; изд-во Южного федерального университета, 2019. Т. 2: Бюрократия и сталинизм. Политическая инерция: опыт рефлексии. Легитимна ли государственная служба России? С. 62-131.

Макаренко В.П., Халед Рефаат Кемалэльдун Бадави. Анализ бюрократии: общая матрица и проблема российско-египетской специфики // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 84-100.

Маркин В.А. Возвращение П.А.Кропоткина в Россию (1917-1921) // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И.И. Блауберг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССЛЭН), 2012. С. 18-19.

Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: «Либеральная миссия», 2011.

Российское государство: вчера, сегодня, завтра. Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство, 2007.

Троцкий Л.Д. Сталин. Книга вторая. М.: Эксмо, 2011.

Фельштинский Ю., Чернявский Г. Троцкий о Сталине – Троцкий против Сталина / Троцкий Л.Д. Сталин. Книга первая. М.: Эксмо, 2011. С. 19-21.

Чернявский Г.И. Лев Троцкий. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 101-102.

References:

Andreski, S. Samoe uiazvimoe mesto: poniatie ratsional'nosti (The Most Vulnerable Point: the Concept of Rationality) // *Politicheskaiia kontseptologiiia*, 2011, No. 1, pp. 210-235.

Bakunin, M.A.: pro et contra, antologiiia (Pro et Contra, Anthology). 2-e izd., ispr. Sost., vstup.stat'ia, komment. P.I. Talerova. St. Petersburg: Izd-vo RKhGA, 2015.

Berlin, I. Istoriia svobody. Rossiia (History of Freedom. Russia). Moscow: NLO, 2001.

Cherniavskii, G.I. Lev Trotskii (Lev Trotsky). 2-e izd. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012.

Fel'shtinskii, Yu., Cherniavskii, G. Predislovie k tret'emu tomu (Preface to Volume Three) / Trotskii L.D. Stalin. Kniga vtoraiia. Moscow, 2011. Pp. 19-21.

Ionin, L., Shkaratan, O. Parkinson i biurokraty (posleslovie-dialog) (Parkinson and the Bureaucrats (afterword dialogue) / Parkinson S.N. Zakony Parkinsona: sbornik. Per. s angl. Sost. i avt. predisl. V.S.Murav'ev. Moscow: Progress, 1989, pp. 426-447.

Kliamkin, I., Kutkovets, T. Kak nas uchat liubit' Rodinu? (How We Are Taught to Love Our Homeland) / Mode of access: <https://www.democracy.ru/article.php?id=1136>

Makarenko, V.P. Sbranie sochinenii: v 3 t. Rostov-na-Donu; Taganrog.; izd-vo Iuzhnogo federal'nogouniversiteta, 2019. T. 2: Biurokratiia i stalinizm. Politicheskaiia inertsiia: opyt refleksii. Legitimna li gosudarstvennaia sluzhba Rossii? (Bureaucracy and Stalinism. Political inertia: the experience of reflection. Is the civil service of Russia legitimate?). Pp. 62-131.

Makarenko, V.P.; Khaled Refaat Kemal'el'din Badavi. Analiz biurokratii: obshchaia matritsa i problema rossiisko-egipetskoii spetsifikii (Analysis of Bureaucracy: a Common Matrix and the Problem of Russian-Egyptian Specifics) // *Gumanitarii Iuga Rossii*, 2020, Vol. 9, No. 2, pp. 84-100.

Markin, V.A. Vozvrashchenie P.A. Kropotkina v Rossiiu (1917-1921) (The Return of P.A. Kropotkin to Russia (1917-1921)) / Petr Alekseevich Kropotkin /

Ed. by I.I. Blauberger. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROS-SPEN), 2012.

Obolonskii, A.V. Krizis biurokraticheskogo gosudarstva. Reformy gosudarstvennoi sluzhby: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie realii (The Crisis of the Bureaucratic State. Civil Service Reforms: International Experience and Russian Realities). Moscow: «Liberal'naia missiia», 2011.

Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnia, zavtra (Russian State: Yesterday, Today, and Tomorrow). Ed. by I.M. Kliamkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.

Trotsky, L.D. Stalin. Kniga vtoraya (Stalin. Book two). Moscow: Eksmo, 2011.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10003

THE PROBLEM OF COMPARATIVE-HISTORICAL NATURE OF THE SOVIET BUREAUCRACY IN THEORETICAL HERITAGE OF L.D. TROTSKY

Viktor P. Makarenko

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Khaled Reefat Kamaleldin Badawy

*Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 01.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The article identifies and analyzes the essential provisions of Trotsky's concept regarding the Soviet bureaucracy. Its nature is determined by the connection with the genesis of Stalin's regime of personal power. The intellectual and philosophical tendencies of bureaucracy are a complex of procedures of thought and action, on which the regime of personal power is based as a modification of the enlightened monarchy, the Orthodox Church and the police state. Theories arising in these religious-political forms justify bureaucratic thinking. The history of European and Russian social thought can be studied as a process of selecting those theories that refute bureaucratic thought and practice and counteract the concentration of power in one hand. A historiographic concept is needed for which the value of the state and bureaucracy is not the main one.</p> <p>According to the paper, Trotsky's views on the Soviet bureaucracy form an important link in the theory and practice of political resistance to the regime of personal power. The history of the USSR is the history of the struggle of the Soviet bureaucracy for its share in revenues and in power. The Stalinist ways of understanding the theory of Marx and the practice of Lenin are false and lead to the bureaucratization of the party and state. There is a similarity between the political practice of Stalin, the activities of the Orthodox Church, the police state, Italian fascism and German Nazism. Any theoretical works commissioned by the pinnacle of the bureaucracy contain the danger of reproducing all the features of the Stalinist way of thinking and acting.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Viktor P. Makarenko</i>, Dr. of Philosophy and Political Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine; Head and Principal Researcher at the Center for Political Conceptology, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University</p> <p>e-mail: vpmakar1985@gmail.com</p> <p><i>Khaled Reefat Kamaleldin Badawy</i>, Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University</p> <p>e-mail: refat1968@list.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Soviet bureaucracy; heritage of L.D. Trotsky; theoretical content; logical structure and political consequences of the concept of Trotsky's bureaucracy</p>	

Для цитирования: Макаренко В.П., Халед Рефаат Кемальдин Бадави. Проблема сравнительно-исторической природы советской бюрократии в теоретическом наследстве Л.Д. Троцкого // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 23-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10003

For citation: Makarenko, Viktor P.; Khaled Reefat Kamaleldin Badawy. Problema sravnitel'no-istoricheskoy prirody sovetskoy byurokratii v teoreticheskom nasledstve L.D. Trotskogo (The Problem of Comparative-Historical Nature of the Soviet Bureaucracy in Theoretical Heritage of L.D. Trotsky) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 23-33.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10003

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10004

КОНКУРЕНЦИЯ ВНЕШНИХ ИГРОКОВ ЗА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МОРСКИХ ПОРТОВ)

Мария Андреевна Володина

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 14 мая 2020 Принята к печати: 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: В работе исследуется роль морского сообщения в экономическом развитии стран Африканского континента. Показывается, что модернизация морских портов не только привлекает потенциальных инвесторов, но и открывает новые возможности для африканских стран. Благодаря созданию новых инновационных портов создаются новые рабочие места, появляются обучающие программы, местное население активнее приобретает к новым технологиям. Иностранные компании нередко предлагают комплекс мер по реформированию транспортно-логистических систем африканских стран, с соединением всех транспортных артерий для ускоренной доставки грузов. Существует ряд проблем, препятствующих осуществлению амбициозных логистических проектов, однако при совместных усилиях иностранных представителей и местных властей удается поступательно реформировать законодательные акты, подготовить транспортные решения с учетом специфики каждой страны, улучшить инвестиционную привлекательность африканских стран. Проекты, реализуемые в Северной и Западной Африке, отражают разные подходы ведущих стран мира к внешнеэкономической стратегии. Основными конкурентами в борьбе за новые проекты в Африке становятся западные страны, с одной стороны, и Китай – с другой. Морское сообщение является старейшим транспортным сообщением в Африке, многие порты возводились усилиями колониальных властей. Некоторые порты имеют узкую товарную специализацию, что тормозит развитие морского сообщения. Необходимы новые инновационные порты для успешных торговых операций стран Африки. В некоторых странах решение транспортно-логистических задач было продиктовано экономическими и промышленными нуждами. Например, в Марокко строительство автомобильных заводов (с необходимостью последующей транспортировки готовой продукции) побудило иностранные компании разработать план инновационного техногорода с современным портом. В целом, во многих странах процесс модернизации транспортных и логистических систем еще только начинается, но именно порты стали отправной точкой зарождения новых инвестиционных программ системных преобразований в Африке.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 17-78-20216 “Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы”.</i></p>
<p>Об авторе: к.и.н., старший научный сотрудник, ИМЭМО РАН e-mail: volodinamarie@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: морские порты; транспортная инфраструктура; Западная Африка; Северная Африка; модернизация портов; иностранные инвестиции; конкуренция европейских и китайских ТНК</p>	

В современных условиях стремительное развитие мировой торговли, совершаемой преимущественно морским путем, актуализирует внимание к функционированию морских перевозок. На Африканском континенте порты рассматриваются не только как «проводники» международной торговли, но и как стратегические форпосты для проникновения и продвижения иностранных проектов, нацеленных на модернизацию стран Аф-

рике. В современных условиях стремительное развитие мировой торговли, совершаемой преимущественно морским путем, актуализирует внимание к функционированию морских перевозок. На Африканском континенте порты рассматриваются не только как «проводники» международной торговли, но и как стратегические форпосты для проникновения и продвижения иностранных проектов, нацеленных на модернизацию стран Аф-

рики. Транспортно-логистические проекты при участии международных консорциумов и иностранных компаний позволяют африканским государствам получать уникальный опыт и технологии, а также расширять торговые связи между африканскими странами. Для иностранных инвесторов африканские порты предоставляют возможность участия в реализации принципиально новых для Континента транспортно-логистических проектов (соединения основных путей сообщения воедино) для активного проникновения на африканский рынок.

Примечательно, что к расширению присутствия иностранных инвесторов в портовом хозяйстве других регионов, например Европы, последние годы уделяется довольно много внимания экспертов¹, особенно когда речь идет о китайской экспансии. В то же время активность внешних игроков в сфере модернизации африканских портов по крайней мере в России остается слабо изученной. Наша статья призвана восполнить этот дефицит в части анализа портовой инфраструктуры Западной и Северной Африки, которой пока посвящены (и то «по касательной») две небольших статьи отечественных африканистов², а также ряд статей зарубежных авторов по частным вопросам (например, учете экологического фактора в

портах Гвинейского залива³ или специфике развития отдельных портов, в частности Танжера⁴). В первом разделе нами представлены общие черты портового хозяйства региона, в особенности барьеры на пути его модернизации. Следующие разделы статьи основаны на анализе конкретных кейсов и построены по географическому принципу – Западная Африка, Магриб и занимающий особое положение благодаря наличию Суэцкого канала Египет.

Общие черты портового хозяйства стран Западной и Северной Африки

Нередко существуют факторы, препятствующие развитию транспортно-логистических сетей и внедрению амбициозных международных и межафриканских проектов:

- неразвитая инфраструктура на Африканском континенте;
- зарегулированность рынка многих африканских стран;
- коррупция;
- отсутствие прозрачности в транспортной логистике;
- наличие многочисленных транспортных компаний, причем на Африканском континенте в основном преобладают частные логистические компании;
- высокие тарифы в Африке (выше, чем в других регионах мира);
- отсутствие разветвленной сети железнодорожных магистралей препятствует ускоренной доставке грузов во все уголки Африканского континента;
- наличие транспортных соглашений между африканскими странами и отсутствие единого для всего Африканского континента транспортного соглашения, облегчающего

¹ Например: Burns, M.G. Port Management and Operations. CRC Press, 2018; UNCTAD, Обзор морского транспорта. 2013. Mode of access: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gmt2013_ru.pdf, и подобные этому документы международных организаций и т.п.

² Фогель Д.В. Улучшение состояния транспортной инфраструктуры Африки как фактор стимулирования деятельности иностранных инвесторов // Экономические отношения. 2018. Том 8. № 4. С. 589-603. [Fogel, D.V. Improving the Condition of Transport Infrastructure of Africa as a Factor of Stimulation the Activity of Foreign Investors // *Journal of International Economic Affairs*, 2018, Vol. 8, No. 4, pp. 589-603.]; Носков А.Ю. Портовая инфраструктура стран Северной Африки и ее влияние на интеграцию в Средиземноморье // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5 (718). С. 21-25. [Noskov, A. Port Infrastructure of Northern Africa Countries and Its Impact on Integration in the Mediterranean // *Asia and Africa Today*, 2017. No. 5 (718), pp. 21-25.]

³ Barnes-Dabban, H.; Van Koppen, K.; Mo, A. Environmental Reform of West and Central Africa Ports: the Influence of Colonial Legacies // *Maritime Policy & Management*, 2017, Vol. 44, No. 5, pp. 565-583. Mode of access: <https://doi.org/10.1080/03088839.2017.1299236>

⁴ Babounia, A.; El Imrani, O. The Logistics of Port Container Terminals: What Prospects for Fostering the Role of Tangier Med Port in the Global Maritime Logistics? // *Revue de Gestion et d'Économie*, 2016, Vol. 4, No. 1, pp. 30-49.

торговые операции между африканскими партнерами;

- усложненные процедуры регистрации и прохождения пограничного контроля, что увеличивает сроки доставок грузов;

- сильная зависимость торговых и транспортных проектов от внутриполитической ситуации в африканских странах;

- неравномерность развития транспортной сети: регионы с наиболее устойчивой экономикой имеют возможность проводить планомерную модернизацию своих путей сообщения, что приводит к снижению транспортных, бюрократических и финансовых издержек при транспортировках.

Для всестороннего развития международного торгового сотрудничества Африканского континента предполагается ввести следующие меры:

- создание единого межафриканского соглашения для облегчения приграничных логистических проектов, транспортной доступности наиболее отсталых регионов Африки;

- форсированное внедрение *межафриканских проектов* (как инфраструктурных, так и транспортно-логистических) для возможного привлечения и подключения иностранных инвесторов к уже разработанным проектам, *отвечающим потребностям африканцев*;

- реформирование финансовых систем африканских стран – преобразование большей части налоговых поступлений, получаемых за счет топлива (переменные затраты), в налоги на владение и регистрацию грузового транспорта (постоянные издержки);

- изменение налогообложения – снижение импортных пошлин (особенно на технику и транспортные средства), что позволит правительствам многих африканских государств закупать современные транспортные средства, облегчит логистические задачи;

- либерализация экономики стран Африканского континента;

- внедрение инновационных технологий во все сферы жизнедеятельности африканских государств;

- привлечение иностранных специалистов для обучения местного населения, причем для этого необходимы предварительные

условия в виде наличия специальных образовательных программ в африканских странах – для обучения иностранным языкам, компьютерной грамотности, что в дальнейшем будет способствовать скорейшему приобщению к научным знаниям всего мира в области технологий и др.

Именно *морской транспорт* стал первым средством сообщения между странами Континента и странами мира. В настоящий момент через африканские порты ежегодно перевозится около 265 млн тонн (Африканский Банк Развития), к 2040 году планируется увеличение поставок до 2 млрд тонн в год⁵.

Основными операторами, работающими в крупнейших портах Африки, являются: APMT (Дания), ICTSI (Филиппины), DP World (Дубай), MAERSK Group (Дания); лидером портовых перевозок в Африке бесспорно становится компания Bolloré Africa Logistics (Франция), располагающая 14 портовыми концессиями.

Отличительной особенностью компании Bolloré справедливо считается выигрышное сочетание нескольких характеристик: применение совершенной техники, возможность использования данной компании для различных типов грузов, четкий контроль до финальной точки доставки груза, мультимодальная схема – именно руководители данной компании инициировали создание «сухих портов» с таможенными складами. Многие крупные компании – поставщики на Африканский континент заключают договор с компанией Bolloré на хранение и управление своими поставками. Для создания разветвленной системы транспортно-логистической артерии компания Bolloré успешно покупает активы железнодорожных компаний африканских стран, например, Sitarail (Кот-д’Ивуар, Буркино-Фасо), Camrail (Камерун). Однако

⁵ Transport Maritime: accroître la capacité et l’efficacité des ports africains aux fins de la croissance économique // African Union. IE18279 – 133/29/15. Mode of access: https://au.int/sites/default/files/documents/32186-doc-maritime_transport_increasing_african_ports_capacity_and_efficiency_for_economic_growth-f.pdf

чрезмерная вовлеченность представителей компании Bolloré в политическую жизнь стран Африки подрывает ее авторитет – в настоящий момент проводятся расследования о возможной причастности компании к выборам в Того и в Гвинею.

По размещенной на сайтах компании Bolloré информации, можно с уверенностью констатировать, что именно Западная Африка входит в число приоритетных направлений деятельности компании. По сравнению, например, с Алжиром, где компания активно работает с 1999 года и имеет немногочисленный состав сотрудников (схожие показатели и в Марокко), страны Западной Африки, такие как Бенин, ведут диверсифицированные экономические проекты с компанией Bolloré. Во-первых, страны Западной Африки располагают открытым выходом в Атлантический океан, тем самым имея доступ к разнообразным поставкам и расширению экономических контактов со многими странами мира. Во-вторых, страны Западной Африки обладают разветвленной сетью транспортно-логистических контактов, что, в свою очередь, укрепляет внешнеэкономические связи в регионе и привлекает потенциальных инвесторов. Бенин, по данным за 2018 год, вышел на первое место по производству и экспорту хлопка в Африке, данное обстоятельство вынуждает руководство страны искать различные возможности для укрепления торгово-инвестиционных связей государства с мировым сообществом. В этой связи представители компании Bolloré обеспечивают возможности полного цикла логистического обеспечения для компаний Бенина. Для успешной транспортировки своего груза компании из Бенина могут рассчитывать на весь комплекс логистического сервиса – от морского, авиационного и автомобильного сообщения до складских и сортировочных возможностей, включая также налоговое и таможенное сопровождение⁶.

Компания Bolloré является постоянным и неизменным спутником всех амбициозных проектов, реализуемых в Западной Африке.

⁶ Transport and Logistics in Benin Market Focus / Bolloré Logistics Benin. Mode of access: <https://www.bolloré-logistics.com/en/Pages/focus/Benin.aspx>

В Буркино-Фасо компания Bolloré оказывала всестороннюю помощь в строительстве шахт по добыче золота в Унде; в Гане благодаря усилиям компании Bolloré была проведена успешная доставка двигателей и генераторов для строительства новой электростанции. В 2017 году была осуществлена транспортировка необходимого оборудования для строительства шахт по добыче золота в Мали, а в 2018 году для строительства солнечной электростанции⁷.

Особенности модернизации портов Западной Африки

Порты Западной Африки строились и модернизировались силами структур МВФ. Так, проект строительства порта *Дакара* был выработан в 1967 году, а финальная стоимость проекта составила 24 млн долл. Изначально порт строился преимущественно для торговли рыбой, ведь берега Сенегала славятся рыбным разнообразием. Порт Дакара становился первым глубоководным портом в Сахеле, а высокая концентрация населения в этом регионе Африки позволяла довольно оперативно доставлять товары в соседние с Сенегалом страны⁸. Дальнейшая модернизация порта (так называемый проект контейнерного порта) включала в себя комплексную всестороннюю модернизацию: строительство новой набережной, обучение персонала, технические и финансовые консультации. Для реализации плана потребовалось 8 лет (1984-1992 годы) и 7,5 млн долл. (уже при участии Арабского банка экономического развития Африки и Кувейтского фонда арабского экономического развития)⁹.

Основным инвестором в проект модернизации и строительства инновационного

⁷ Transport and Logistics in Mali, Market Focus / Bolloré Logistics Mali. Mode of access: <https://www.bolloré-logistics.com/en/Pages/focus/Mali.aspx>

⁸ Projet de port de peche de dakar Senegal, 1977. Mode of access: <http://Documents.Worldbank.Org/Curated/En/711131468306918013/Pdf/12600SAR0FRENC101Official0Use0Only1.Pdf>

⁹ Dakar Container Port Project / the WB. Mode of access: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P002320>

порта Дакара, соединенного с железной дорогой и новым аэропортом, выступает эмиратская компания DP World. Представители компании в своем представлении назвали этот порт Портом Будущего¹⁰. В подготовленной компанией DP World презентации о проделанной в Дакаре работе выделена положительная динамика экспорта/импорта Сенегала, поступательный рост зарплат, улучшение условий работы, качественное улучшение профессиональных навыков персонала за счет диверсификации образовательных программ подготовки и др.

МВФ в лице MIGA (Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям) предоставила гарантии на общую сумму 71 млн евро для покрытия займов и инвестиций со стороны Standard Chartered Bank и DP World. По кредитным и хеджирующим инвестициям для Standard Chartered Bank покрытие MIGA предоставляется в течение восьми лет от рисков ограничения перевода, экспроприации, войны и гражданских беспорядков, а также нарушения условий контракта. Что касается инвестиций в акционерный капитал DP World, то в течение восьми лет страховка покрывает риски войны и гражданских беспорядков. Общая стоимость этого этапа инвестиций оценивается в 150 млн евро¹¹.

Порт *Абиджана* также ожидает полная модернизация – в ближайшее время будут получены инвестиции в размере 1,4 млрд. долл. (85% от этой суммы предоставляет Eximbank из Китая, а 15% предоставит сам порт). Власти Кот-д’Ивуара рассчитывают преобразовать порт Абиджана в крупнейший порт на Атлантическом побережье Африки, став своеобразным связующим звеном между Танжером и Кейптауном¹².

¹⁰ DP World to Finalise Plans for New Port, Economic Zone in Senegal. Mode of access: <https://www.arabianbusiness.com/transport/439739-dp-world-to-finalise-plans-for-new-port-economic-zone-in-senegal>

¹¹ DP World Dakar S.A. / MIGA. Mode of access: <https://www.miga.org/project/dp-world-dakar-sa>

¹² Côte d’Ivoire: \$1.4 billion to Be Invested in Abidjan Port by 2020. Mode of access: <https://www.ecofinagency.com/public-management/2802-39733-cote-d-ivoire-1-4-billion-to-be-invested-in-abidjan-port-by-2020>

Представители многих стран активно участвуют в инвестиционных проектах по модернизации конкретных специализированных терминалов. Так, бельгийская корпорация SEA-invest – крупнейший оператор многопрофильных перевозок и логистических решений – построит специальный терминал для погрузки сырья, создаст логистическую базу для нефти и газа (углубляя и расширяя канал Вриди); Японское агентство международного сотрудничества (The Japanese International Cooperation Agency (JICA) подписало соглашение с правительством Кот-д’Ивуара о финансировании строительства зернового терминала¹³.

Упомянутая выше компания Bolloré Logistics планирует инвестировать 400 млн. евро в строительство нового контейнерного портового терминала в Абиджане. Проект будет осуществлен при поддержке APM Terminals и французской строительной компанией Bouygues¹⁴.

Порт Абиджана, крупнейший порт Западной Африки, неслучайно выбран представителями многих иностранных компаний для реализации инвестиционных проектов – в экономике Кот-д’Ивуара изначально преобладала высокая доля поступлений от сельского хозяйства, однако значительные запасы полезных ископаемых (золота, алмазов, нефти, газа и др.) подталкивают международные корпорации включаться в активную борьбу за ресурсы этой страны.

По словам генерального директора порта Абиджана, порт символизирует саму страну, является отражением нации, поскольку 90% торговли Кот-д’Ивуара осуществляется морским путем, а через порт Абиджана проходит более 80% всей морской торговли страны¹⁵. По этой причине портовые проекты имеют первостепенный характер и руко-

¹³ From Magazine: Port of Abidjan Is All set to Be a Major Maritime Hub. Mode of access: <https://www.logupdateafrica.com/port-of-abidjan-is-all-set-to-be-a-major-maritime-hub-shipping>

¹⁴ Bolloré to Invest US\$500 Million in Port Terminal in Abidjan. Mode of access: <https://www.infrapppworld.com/news/megaproject-1233-bolloré-to-invest-us-500-million-in-port-terminal-in-abidjan>

¹⁵ Ibid.

водство страны надеется на поступательное развитие транспортно-логистических сетей Кот-д'Ивуара.

В *Нигерии* портовая инфраструктура до последнего времени тормозила экономическое развитие страны из-за низкой производительности, высоких затрат, отсталого технического оснащения. Реформы в сфере портового хозяйства, начатые в 2000 году, способствовали частичной приватизации и установлению практик лендлордного порта (когда государство владеет землей и морскими водами, прилегающими к порту, и сдает терминалы в аренду частным компаниям).

В Нигерии существует несколько портов, обслуживающих нефтяной сектор, однако отсутствие глубоководного порта тормозило экономическое развитие страны. В Лагосе в ближайшее время планируется строительство нового глубоководного порта Lekki Deep Sea Port. Китай привлекает в проект инвестиции в размере 630 млн долл. от Банка развития Китая (China Development Bank), строительство порта поручено сингапурской компании Tolaram Group (крупнейшая индонезийская холдинговая компания с головным офисом в Сингапуре) и китайской строительной компании China Harbour Engineering Company (CHEC). CHEC дополнительно выделит 470 млн долл. и будет управлять портом на основании 45-летней концессионного соглашения. Сингапурская компания, впервые участвующая в инфраструктурном проекте, по соглашению будет иметь 22,5% от доли владения новым транспортным хабом¹⁶.

Специфика модернизации портов стран Магриба

Строительство крупных портов многопрофильной системы эксплуатации привлекает потенциальных инвесторов и активизирует экономическую конкуренцию международных компаний за перспективные проекты в Африке, поскольку именно портовое сообщение «открывает врата» для

экономического проникновения на Африканский континент. Так, инновационный порт *Танжер Мед*, способный обслуживать суда различного профиля, представляет собой уникальный проект многофункционального транспортно-логистического центра в Северной Африке¹⁷. Удачное географическое положение позволяет реализовывать амбициозные проекты с минимальными финансовыми (близость к Европе сокращает финансовые затраты на доставку) и транспортными издержками (перевозка крупногабаритных, хрупких и скоропортящихся товаров облегчается быстротой доставки из Европы и оперативностью транспортно-логистического сообщения в Марокко).

Преимущества инновационного порта в Танжере определяются несколькими факторами:

1. Выгодное географическое положение.
2. Наличие разветвленной и многопрофильной транспортно-логистической системы в регионе Танжер – Тетуан. Порт Танжер Мед соединен автомобильными дорогами и новейшей высокоскоростной железной дорогой с основными городами Марокко.
3. Экономически выгодные условия для иностранных компаний – введение свободной зоны в Танжере и в Тетуане.
4. Налоговые льготы: полное освобождение от корпоративного налога (так называемые налоговые каникулы) первые пять лет, а далее компания обязана платить 8,75% от выручки¹⁸ (корпоративный налог в Марокко один из самых высоких в Северной и Западной Африке – он составляет 31%, тогда как в Алжире – 26%, в Египте – 22,5%, в Сенегале – 30%).

5. Проводимая руководством страны политика поощрения реализации проектов, направленных на создание и расширение технологического потенциала Королевства. Фонд Хасана II, созданный по инициативе

¹⁶ New Port in Lagos Will be Chinese-Financed, Chinese-Built. Mode of access: <https://www.maritime-executive.com/article/china-finances-new-chinese-built-port-in-lagos-nigeria>

¹⁷ Requena, A.T.; Soriano-Miras, R.M.; Solís, M.; Kopinak, K. Localized Global Economies on the Northern Borderlands of Mexico and Morocco. Springer, 2018.

¹⁸ Logistics and Industrial Hub. Investment Memorandum 2019. Mode of access: <https://www.tangermed.ma/wp-content/uploads/2019/09/Memo-investissement-2019-1.pdf>

короля Мухаммеда VI, активно привлекает и поддерживает иностранные инвестиции в Марокко. Так, государством финансируются проекты в сфере строительства, автомобилестроения, авиастроения, нано- и микро-биотехнологической, электронной промышленности. Правительство покрывает расходы на уровне 15% от стоимости строительства, инвестиционных проектов в сфере технологий и оборудования. Государством всячески поощряется практика обучения иностранными специалистами персонала на предприятиях – молодые специалисты приобретают уникальный профессиональный опыт, а иностранная компания получает дополнительные льготы от марокканского государства¹⁹.

Благодаря инновационному порту Танжера (и другим портовым проектам) в Марокко в настоящий момент представлены десятки автомобильных предприятий (включая производителей комплектующих) – выгодные условия по транспортировке готовой продукции являются неоспоримым преимуществом марокканских автомобильных заводов. Более низкая (по сравнению с Францией) оплата труда позволяет французскому автомобильному концерну Renault извлекать сверхприбыли от своих марокканских автомобильных заводов. Автомобильный завод компании Renault в Марокко считается самым крупным в Африке, завод построили в 2012 году, а уже к 2017 году компания экспортировала свой миллионный автомобиль. Руководители компании Renault были пионерами в продвижении проекта строительства Танжер Мед.

Согласно рейтингу свободных зон мира (учитывающему основные экономические, правовые, транспортно-логистические показатели), опубликованному в 2017 году, марокканский транспортно-логистический хаб Танжер Мед занял первое место на Африканском континенте, опередив нигерийский порт Лагос²⁰.

Танжер Мед и Танжер Мед II являются примером уникального транспортно-

логистического пространства, поскольку соединяют инновационный порт с промышленным центром – производимая продукция в кратчайшие сроки доставляется в Европу, в Америку и в другие страны Африки.

Строительство второго порта – Танжер Мед II – было реализовано французской строительной компанией Vougues и завершено в 2014 году. Идея создания второго порта состояла в расширении построенного порта Танжер Мед и введении в эксплуатацию новых дамб. Таким образом была создана единая портовая платформа, способная принимать более 8 млн контейнеров в год, что делает единый портовый терминал Танжер Мед самым крупным портом не только в Африке, но и во всем Средиземноморье (для сравнения – порт испанского Альхесираса за 2018 год пропустил более 4 млн. контейнеров). Общая стоимость реализации проекта Танжер Мед по некоторым оценкам составляет более 8,2 млрд евро (88 млрд дирхамов), 3,5 млрд евро из которых поступило из средств марокканского государства, а 5,3 млрд евро выделили частные инвесторы.

Если основным идеологом и инициатором реализации проекта Танжер Мед (с последующим успешным подключением к данному транспортно-логистическому и производственному кластеру многих крупных компаний и корпораций) стал автомобильный концерн Renault, то его основной конкурент – концерн Peugeot-Citroën – выбрал побережье Атлантического океана для создания аналогичного кластера.

Проект нового порта Кенитры, реализуемый в рамках национальной стратегии развития портовых инфраструктур Марокко 2030, представляет собой успешное решение транспортно-логистических задач для соединения крупных промышленных и сельскохозяйственных центров страны. С этой целью правительство Марокко уже ввело в эксплуатацию высокоскоростную железнодорожную магистраль Рабат – Танжер (участок Рабат – Кенитра модернизирован еще не до конца²¹), в будущем планируется создать разветвленную сеть высокоскорост-

¹⁹ Ibid.

²⁰ fDi's Global Free Zones of the Year 2019 – the Winners. Mode of access: <https://www.fdiintelligence.com/article/75879>

²¹ Результат полевых наблюдений автора в ходе научной командировки в январе-феврале 2020 г.

ных автомобильных и железнодорожных магистралей для соединения современных инновационных портов Марокко с крупными регионами страны. Примерная сумма инвестиций составит 2,1 млрд евро²², стоимость строительства автомобильного завода Peugeot-Citroën составит 557 млн евро, 95% от этой суммы выплатит сама компания, а оставшиеся 5% компенсирует марокканское правительство²³.

Стратегия развития портовых инфраструктур Марокко 2030, инициированная королем Марокко Мухаммедом VI в 2012 году, представляет собой геополитические амбиции Королевства, состоящие в продвижении Марокко на мировой арене морских грузоперевозок. Руководство страны планирует превратить Марокко в обозримой перспективе (к 2030 году) в ключевого игрока в транспортно-логистической системе Европы, Африки и Ближнего Востока. Для достижения поставленных целей потребуется 7 млрд долл. В настоящий момент дан старт реализации проектов по строительству инновационных портов Кенитры, Сафи, Надора, Дахлы (на территории Западной Сахары), Джорф Ласфара с приблизительной стоимостью 3,81 млрд долл²⁴. Подобные амбициозные планы Королевства вполне оправданы – около 95% внешней торговли Марокко осуществляется через морские «врата», преимущественно через Танжер Мед²⁵.

Идея строительства завода автоконцерна Peugeot-Citroën в рамках проекта создания нового порта Кенитры представляет собой не просто очередной шаг крупного автомобильного гиганта по укреплению своих позиций в Африке, а также создания здо-

ровой конкуренции с концерном Renault – представители концерна хотят реализовать новую модель автомобильного производства на территории Марокко. Прежде всего, предусмотрено изменение производственного цикла с расширением сборочных специализаций. Так, впервые в Марокко будут производиться моторы для автомобилей, а также будет использоваться специальная отделочная система²⁶. Тем самым компания планирует не конкурировать, а предоставлять аутсорсинговые услуги для других автомобильных концернов, собирающих автомобили на территории Марокко.

Сенсационным для всей Северной Африки стало решение Китая инвестировать 11 млрд долл. в строительство инновационного Танжерского техногорода имени Мухаммеда VI. Данный проект позволил Китаю войти в тройку стран-лидеров – торговых партнеров Марокко (уступая место лишь Франции и Испании). Идея создания инновационного города, с последующим расширением производственно-технологических задач, укладывается в китайскую стратегию «Морского шелкового пути». Уникальное географическое положение – соседство со Средиземноморскими странами, выход в Атлантический океан, открытый доступ к странам Африканского континента – придают данному проекту особый геоэкономический и геополитический статус. Реализуемый проект станет самым крупным китайским вложением в Северной Африке. На данный момент согласованы основные партнеры – марокканский банк BMCE и китайские компании China Communication Construction и China Road and Bridge Corp. Основным препятствием и спорным вопросом для обеих стран стали разногласия по правообладанию данным объектом, процентной доли каждой из сторон. Техногород в дальнейшем станет свободной экономической зоной, позволит создать 100 тыс. рабочих мест, в целом ознаме-

²² Maroc: Le projet du port Kénitra Atlantique va prendre forme grâce à l'arrivée de PSA. Mode of access: <https://www.usinenouvelle.com/article/maroc-le-projet-du-port-kenitra-atlantique-va-prendre-forme-grace-a-l-arrivee-de-psa.N340984>

²³ Maroc: Le projet du port Kénitra Atlantique va prendre forme grâce à l'arrivée de PSA. Mode of access: <https://www.usinenouvelle.com/article/des-peugeot-citroen-made-in-maroc-ce-que-psa-fera-de-son-usine-de-kenitra.N337183>

²⁴ PTI Insight: Morocco's Maritime Master Plan. Mode of access: <https://www.porttechnology.org/news/pti-insight-moroccos-maritime-master-plan/>

²⁵ Ibid.

²⁶ Maroc: Le projet du port Kénitra Atlantique va prendre forme grâce à l'arrivée de PSA. Mode of access: <https://www.usinenouvelle.com/article/maroc-le-projet-du-port-kenitra-atlantique-va-prendre-forme-grace-a-l-arrivee-de-psa.N340984>

нует собой новую индустриальную зону с подключением к железнодорожным и автомобильным транспортным артериям Марокко.

Если оценивать и сравнивать проекты, реализуемые в Танжере европейскими и китайскими инвесторами, то можно выделить несколько основных принципов:

1) европейские проекты созданы и активно диверсифицируются в условиях необходимого расширения промышленного производства европейских компаний на территории подготовки местного населения для работы на производстве;

2) проект Танжер Мед и Танжер Мед II являются своеобразными мультимодальными проектами – с возможностью подключения представителей различных стран и расширения отраслевой специализации данных компаний, что создает возможности для взаимовыгодных логистических решений, обмена опытом между ведущими компаниями мира;

3) китайские проекты ориентированы только на китайских партнеров и не стремятся подключаться к уже готовящимся проектам;

4) китайская практика привлечения китайских рабочих на иностранных проектах вызывает недовольство местного населения.

В *Алжире* состояние портов находится в удручающем положении. Основная часть портов в Алжире была построена еще в период колониализма, технические характеристики портов не соответствуют общемировым критериям инновационных мультимодальных портов, способных принимать и обслуживать различные категории судов и грузов. Процессы глобализации ускоряют активизацию торговых и инвестиционных связей по всему миру, что требует проведения необходимых строительных и логистических проектов для расширения и укрепления товарооборота между странами. В настоящий момент торговые операции в мире осуществляются преимущественно морским путем, по этой причине портовое сообщение каждой страны становится стратегическим и экономически важным для развития многих государств.

В Алжире, как отмечают эксперты²⁷, государством упущено время для модернизации портов, многие факторы лишь усугубляют плачевное состояние портового сообщения страны:

1) технические характеристики портов не удовлетворяют современным потребностям морского транспортного сообщения – крайне узкие и короткие береговые полосы, допустимость лишь неглубокой осадки судов, что затрудняет прибытие крупных современных кораблей;

2) бюрократизм и монополизация портовых служб – алжирские портовые компании обладают правом осуществлять миссии государственных органов, на деле являются монополистами портовой деятельности, являются судьями и участниками всей портовой деятельности страны: на практике у клиента нет альтернативы – он вынужден терпеть высокие цены и низкий уровень обслуживания и довольствоваться имеющимся сервисом;

3) отсутствие современного проекта городского рассредоточения различных сфер деятельности – порты находятся в центральных частях городов Алжира, вокруг которых растет и развивается город. Необходимо строительство новых инновационных портов вне центральных районов городов (с учетом опыта Танжера), что позволит создать обширные пространства для осуществления портового сообщения на мировом уровне. Напротив, городские власти Алжира намеренно сократили площадь порта города для решения проблем пробок и транспортной доступности города;

4) влияние устаревшей портовой инфраструктуры сильно сказывается на экономике страны, к которой добавляется неподходящее техническое оборудование, что объясняет низкую доходность, длительное пребывание судов на причале, длительное ожидание в порту, очень строгие и прежде всего очень дорогие портовые места

²⁷ M'hammed Setti, Fatima-Zohra Mohamed-Cherif et César Ducruet, "Les ports algériens dans la mondialisation: la fin du paradoxe?", *Méditerranée* [En ligne], 116 | 2011, mis en ligne le 01 juin 2013, consulté le 14 novembre 2019. Mode of access: <http://journals.openedition.org/mediterranee/5410>

и стоянки. Эти недостатки в логистических цепочках делают перевозку грузов в Алжир одной из самых дорогих в бассейне Средиземного моря. Государство несет колоссальные убытки из-за неразвитости портового сообщения и связанных с этим штрафных санкций, выплачиваемых торговым компаниям.

Осознавая необходимость модернизации портового сообщения, правительство Алжира решило использовать модель государственно-частного партнерства. Так, в 2006 году управление портом Беджая было доверено сингапурской компании Protek International на 20 лет после создания совместного предприятия ВМТ (Véjaïa Mediterranean Terminal – средиземноморский терминал Беджая), где данный порт сохраняет в своей собственности 51% акций. Основной деятельностью ВМТ является управление и эксплуатация контейнерного терминала. Для этого он оснастил себя высокопроизводительным оборудованием, чтобы предлагать качественные, эффективные и надежные услуги. Этот порт стал первым подобным проектом в Алжире, ознаменовав собой переход к поступательной модернизации портового сообщения страны. По оценкам специалистов, власти инвестировали 53 млн. долл. в новейшее технологическое оборудование и 200 тыс. долл. в развитие человеческого капитала – подготовительные курсы, обучающие программы и т.д.²⁸ В 2009 году портовое сообщение Беджая было соединено с железными дорогами Алжира для ускоренной доставки грузов вглубь страны.

Следующим совместным проектом властей Алжира и международным объектом модернизации портового сообщения страны стал порт Джен-Джен. В мае 2009 года дубайский портовый оператор DPW (Dubai Port World) заключил контракт с правительством Алжира на эксплуатацию портов Алжира (Джазаира) и Джен-Джена. Это партнерство позволило DPW активно включиться в средиземноморскую торговлю (где компания не присутствовала), а алжирцам получить уникальный международный опыт модернизации портового сообщения. Вслед за этим решением южнокорейской компа-

нией Daewoo было подписано соглашение с Министерством транспорта Алжира на проведение строительных работ по модернизации порта Джен-Джен, предусматривавших расширение причалов и строительство новых причалов²⁹. Для DPW включение в портовое сообщение в Средиземноморье означает конкурентную борьбу с основными мировыми лидерами морских транспортных перевозок, таких как Maersk и CMA-CGM, которые обслуживаются в Танжер Мед, испанском Альхесирасе и мальтийском Марсашлокке.

Изначально порт Джен-Джен был построен для обслуживания сталелитейного завода, а с приходом новой компании специализация порта будет расширена и Джен-Джен будет соединен разветвленной сетью автомагистралей с крупными городами Алжира. DPW выплатил 70 млн. долл. за право эксплуатации порта.

Порт Джазаир в Алжире с 2009 года обслуживается компанией Djazaïr Port World – совместной компанией DPW и портовой компанией Алжира с концессией на 30 лет³⁰. На сайте компании подробная информация о проекте отсутствует, однако в новостях постоянно всплывают противоречивые сведения о функционировании данного порта. Так, еще в 2010 году портовыми рабочими была заблокирована работа всего порта из-за нежелания профсоюзов увеличить трудовую нагрузку сотрудников порта, требуемую иностранными морскими транспортными компаниями – для ускоренной обработки поступающих в порт товаров³¹.

Алжирское портовое хозяйство пока еще характеризуется дробной транспортировкой от порта к порту, а не сквозной транспортной цепочкой, низким уровнем контейнеризации и недостаточным оборудованием портов, отсутствием национальных государственных инвестиций, которые мог-

²⁹ Daewoo Engineering проведет модернизацию алжирского порта Джен Джен. Mode of access: <https://portnews.ru/news/45033/>

³⁰ DP World. Mode of access: <https://www.dpworld.com/what-we-do/our-locations/Middle-East-Africa/Algeria/algiers>

³¹ DP World in Labour Dispute at Algeria Port. Mode of access: <https://portnews.ru/news/125391/>

²⁸ Ibid.

ли бы привлекать иностранные инвестиции, закрытостью общества (боязнь не только истеблишмента, но и простого населения впускать иностранный капитал на территорию своей страны). Все эти препятствия алжирские порты должны преодолеть для адаптации к вызовам глобализации.

Одной из возможных стратегий развития портов в Африке, по мнению многих экспертов, могло бы стать активное сотрудничество между соседними странами для создания диверсифицированных транспортно-логистических узлов на всем Континенте³².

Особой причиной, тормозящей развитие морского (и других видов) сообщения в Северной Африке, являются сложные внешнеполитические отношения между всеми странами данного региона – особенно, между Алжиром и Марокко. Нормализация отношений между ними могла бы способствовать выработанным стратегиям стран Северной Африки по привлечению иностранных инвестиций, объединению усилий для модернизации морского, автомобильного и железнодорожного транспорта в регионе, что позволило бы диверсифицировать международные поставки и создать единое экономическое пространство с неоспоримой выгодой для всех участников торгово-инвестиционных проектов.

В *Тунисе* портовое сообщение также досталось в основном от колониальной эпохи. Основные порты страны были построены для решения конкретных, геостратегических и геоэкономических задач. Так, порт в Бизерте, основанный в конце XIX века, использовался преимущественно для доставки оружия и военной техники из Франции; порт Габеса (построенный в 1973 году) специализировался на отправке химических продуктов (составлявших в то время 94% экспорта страны); порт Сфакса был изначально ориентирован на импорт товаров³³.

³² Ducruet, C.; Mohamed-Cherif, F.Z.; Cherfaoui, N. *Maghreb Port Cities in Transition: The Case of Tangier*, Portus Plus. 2011, Vol. 1.

³³ DP World in Labour Dispute at Algeria Port. Mode of access: https://www.persee.fr/doc/medit_0025-8296_1982_num_44_1_2040

В ходе консультативных совещаний, проводимых Министерством транспорта Туниса и тунисско-французской торгово-промышленной Палаты, с целью определения «болевых точек» транспортно-логистической системы Туниса и формирования плана реактивизации торговых, транспортных и логистических артерий страны, было заявлено, что один из основных портов Туниса – Радес (через который осуществляется 70% экспортно-импортных операций Туниса) технически устарел³⁴.

Инновационным портом Туниса должен стать порт Энфида, строительство должно начаться в сентябре 2020 года, 6 международных компаний проявили интерес к данному проекту: 4 французские компании, одна американская и один турецко-китайский консорциум. Стоимость проекта составит по предварительным данным 2,5-3 млрд евро.

По словам основателя и президента Морского кластера Туниса (реализующего проекты по «голубой экономике», направленной на сохранение водных ресурсов во всем их многообразии) Эзедина Касема, тунисские власти рассчитывают на французские компании, которые имеют колоссальный опыт в сфере морского транспорта и активно сотрудничают с тунисскими представителями для определения оптимального для Туниса технического решения (прежде всего учитывая экологические технологии) данного проекта³⁵.

Подобную открытую заинтересованность именно во французском опыте можно объяснить следующими причинами: во-первых, историческая близость с Францией, прекрасная осведомленность во Франции многими транспортно-логистическими и другими особенностями Туниса; во-вторых, боязнь в небольшом государстве появления

³⁴ Tunisie: Transport et logistique, impératif d'activer les synergies. Mode of access: <https://www.webmanagercenter.com/2018/12/19/428745/tunisie-transport-et-logistique-imperatif-dactiver-les-synergies/>

³⁵ Ezzedine Kacem : “Je souhaite que la construction du port en eaux profondes d'Enfidha soit confiée aux Français”. Mode of access: https://www.econostrum.info/Ezzedine-Kacem-Je-souhaite-que-la-construction-du-port-en-eaux-profondes-d-Enfidha-soit-confiee-aux-Francais_a26450.html

большого числа китайских специалистов, зная о практике Китая осуществлять свои проекты в Африке сугубо китайскими силами, не создавая рабочие места для местного населения; в-третьих, желание перенять опыт французских экологических проектов (снискавших славу по всему миру), что особенно важно для маленькой страны.

Особая ситуация с модернизацией портов в Египте

В *Egunte* портовое сообщение является стратегическим, поскольку именно через Египет проходят суда из Азии в Европу. В 2019 году был создан консорциум при участии французской компании *Bolloré Ports*, японских компаний *Toyota Tsusho Corporation* и *Yusen Kabushiki Kaisha* и Главного управления экономической зоны Суэцкого канала для строительства и технического оснащения в Порт-Саиде терминала по обслуживанию судов типа ро-ро (судов для перевозок грузов на колесной базе – автомобилей, железнодорожных вагонов и т.п.). Консорциум планирует выделить 150 млн долл.³⁶

В начале 2020 года было достигнуто соглашение о создании первого сухого порта в Египте при участии консорциума из трех компаний: двух египетских компаний *El-Sewedy Electric* и *3A International* и немецкой *DB Schenker*.

В аналитическом докладе Всемирного банка выделяются слабые места транспортно-логистической системы Египта. Прежде всего указывается на отсутствие единой транспортной структуры в стране. Так, отсутствие разветвленного железнодорожного и автомобильного сообщения приводит к простаиванию грузовых кораблей в портах из-за нескоординированности транспортно-логистических цепочек доставки груза³⁷.

³⁶ Bolloré Ports signe une convention de concession pour gérer le premier terminal portuaire dédié à l'automobile en Egypte. Mode of access: <https://www.agenceecofin.com/transports/2901-73267-bolloré-ports-signe-une-convention-de-concession-pour-gérer-le-premier-terminal-portuaire-de-die-a-l-automobile-en-egypte>

³⁷ Egypt. Enabling Private Investment and Commercial Financing in Infrastructure. Mode of

Порты в Египте не имеют общую стратегию развития, представители каждого порта предпринимают необходимые меры для улучшения инвестиционной привлекательности, не учитывая специфики соседних портов.

Неразвитость правовой системы в Египте (как и во многих государствах Африки) усложняет реализацию многих производственных и инфраструктурных проектов. Государством не созданы независимые экспертные комиссии для урегулирования спорных вопросов, связанных с портовой деятельностью. Практически все иностранные компании, осуществляющие проекты в египетских портах, сталкиваются с постоянными конфликтами ситуациями, вызванными сложностью правового решения концессиальных соглашений. Зарегулированность экономики не позволяет предоставлять международным компаниям большей свободы, в том числе в транспортно-логистической сфере.

Низкая квалификация персонала, обслуживающего порты, усложняет процесс модернизации инфраструктуры. Медлительность и незаинтересованность местного персонала в улучшении экономических и торговых показателей снижает скорость разгрузки, осуществления разумной логистики и доставки товаров.

Экспертами выдвигаются рекомендации для изменения транспортно-логистической системы в Египте. Первостепенной задачей египетских властей является изменение законодательной базы (в настоящий момент используется закон о портах от 1996 года) с учетом современных экономических и политических реалий, создание мультимодальной транспортной системы для реализации проектов многопрофильного характера³⁸.

Портом нового инновационного типа в Египте должен стать порт Думьят. Идеальное местоположение позволит порту стать крупнейшим портом Восточного Средиземноморья. Осенью 2019 года было подписано соглашение о создании нового транспортно-хаба между властями Египта,

access: <http://documents.worldbank.org/curated/en/588971544207642729/pdf/132784-v2-WP-PUBLIC-Final-Report-Egypt-InfraSAP-English.pdf>

³⁸ Ibid.

Contship Italia и *Eurogate – Eurokai Group*. Предусматривается создание сухого порта, контейнерного терминала, подсоединение к железнодорожной артерии с инвестициями в размере 750 млн евро для реализации первой стадии проекта³⁹.

Крупный порт планируется построить и в Айн-Сохне. Эмиратская компания DP World успешно реализует проект строительства порта для приема крупногабаритных судов. В настоящий момент уже функционирует бухта 1, на строительство бухты 2 планируется выделить 520 млн долл. В 2019 году общая сумма прямых инвестиций, поступивших в Египет от DP World, составила 1,6 млрд долл., тем самым став самым крупным инвестиционным проектом в Египет в прошлом году. По соглашению, подписанному между правительствами Египта и ОАЭ, совместными усилиями будет выделено около 20 млрд долл. на инфраструктурные и транспортно-логистические проекты в Египте.

Египетскими властями были предложены инвестиционные проекты различного профиля для обустройства порта Александрии, на данный момент идут всесторонние согласования, все проекты потенциальных инвесторов находятся на рассмотрении. Можно рассчитывать на то, что порт Александрии будет включен в системный проект транспортно-логистической модернизации Египта.

* * *

Морское сообщение играет ключевую роль в торгово-экономических отношениях между странами, а с ускорением темпов экономического развития, процессов глобализации морским портам предстоит стать важным участником мировой экономики. Многие страны уже активно участвуют в разработке новых моделей проникновения на Африканский континент, особое значение уделяя модернизации инфраструктуры и транспортно-логистических систем африканских стран. Крупные европейские

корпорации оказывают всестороннюю помощь в реформировании транспортных сетей в Африке, передавая опыт и новые технологии для комплексной модернизации всего Континента. Западные компании создают мультимодальные проекты, привлекая представителей разных стран, специализаций и сфер деятельности. Тем самым создаются уникальные решения для транспортно-логистической систем с учетом специфики каждой африканской страны, с заботой об экологии и будущем Континента. Создание новых инфраструктурных проектов позволит подготовить и трудоустроить молодых специалистов, что является первостепенной задачей руководителей всех африканских государств, поскольку именно безработица среди молодых когорт (крайне высокая во многих странах Африки, что продемонстрировали события Арабской весны) способствует стремительному росту оттока молодых африканцев в ЕС и США в поисках работы, а также активизации террористических группировок. Влияние Китая на Африканском континенте усиливается с каждым годом, что объясняется китайской стратегией Морского шелкового пути из Азии в Европу, предусматривающей развитие портов, в том числе и Средиземноморья. Китай также заинтересован в доступе к ресурсам африканских стран. Китайская экономическая политика нередко встречает противников среди местного населения африканских стран, поскольку для реализации китайских проектов приглашаются китайские специалисты, а африканцы участвуют только как неквалифицированная рабочая сила. Российские компании, к сожалению, пока не участвуют в морских транспортно-логистических проектах в Северной и Западной Африке. Стоит надеяться, что африканские страны в ближайшее время смогут преодолеть все препятствия (законодательные, логистические, административные и др.) на пути реализации амбициозных транспортных проектов, а также будут эффективно использовать опыт сотрудничества с иностранными корпорациями для дальнейшего ускоренного развития Континента.

³⁹ Contship and Eurogate Aim at Damietta Port. Mode of access: http://www.ship2shore.it/en/ports/contship-and-eurogate-aim-at-damietta-port_71702.htm

Литература:

Носков А.Ю. Портовая инфраструктура стран Северной Африки и ее влияние на интеграцию в Средиземноморье // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 5 (718). С. 21-25.

Фогель Д.В. Улучшение состояния транспортной инфраструктуры Африки как фактор стимулирования деятельности иностранных инвесторов // *Экономические отношения*. 2018. Том 8. № 4. С. 589-603.

Babounia, A.; El Imrani, O. The Logistics of Port Container Terminals: What Prospects for Fostering the Role of Tangier Med Port in the Global Maritime Logistics? // *Revue de Gestion et d'Économie*, 2016, Vol. 4, No. 1, pp. 30-49.

Barnes-Dabban, H.; Van Koppen, K.; Mo, A. Environmental Reform of West and Central Africa Ports: the Influence of Colonial Legacies // *Maritime Policy & Management*, 2017, Vol. 44, No. 5, pp. 565-583.

Burns, M.G. *Port Management and Operations*. CRC Press, 2018.

Ducruet, C.; Mohamed-Cherif, F.Z.; Cherfaoui, N. *Maghreb Port Cities in Transition: The Case of Tangier, Portus Plus*. 2011, Vol. 1.

Requena, A.T.; Soriano-Miras, R.M.; Solís, M.; Kopinak, K. *Localized Global Economies on the Northern Borderlands of Mexico and Morocco*. Springer, 2018.

References:

Babounia, A.; El Imrani, O. The Logistics of Port Container Terminals: What Prospects for Fostering the Role of Tangier Med Port in the Global Maritime Logistics? // *Revue de Gestion et d'Économie*, 2016, Vol. 4, No. 1, pp. 30-49.

Barnes-Dabban, H.; Van Koppen, K.; Mo, A. Environmental Reform of West and Central Africa Ports: the Influence of Colonial Legacies // *Maritime Policy & Management*, 2017, Vol. 44, No. 5, pp. 565-583.

Burns, M.G. *Port Management and Operations*. CRC Press, 2018.

Ducruet, C.; Mohamed-Cherif, F.Z.; Cherfaoui, N. *Maghreb Port Cities in Transition: The Case of Tangier, Portus Plus*. 2011, Vol. 1.

Fogel, D.V. Improving the Condition of Transport Infrastructure of Africa as a Factor of Stimulation the Activity of Foreign Investors // *Journal of International Economic Affairs*, 2018, Vol. 8, No. 4, pp. 589-603.

Noskov, A. Port Infrastructure of Northern Africa Countries and Its Impact on Integration in the Mediterranean // *Asia and Africa Today*, 2017. No. 5 (718), pp. 21-25.

Requena, A.T.; Soriano-Miras, R.M.; Solís, M.; Kopinak, K. *Localized Global Economies on the Northern Borderlands of Mexico and Morocco*. Springer, 2018.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10004

COMPETITION OF EXTERNAL PLAYERS FOR TRANSPORT AND LOGISTICS PROJECTS IN WESTERN AND NORTH AFRICA (ON THE EXAMPLE OF SEA PORTS)

Maria A. Volodina

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history: <i>Received:</i> 14.05.2020 <i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: The paper examines the role of maritime transport in the economic development of the African continent. It is shown that the modernization of seaports not only attracts potential investors, but also opens up new opportunities for African countries. Thanks to the creation of new innovative ports, new jobs are created, training programs appear, and the local population is more actively involved in new technologies. Foreign companies often offer a set of measures to reform the transport and logistics systems of African countries, with the connection of all transport arteries for faster delivery of goods. There are a number of problems that hinder the implementation of ambitious logistics projects, but with the joint efforts of foreign representatives and local authorities, it is possible to gradually reform legislation, prepare transport solutions taking into account the specifics of each country, and improve the investment attractiveness of African countries. Projects implemented in North and West Africa reflect different approaches of the world's leading countries to foreign economic strategy. The main competitors in the fight for new projects in Africa are Western countries, on the one hand, and China, on the other. Sea transport is the oldest transport link in Africa, and many ports were built by the efforts of the colonial authorities. Some ports have a narrow commodity specialization, which hinders the development of sea traffic. New innovative ports are needed for successful trade operations in Africa. In some countries, the solution of transport and logistics problems was dictated by economic and industrial needs. For example, in Morocco, the construction of automobile factories (with the need for subsequent transportation of finished products) has prompted foreign companies to develop a plan for an innovative industrial city with a modern port. In general, in many countries, the process of modernizing transport and logistics systems is still in its infancy, but ports have become the starting point for new investment programs for systemic transformation in Africa.</p> <p>Acknowledgements: <i>This article was prepared with the support of a grant from the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20216 "Aggravation of competition between Russian and Chinese companies on the African continent: prerequisites, current state and prospects".</i></p>
<p>About the author: Candidate of History, Senior Researcher, ИММО e-mail: volodinamarie@gmail.com</p>	
<p>Key words: seaports; transport infrastructure; West Africa; North Africa; port modernization; foreign investment; competition between European and Chinese TNCs</p>	

Для цитирования: Володина М.А. Конкуренция внешних игроков за транспортно-логистические проекты в западной и северной Африке (на примере морских портов) // *Сравнительная политика*. – 2021. – №1. – С. 34-48.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10004

For citation: Volodina, Maria A. Konkurenciya vneshnikh igrokov za transportno-logisticheskiye proyekty v zapadnoy i severnoy Afrike (na primere morskikh portov) (Competition of External Players for Transport and Logistics Projects in Western and North Africa (on the Example of Sea Ports)) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 34-48.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10004

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ КРУПНЫХ ВНЕШНИХ ИГРОКОВ В РАЗВИТИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Карина Алиевна Гемуева

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 2 мая 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Для проведения индустриализации, повышения уровня жизни населения в странах Африки южнее Сахары (АЮС) необходимы масштабные инвестиции в развитие электроэнергетической инфраструктуры. Можно выделить две ключевые и две сопутствующие цели развития сектора электроэнергетики в долгосрочной перспективе. К первым относятся создание условий для промышленного развития и повышения его конкурентоспособности, а также содействие социально-экономическому развитию за счет обеспечения всеобщего доступа к электроэнергии и бесперебойного снабжения. Ко вторым – повышение финансовой устойчивости энергетического сектора и выполнение экологических требований. В связи с нехваткой в странах АЮС финансовых ресурсов, необходимых технологий и профессиональных кадров решающая роль в развитии энергетического сектора отводится внешним игрокам. К последним можно отнести традиционных доноров, таких как Всемирный банк, Европейский Союз, США и Африканский банк развития, и новых игроков, в особенности Китай. Цель данного исследования заключается в сравнении стратегий ключевых внешних игроков в сфере электроэнергетики стран АЮС. Анализ стратегий производится на уровне концептуальной основы внешней африканской политики в целом и стратегии в сфере электроэнергетики в частности, и на уровне их фактического воплощения за счет изучения применяемых методов, приоритетных направлений, масштаба и особенностей проектов. По результатам анализа дается оценка соответствия реализуемых внешними игроками стратегий в сфере электроэнергетики коренным интересам стран АЮС. В заключении автор выделяет две условные, концептуально различающиеся модели: «равноправное партнерство» и «донор – реципиент».</p> <p><i>Исследование выполнено по гранту РНФ №17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы»</i></p>
<p>Об авторе: младший научный сотрудник, ИМЭМО РАН e-mail: krina07@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: энергетическая политика; энергетическая инфраструктура; Китай; Африка; страны АЮС; США; ЕС; Всемирный Банк; Африканский банк развития</p>	

В настоящее время около 600 млн населения стран АЮС¹ не имеют доступа к электричеству². Состояние энергетического сектора этих стран характеризуется неразвитостью и технической отсталостью электроэнергетической инфраструктуры, нехваткой

капитальных вложений в развитие, низким качеством услуг, ограниченностью охвата потребителей, хронической убыточностью энергетических компаний, что усиливает финансовую нагрузку на государственные бюджеты.

Считая коренными интересами стран АЮС проведение индустриализации и повышение качества жизни населения, можно выделить две ключевые и две сопутствующие цели развития сектора электроэнергетики в долгосрочной перспективе. Ключевые цели:

¹ В данной статье к странам АЮС относятся все страны Африки за исключением Алжира, Египта, Туниса, Марокко и Ливии.

² SDG7: Data and Projections // IEA, 11.2019. Mode of access: <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity>

1) создание условий для промышленного развития и повышения его конкурентоспособности; 2) содействие социально-экономическому развитию за счет обеспечения всеобщего доступа к электроэнергии и бесперебойного снабжения. Сопутствующие цели: 1) повышение финансовой устойчивости энергетического сектора экономики; 2) выполнение экологических требований. Последние также важны, но их достижение не должно противоречить решению ключевых целей.

Вне зависимости от того, какой из двух ключевых целей развития сектора дается приоритет, ее достижение невозможно без масштабных инвестиций в сферу производства и распределения электроэнергии. Из-за нехватки в странах АЮС финансовых ресурсов, необходимых технологий и профессиональных кадров решающая роль в развитии энергетического сектора отводится внешним игрокам. К ним относятся традиционные доноры, такие как Всемирный банк, ЕС, США и Африканский банк развития (АБР), и новые игроки, в особенности Китай.

Цель данного исследования заключается в сравнении стратегий ключевых внешних игроков в сфере электроэнергетики стран АЮС. Под стратегией понимается сформулированный долгосрочный стержневой план, состоящий из матрицы целей, принципов и мотивов, а также комплекса методов, форм и ресурсов для его реализации. Сопоставление стратегий производится: 1) на уровне концептуальной основы внешней африканской политики в целом и стратегии в сфере электроэнергетики в частности; 2) на уровне их фактического воплощения за счет анализа применяемых методов, ключевых партнеров и участников стратегий, приоритетных направлений, масштаба и особенностей проектов. Качественный критерий оценки стратегий сформулирован в исследовательском вопросе: насколько реализуемые внешними игроками стратегии в сфере электроэнергетики соответствуют коренным интересам стран АЮС?

Исторический контекст

Для выявления условий и факторов, влияющих на комплексную внешнюю поли-

тику государства или ее отдельных направлений, необходимо принимать во внимание исторический контекст и основные тенденции глобального развития.

В 1950-1970-е годы страны Африки оказались втянуты в политическое, идеологическое, а зачастую и военное противостояние глобальных держав. Идеологический мотив играл ведущую роль при оказании освободившимся от колониализма африканским странам помощи в целях содействия развитию, включая инфраструктурное строительство. Партнеры среди африканских стран также выбирались исходя из предпосылок оказания политического и идеологического влияния на местные политические элиты.

В конце XX в. внешняя политика глобальных игроков и ее африканское направление оказались «на перепутье» в связи с исчезновением идеологического мотива и необходимостью формулирования новых стратегий исходя из требований времени, а также в связи со сменой экономической парадигмы внутреннего развития у России и КНР. Появление экономического мотива связано с усилением активности и влияния национального бизнеса, коммерческие интересы которого стали играть все большую роль при формировании внешнеполитической стратегии. Наряду с ним возник и «социальный» мотив – «социальная ответственность» глобальных игроков, необходимость содействия странам с низкими доходами с целью снижения рисков возникновения глобальных проблем в сфере безопасности, здравоохранения и экологии.

Основные современные тенденции:

– Ускорение глобализационных процессов с середины XX в. и параллельное усиление тенденций к регионализации и интеграции.

– «Глобализация» проблем, например, миграционных всплесков, террористических угроз, экологических проблем, информационного противостояния. Глобальные игроки так или иначе уже столкнулись с последствиями данных проблем и вынуждены были их учитывать в своей внешней политике.

– Усиление конкуренции во всех базовых сферах взаимодействия.

– Обострение конфликта интересов различных игроков на мировой арене. Например, усиление противоречий между традиционными донорами и реципиентами помощи, вызванное неприятием навязываемых макроэкономических и политических условий и желанием последних самостоятельно формировать повестку национального развития. Причины другого конфликта кроются в «перекладывании ответственности» и «экономического бремени» по решению глобальных проблем на развивающиеся страны, хотя эскалация последствий этих проблем лежит в особенностях развития стран Запада в более ранний период времени.

Влияние перечисленных тенденций на стратегии внешних игроков по развитию электроэнергетики в странах АЮС значительно и разнопланово. Во-первых, с начала XXI в. усилилась конкуренция крупных внешних игроков: в продвижении товаров и услуг, технических и технологических стандартов, моделей финансирования проектов и взаимодействия с внешними игроками («Пекинский консенсус» и «Вашингтонский консенсус»), «проводников» реализации стратегий («частный бизнес» и «государственные компании»), моделей развития («неолиберальная модель» и «китайская модель развития»), систем ценностей («демократические и неолиберальные ценности» и «невмешательство во внутренние дела») и пр. Во-вторых, усиление тенденций к регионализации и интеграции ведет к использованию ресурсов и компетенций различных игроков (и выдвинутых ими партнерских инициатив) для совместного финансирования или совместной реализации энергетических проектов с целью повышения экономической отдачи и снижения сопутствующих рисков. В развитии африканского энергетического рынка эти тенденции нашли свое отражение в растущем интересе к строительству объектов инфраструктуры сразу для нескольких стран и в объединении энергетических систем между собой, в том числе в энергетические пулы. В-третьих, влияние глобализации можно проследить на примере китайской инициативы «Пояса и пути», предусматривающей развитие и трансформацию

существующих систем транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры. В свою очередь, принятие рядом африканских стран амбициозных целей по развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) было бы маловероятно без влияния глобальных игроков и формулирования международной экологической повестки в рамках конференций ООН по климату. В-четвертых, учитывая более высокие социальные и экологические риски при строительстве крупных электрогенерирующих мощностей, в особенности ГЭС, западные доноры сместили фокус на реализацию менее рискованных проектов, например, строительство электросетевой инфраструктуры и продвижение автономных систем электроснабжения.

С 1970-х гг. значение сферы электроэнергетики как отдельной темы для обсуждения на международном уровне, так и в контексте глобальных проблем претерпевает значительные изменения. Решения по данным вопросам, содержащиеся в итоговых документах международных саммитов и конференций, несмотря на преимущественно декларативный характер, как правило, оказывают влияние на внешнюю политику крупных игроков, хоть и с некоторой задержкой во времени. Эволюцию значения энергетических вопросов в глобальной повестке дня и контекста их обсуждения в конце XX в. можно проследить на примере трех конференций ООН: по проблемам окружающей человека среды (Стокгольм, 1972 г.), по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) и по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002 г.)³.

На первой конференции фокус внимания был направлен только на загрязнение окружающей среды на этапах получения, передачи и использования энергии. Такая тематика была обусловлена обеспокоенностью развитых стран ухудшением экологической ситуации в мире в контексте глобального изменения климата, и их желанием обсуждения экологической проблематики

³ Najam A., Cleveland C. Energy and Sustainable Development at Global Environmental Summits: An Evolving Agenda // *Environment, Development and Sustainability*, Vol. 5 (1), 2003. P. 134.

на глобальном уровне с привлечением развивающихся стран к решению проблем⁴.

Ко времени проведения второй конференции стало существенно больше тех, кто разделял опасения, связанные с последствиями изменения климата. Также актуальность энергетических вопросов как элемента экономической безопасности резко выросла после нефтяных кризисов в 70-х и 80-х гг. XX в. В связи с этим на конференции в Рио-де-Жанейро центральной темой для обсуждения стала необходимость баланса экологических и экономических интересов в энергетической политике. Были конкретизированы задачи для минимизации экологических рисков – снижение энергопотребления и энергоемкости, повышение энергоэффективности и внедрение более экологически чистых источников энергии⁵.

В принятых в 2000 г. международным сообществом восьми целях развития тысячелетия, которые планировалось достигнуть к 2015 г., энергетические вопросы не были упомянуты напрямую. Этот пробел был восполнен на конференции в Йоханнесбурге, где использование энергии было заявлено в качестве необходимого условия для удовлетворения базовых потребностей человека. К обсуждению экологических и экономических аспектов энергетической политики был добавлен социальный вектор устойчивого развития, что отражает само название конференции. Были вынесены на обсуждение задачи по реструктуризации налогов и постепенному прекращению «несправедливых» субсидий, повышению эффективности и финансовой прозрачности энергетического сектора. Что касается ВИЭ, странам так и не удалось согласовать принятие конкретных целей и обязательств, главным образом из-за позиции США. Также на конференции были разработаны т. н. партнерства II типа, представляющие альтернативу традиционным межгосударственным программам и предусматривающие вовлеченность различных негосударственных акторов в процесс принятия решений и их реализации⁶.

⁴ Ibid. P. 125.

⁵ Ibid. Pp. 128-129.

⁶ Ibid. Pp. 131-133.

По истечению сроков реализации целей развития тысячелетия в 2015 г. была принята новая универсальная повестка дня в виде 17 целей в области устойчивого развития на период до 2030 г. На этот раз возросшее значение энергетических вопросов было отражено в седьмой цели (SDG 7) – обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Зачастую при реализации инфраструктурных проектов в сфере электроэнергетики западные институты и организации включают другие цели в области устойчивого развития в список необходимых задач проекта и критериев оценки его эффективности, тогда как у Китая такой жесткой привязки не наблюдается, а содействие странам Африки оказывается в рамках отдельных инициатив.

Ко второму десятилетию XXI в. все большим количеством акторов признается, что принимаемых усилий недостаточно для достижения *SDG 7* к 2030 г., учитывая высокие темпы роста численности населения в странах с низким уровнем электрификации. Звучат призывы к более активному участию двусторонних и многосторонних доноров, постановке более амбициозных задач. На этом фоне выдвинут целый ряд инициатив и программ, направленных на решение энергетических вопросов в странах АЮС, в их числе инициатива в 2010 г. Африканским Союзом «Программа инфраструктурного развития в Африке» (*PIDA*), продвигаемая с 2011 г. инициатива ООН «Устойчивая энергетика для всех» (*SEforALL*), впоследствии институционализированная в международную организацию, инициатива США «*Power Africa*» и пр.

Китай

Активное участие Китая в развитии электроэнергетики африканских стран не оформлено в виде отдельной инициативы или стратегии. Соответственно при анализе концептуальной основы взаимодействия необходимо учитывать особенности внешнеэкономической политики Китая.

Во второй половине XX в. ориентиры и принципы внешней политики КНР

неоднократно кардинально менялись под влиянием внутренних и внешних факторов. Первоначально Китай заявил о себе, оказывая активную поддержку национально-освободительным движениям. Дальнейшие усилия были направлены на противодействие империализму, а позднее и влиянию СССР после ухудшения советско-китайских отношений⁷. Возрастание роли африканского направления во внешней политике КНР было также продиктовано поиском политических союзников для укрепления своих позиций на международной арене. Как результат активных внешнеполитических действий в 1971 г. было восстановлено представительство материкового Китая в ООН вместо Тайваня.

Важным элементом политики усиления своего влияния в Африке было оказание технической и финансовой помощи союзникам, включая строительство промышленных и инфраструктурных объектов. Например, при содействии КНР были возведены ГЭС в Гвинее и Сомали. За редким исключением китайская помощь предоставлялась в форме небольших проектов, которые имели «имиджевую составляющую» и которые можно было реализовать в короткие сроки⁸.

В этот период были разработаны концептуальные подходы, заложившие основу современной внешней политики Китая. В 1953 г. премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем были сформулированы «пять принципов мирного сосуществования», подразумевающие в том числе невмешательство во внутренние дела. Во время его африканского турне в 1963-1964 гг. были выдвинуты «пять принципов взаимоотношения Китая с африканскими и арабскими странами», предусматривающие поддержку народов Африки в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма⁹. Для противо-

ставления политике бывших метрополий Китай акцентировал тезис «общности судеб и задач» всех развивающихся стран. Таким образом, проводилась параллель между колониальным прошлым африканских стран и иностранной интервенцией со стороны западных держав в Китае¹⁰.

Основу экономической политики КНР на африканском континенте составили «восемь принципов» китайской экономической и технической помощи, также выдвинутые в 1964 г. В них упоминаются «равноправие и взаимная выгода», «не обусловленность помощи никакими условиями или привилегиями», «предоставление беспроцентных и низкопроцентных кредитов». Это сыграло важное значение при выстраивании партнерских отношений со странами Африки.

В 1980-90 гг. происходила кардинальная трансформация внешней политики КНР, вызванная сменой парадигмы развития после принятия политики «реформ и открытости». Были сформулированы новые ориентиры на создание мирного окружения и использование внешних ресурсов для достижения задач внутреннего развития, выстраивания прагматического сотрудничества со всеми партнерами. На смену популярной в 1970-е гг. теории «трех миров» пришла концепция «Юг-Юг», нацеленная на укрепление позиций развивающихся стран в их отношениях с развитыми странами Севера¹¹. Причисляя себя к Югу, Китай с одной стороны позиционирует себя как равного партнера, а с

РУДН, Москва, 2009. Pp. 50-51. [Solovyeva, T.M. Istoricheskiy opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva Kitajskoj Narodnoj Respubliki i stran Afriki (The Historical Experience of the International Cooperation between PRC and African Countries): dis. ... kand. of ist. RUDN, Moscow, 2009. Pp. 50-51.]

¹⁰ Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая // М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 106. [Deich, T.L. Africa in China's strategy. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2008. P. 106.]

¹¹ Дейч Т.Л. Африка в внешнеполитической стратегии Китая: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.15 / Дейч Татьяна Лазаревна; науч. рук. В.Г. Шубин; Институт Африки РАН, Москва, 2013. 434 с. [Deich, T.L. Afrika v vnesnepoliticheskoj strategii Kitaya (Africa in China's Foreign Policy Strategy): dis. ... doct. of ist. Institute for African studies RAS. Moscow, 2013. 434 p.]

⁷ Copper, J. China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan. Vol. III, 2016. P. 2.

⁸ Ibid. Pp. 3-4.

⁹ Соловьева Т.М. Исторический опыт международного сотрудничества Китайской Народной Республики и стран Африки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Соловьева Татьяна Михайловна; науч. рук. Л. В. Пономаренко;

другой стороны претендует на роль лидера группы, защитника интересов развивающихся стран.

С конца 1970-х годов объемы китайской помощи странам Африки сократились, что связывают с исчезновением идеологического мотива помощи социалистическим режимам, критикой «излишне щедрой» финансовой помощи внутри страны и фокусированием на собственном экономическом развитии¹². В 1982-1983 гг. во время визита премьер-министра Госсовета Чжао Цзяна в Африку были выдвинуты новые принципы экономического и технического сотрудничества, в которых акцент с оказания односторонней помощи сместился на взаимовыгодность и обоюдное развитие, внедрение новых форм сотрудничества. В 90-е гг. продолжалась корректировка модели экономического сотрудничества между Китаем и Африкой. В ходе визита председателя КНР Цзян Цзэмина в Африку в 1996 г. было высказано желание укреплять сотрудничество в сфере экономики и торговли, развивать отношения на уровне предприятий в качестве движущей силы двустороннего взаимодействия¹³. Не последнюю роль в пересмотре африканской политики сыграла международная реакция на события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., когда многие африканские страны проявили солидарность с позицией Пекина на контрасте с резкой критикой со стороны западных стран по вопросу нарушения прав человека¹⁴.

Конец XX в. стал своеобразным переходным периодом для КНР. Растущие потребности Китая в энергоресурсах и минеральном сырье, необходимость расширения рынков сбыта китайских товаров и услуг, повышение хозяйственной активности предприятий за счет поэтапного реформирова-

ния государственных предприятий и бурного развития частного сектора определили усиление роли экономической составляющей внешней политики. С середины 1990-х годов стала реализовываться политика «выхода вовне», подразумевающая государственную поддержку китайских компаний в виде льготного налогообложения, правительственных льготных кредитов. В 1994 г. был создан Экспортно-импортный банк Китая (Exim Bank), впоследствии ставший ключевой структурой по предоставлению льготного финансирования китайских инфраструктурных проектов в Африке. Вступление Китая в ВТО в 2001 г. после 15 лет переговоров также можно считать важнейшей вехой, демонстрирующей готовность Китая действовать в сложившейся системе международных норм и порядков, и что более важно, его способностью извлекать максимальную пользу для своего экономического развития от использования новых механизмов.

Основание Форума сотрудничества Китай-Африка (FOCAC) в 2000 г. позволило вывести двустороннее сотрудничество на новый уровень. Проводимый раз в три года Форум стал диалоговой площадкой на уровне министров и глав государств, на которой обсуждаются ключевые направления сотрудничества, дается оценка достигнутых результатов, формулируются обязательства Китая как в рамках предоставления помощи развитию, так и в проектах на коммерческой основе. Механизм диалога показывает стремление Китая соблюдать баланс между собственными и африканскими интересами, совместными усилиями формировать повестку дня.

С середины 2000-х гг. происходит стремительное усиление позиций Китая на африканском рынке. В 2006 г. принята Белая книга «Политика Китая в отношении Африки» – первый программный документ, где изложены цели, задачи и приоритеты внешней политики Китая на континенте. В 2009 г. Китай обогнал США и стал ведущим торговым партнером Африки. В 2015 г. обнародована обновленная и более детализированная «Политика Китая в отношении Африки», направленная на сопряжение таких ориентиров

¹² Copper, J. China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan. Vol. III, 2016. P. 45.

¹³ Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая // М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 172. [Deich, T.L. Africa in China's strategy. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2008. P. 172.]

¹⁴ Copper, J. China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan. Vol. III, 2016. P. 47.

развития, как «китайская мечта о великом возрождении китайской нации», «построение общества средней зажиточности к 2021 г.» и африканская «Повестка дня до 2063 г.». Как и в первом документе, сотрудничество в сфере инфраструктурного строительства, в том числе в сфере электроэнергетики, находится в числе приоритетов двустороннего взаимодействия, однако на первое место выходит содействие африканским странам в проведении индустриализации и модернизации сельского хозяйства. Также в 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил повысить уровень китайско-африканских отношений от стратегического партнерства нового типа до всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства.

Акценты на развитие инфраструктуры как необходимой базы для проведения индустриализации, реализации масштабных трансграничных и межрегиональных проектов, расширение форм участия китайских компаний в проектах отражают новые, четко артикулированные приоритеты в рамках инициативы «Пояса и пути», выдвинутой в 2013 г. Это демонстрирует желание Китая не только расширять свое присутствие в «существующей системе координат», но и к ее трансформации исходя из своих интересов.

График 1.

Кредитное финансирование КНР проектов в сфере электроэнергетики в странах Африки в 2000-2016 гг.

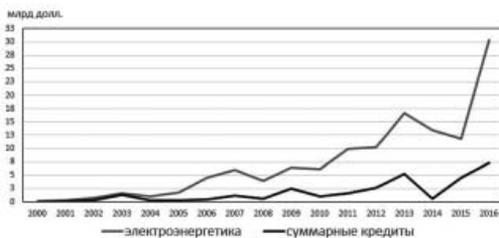

Chart 1. Credit financing of the PRC of projects in the electric power sector in African countries in 2000-2016

Источник: составлено по данным статистической базы CARL.

По оценкам China Africa Research Initiative (CARI), в 2000–2016 гг. Китай предоставил странам Африки кредиты в размере 122 млрд долл., в том числе 30 млрд долл. на финансирование проектов в сфере электроэнергетики (См. График 1). Всего в 2000-2015 гг. китайские кредиты в сфе-

ре электроэнергетики были предоставлены 29 странам Африки, первые позиции по размеру финансирования заняли Судан (13%), Эфиопия (11%) и Гана (10%)¹⁵. Примечательно, что в отличие от традиционных западных доноров китайское финансирование проектов в Северной Африке в 2000-2015 гг. было минимальным, единственный кредит был направлен на возведение ТЭС в Марокко. Однако приведенная статистика не учитывает последние данные, например, финансирование строительства ГЭС мощностью 2,4 ГВт в Египте в размере 2,6 млрд долл.¹⁶.

По данным Международного энергетического агентства (IEA) в период с 2010 по 2015 гг. установленные электрогенерирующие мощности в странах АЮС выросли с 95 ГВт до 115 ГВт. Из них более 7 ГВт (30%) построены и введены в строй с участием китайских подрядчиков, если исключить ЮАР, то доля составит 46%. За этот период завершена реализация 54 проектов по строительству объектов электрогенерации и 25 проектов в сфере передачи и распространения электроэнергии. Общий объем электрогенерирующих мощностей в странах АЮС, введение в строй которых было запланировано в период с 2010 по 2020 гг. с привлечением китайских подрядчиков, превысил 12 ГВт. Также в этот период предполагалось построить 28 тыс. км электросетей в рамках китайских проектов¹⁷. Вместе с тем, обновленные данные за 2019 г. демонстрируют снижение суммарного размера запланированных проектов: в период с 2014 по 2024 гг. запланировано введение в эксплуатацию только 9 ГВт электрогенерирующих мощностей. Доля китайских подрядчиков в суммарной мощно-

¹⁵ Chinese loans to Africa // China Africa Research Initiative. Mode of access: <http://www.sais-cari.org/data>

¹⁶ EEHC agrees with EximBank to finance PSH project with \$2.6bn // Dail News, 10.02.2019. Mode of access: <https://www.dailynewssegyp.com/2019/02/10/eehc-agrees-with-eximbank-to-finance-psh-project-with-2-6bn/>

¹⁷ Boosting the Power Sector in Sub-Saharan Africa: Chinese involvement // IEA, 2016, Paris.48. Mode of access: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Partner_Country_SeriesChinaBoosting_the_Power_Sector_in_SubSaharan_Africa_Chinas_Involvement.pdf

сти объектов электрогенерации сократилась до 20%, но доля ВИЭ в реализуемых ими проектах, наоборот, выросла до 76%¹⁸.

Китайские подрядчики принимали участие в строительстве всех типов электростанций, за исключением АЭС. На ВИЭ пришлось 56% мощностей в 2010-2020 гг. (из них 49% – ГЭС). По объему мощностей китайские проекты варьировались от мини-проектов менее 1 МВт до сверхкрупных проектов мощностью более 1 ГВт. Средний размер мощностей составил 188 МВт. Китайские компании привлекались к строительству как местных распределительных сетей, так и трансграничных магистральных ЛЭП (ЛЭП Джибути-Эфиопия, Кения-Эфиопия и Кения-Танзания с сопутствующей энергетической инфраструктурой).

Примечательно, что у Китая нет отдельной стратегии, направленной непосредственно на развитие ВИЭ в странах АЮС. Активизация деятельности китайских компаний в этом направлении скорее вызвана ужесточением конкуренции на внутренних и внешних рынках, насыщением внутреннего рынка и ухудшением инвестиционной ситуации в других странах¹⁹.

В числе крупнейших китайских проектов можно назвать ГЭС *Mambilla* в Нигерии (3050 МВт), *Caculo Sabaca* в Анголе (2172 МВт) и *Merowe* (1250 МВт) в Судане. Стоит отметить, что крупные ГЭС наравне с АЭС вырабатывают самую дешевую электроэнергию, что в итоге создает благоприятные условия для развития промышленности. Однако, строительство крупных ГЭС сопряжено с серьезными экологическими и социальными рисками, требует привлечения подрядчика с необходимым уровнем компетенций, значительных объемов финансирования и длительного времени на реализацию. Также реализация подобных проектов может

затронуть интересы нескольких государств, через которые проходит определенная река, что может стать причиной промедлений, приостановки и даже отмены проекта. Тем не менее, в отличие от большинства западных доноров, Китай готов финансировать и реализовывать подобные проекты.

Более 90% китайских подрядчиков, реализующих проекты в сфере электроэнергетики, представлены компаниями с государственным участием. В проекты привлекаются компании, обладающие необходимым опытом и компетенциями в этой сфере, в том числе успешно реализовавшие аналогичные проекты в Китае. Естественно, что крупным китайским государственным компаниям значительно проще привлечь финансирование на льготных условиях у китайских банков, а также использовать механизмы для минимизации рисков. Кроме того, действуя в русле выполнения стратегических планов КНР, ориентированных на долгосрочную перспективу, государственные компании и финансовые институты могут учитывать негативный опыт для совершенствования моделей сотрудничества. Например, заметны изменения в подходах Китая по вопросам привлечения местной рабочей силы, подрядных компаний и поставщиков, защиты окружающей среды, реализации проектов корпоративной социальной ответственности в интересах местных жителей и пр.

Большинство проектов китайских компаний реализуются в рамках ЕРС-контрактов (*Engineering, Procurement, Construction*). В последние годы применялись и другие формы участия в проектах, например, в форме прямых инвестиций (ТЭС *Sunon Asogli* в Гане), государственно-частного партнерства или BOT (*Build, Operate, Transfer*).

В структуре финансирования китайских проектов в сфере электроэнергетики в странах АЮС 78% приходится на кредиты китайских банков, по 10% – за счет международных финансовых институтов и смешанных кредитов и 2% – за счет средств принимающих стран. Стоит учитывать, что возможность привлечения льготного китайского финансирования дает значительное конкурентное преимущество китайским

¹⁸ Another Look at China's Involvement in the Power Sector in Sub-Saharan Africa // *Modern Diplomacy*, 02.04.2019. Mode of access: <https://moderndiplomacy.eu/2019/04/02/another-look-at-chinas-involvement-in-the-power-sector-in-sub-saharan-africa/>

¹⁹ Shen, W.; Power, M.. Africa and the Export of China's Clean Energy Revolution // *Third World Quarterly*, 2017, Vol. 38 (3), p. 689.

компаниям, наравне с возможностью реализации проекта «под ключ» и в сжатые сроки, необходимым уровнем компетенции и опыта работы на африканских рынках и готовностью принимать участие в проектах с высокими рисками, которые вытекают из его масштаба или условий страны реализации.

Финансирование проектов китайской стороной может осуществляться в виде грантов, беспроцентных и низкопроцентных кредитов, коммерческих и экспортных кредитов, а также пакетного финансирования²⁰. Обязательным условием предоставления льготных кредитов является участие в проекте китайских подрядчиков и поставщиков, также финансирование с китайской стороны не должно превышать 85% от общей стоимости контракта. Единственным жестким требованием является признание принципа «одного Китая». Китайские государственные банки сотрудничают со странами с нестабильным внутривнутриполитическим положением и с правительствами, считающимися в странах Запада неэффективными или коррумпированными.

Подводя итоги, в китайской стратегии сотрудничества со странами Африки принципиальное внимание уделено развитию базовой инфраструктуры как определяющего фактора развития промышленности и сельского хозяйства стран АЮС. Естественно, Китай в своем сотрудничестве со странами АЮС исходит из своих национальных интересов. В то же время степень учета коренных интересов стран АЮС, уровень их сопряжения с интересами Китая существенно выше, чем у традиционных западных доноров. Китайские банки зачастую выступают в качестве единственного внешнего кредитора проекта и налагают меньше ограничений на размер финансирования, тип проекта и его риски, политические и финансовые условия страны-заемщика. Китайское финансирование обусловлено участием китайских компаний в реализации проекта, тогда как западными международными институтами и организациями выставляются требования политического и макроэкономического ха-

рактера. Особо стоит подчеркнуть готовность Китая принимать участие в строительстве крупных ГЭС, что может оказать значительный вклад в создание конкурентоспособной промышленности в странах АЮС.

США

К концу XX века после окончания холодной войны и распада советского блока страны АЮС выпали из круга стратегических интересов США. Размер американской помощи странам АЮС к 1996 г. упал до исторического минимума. Вместе с тем с 1990-х гг. начало возрастать влияние бизнес-кругов на формирование повестки африканской политики США²¹. В 1993 г. был учрежден Корпоративный совет по Африке (*Corporate Council on Africa*), объединяющий представителей частного американского бизнеса. Он выступает организатором проведения бизнес-саммитов США-Африка (с 1997 г.), ежегодной конференции США-Африка по вопросам сотрудничества в сфере инфраструктуры (с 2006 г.) и других мероприятий. В 2000 г. был принят Закон об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (*African Growth and Opportunity Act*, АГОА), который в числе прочего содержит меры по обеспечению наиболее благоприятного для американских компаний делового климата в конкретных странах континента.

В ответ на серию терактов 11 сентября 2001 г. президент США Дж. Буш-мл. объявил глобальную «войну против терроризма». Изменения коснулись и африканского направления внешней политики США, учитывая взрывы в американских посольствах в Найроби и Дар-эс-Саламе в 1998 г., что привело к ее стремительной «милитаризации».

При администрации Дж. Буша-мл. существенно увеличились объемы помощи странам АЮС. Среди основных мотивов можно назвать обеспечение стабильности и совершенствование системы управления в странах-экспортерах нефти на американский рынок (Нигерия, Экваториальная

²⁰ Brautigam, D.; Hwang J. *Eastern Promises: New Data on Chinese Loans in Africa, 2000-2014 // CARI Working Paper*, 2016, Vol. 32 (4).

²¹ Van de Walle, N. *US policy towards Africa: The Bush Legacy and the Obama Administration // African Affairs*, 2009, Vol. 109 (434), pp. 4-6.

Гвинея), снижение рисков возникновения международных проблем и угроз в сфере безопасности, здравоохранения и экологии за счет содействия развитию странам с низким уровнем доходов, получение дивидендов во внутренней политической борьбе за счет реализации гуманитарных программ (борьба со СПИДом), продвижение демократических и нелиберальных ценностей, экономических и политических реформ путем их обусловленности к предоставлению помощи. Тем не менее увеличение объемов помощи в рамках различных программ не привело к усилению влияния США в регионе. Это можно объяснить более активной и гибкой политикой других государств, неприятием навязываемых макроэкономических и политических условий и усиления военного присутствия США во многих африканских странах, а также отсутствием четко сформулированной комплексной стратегии, координирующей цели и задачи отдельных программ, в результате чего те оказались гораздо менее эффективными²².

В первые годы после прихода к власти в 2009 г. администрация Б. Обамы в целом продолжила курс своих предшественников на африканском направлении, включая активную антитеррористическую деятельность. В экономической сфере все больший акцент делался на взаимовыгодности сотрудничества в отличие от односторонних инвестиций. В то же время усилия США были сосредоточены на борьбе с последствиями мирового финансово-экономического кризиса на собственном рынке. Созданные при президентстве Дж. Буша-мл. программы финансирования Африки, такие как Чрезвычайный план президента по борьбе со СПИДом и Корпорация «Вызовы тысячелетия», были сокращены. Однако усиление экономического и геополитического влияния новых игроков в Африке, особенно Китая и Индии, побудило США к активным действиям. С целью противодействия новым вызовам в 2012 г. была провозглашена «Стратегия США к Югу от Сахары», реализуемая через отдельные инициативы по таким направлениям, как электроэнергетика, здравоохранение, борьба с голодом и пр. В частности, в

²² Ibid. Pp. 8-11.

2013 г. США была выдвинута инициатива *Power Africa* («Энергия Африки»), нацеленная непосредственно на развитие электроэнергетики в АЮС. В ее рамках объединены ресурсы 12 правительственных агентств США. Для достижения декларируемой цели инициативы – увеличения доступа к электроэнергии в регионе – был выдвинут ряд мер, направленных на содействие частному бизнесу в реализации соответствующих проектов. Инициатива *Power Africa* была поддержана на законодательном уровне: в 2016 г. президент Б. Обама подписал Закон об электрификации Африки (*Electrify Africa Act*). В марте 2018 г. американская стратегия была скорректирована, фокус обновленной инициативы *Power Africa 2.0* сместился в сторону совершенствования систем передачи и распределения электроэнергии.

Первое время после прихода к власти Д. Трампа звучали заявления о сведении к минимуму программ оказания гуманитарной помощи странам региона. Однако это изменилось с выдвиганием в декабре 2018 г. «Новой африканской стратегии США». По словам помощника госсекретаря США по делам Африки Т. Наги, стратегия нацелена на развитие партнерских отношений в условиях глобальной конкуренции, причем под конкурентами понимаются Россия и Китай. В экономической сфере акцент еще сильнее смещен с предоставления помощи в сторону «взаимовыгодного партнерства» и защите интересов американских инвесторов. Реализуемые ранее операции и программы планируется продолжить, но в большинстве случаев объем помощи будет сокращен²³. В середине 2019 г. администрация Д. Трампа выдвинула новую инициативу *Prosper Africa* («Процветай, Африка»), нацеленную на содействие американским компаниям в сфере торговли и инвестиций.

В июне 2013 г. были сформулированы первоначальные цели инициативы *Power Africa* – введение в эксплуатацию

²³ Урнов А.Ю. Новая африканская стратегия администрации Д. Трампа // Азия и Африка сегодня, 2019, № 5, с. 6-13. [Urnov, A. Novaya afrikanskaya strategiya administracii D. Trampa (D. Trump Administration's New African Strategy) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2019, No. 5, pp. 6-13.]

10 ГВт электрогенерирующих мощностей и обеспечение доступа к электричеству для 20 млн домохозяйств и предприятий. На реализацию инициативы государственные структуры США планировали в течение 5 лет выделить более 7 млрд долл., из которых 5 млрд долл. пришлось на экспортные кредиты и банковские гарантии Экспортно-Импортного банка США. Обязательства частного бизнеса были заявлены в размере 9 млрд долл., интерес к участию в инициативе проявили такие компании, как *General Electric, Heirs Holdings* и *Symbion Power*.

В августе 2014 г. на саммите США-Африка горизонт инициативы был продлен до 2030 г., первоначальные цели были скорректированы с учетом новых сроков, а именно: введение в строй 30 ГВт электрогенерирующих мощностей и обеспечение доступа к электричеству для 60 млн домохозяйств и предприятий. В Законе об электрификации Африки были обозначены промежуточные цели на 2020 г. В выпущенной в ноябре 2018 г. дорожной карте обновленной стратегии *Power Africa 2.0* поставлены задачи по прокладке 5 тыс. км линий электропередач и введению в эксплуатацию 7,5 ГВт электросетевых мощностей в рамках 18 приоритетных проектов к 2030 г.²⁴

За шесть лет реализации инициативы *Power Africa* (т.е. к июлю 2019 г.) были достигнуты следующие результаты: 1) состоялось финансовое закрытие 124 проектов, в рамках которых суммарно будет введено в строй 10,4 ГВт электрогенерирующих мощностей; 2) из них завершена реализация 56 проектов, что позволило ввести в эксплуатацию 3,5 ГВт соответствующих мощностей; 3) обеспечен доступ к электричеству для 14,8 млн домохозяйств и предприятий; 4) согласованы условия финансирования по проектам, предусматривающим прокладку 2,3 тыс. км линий электропередач. В рамках инициативы оказано содействие 40 странам АЮС, но всего на две страны, ЮАР и Нигерию, пришлось 60% от запланированных к вводу мощностей. Таким образом, текущие

темпы реализации инициативы оказались далеки от запланированных. 100 из 124 сделок были направлены на развитие ВИЭ, тогда как по объему запланированных к вводу мощностей первое место заняли ТЭС (42%) (См. Табл. 1.). Средний размер электрогенерирующих мощностей, возводимых в рамках инициативы *Power Africa*, составил 84 МВт²⁵.

Важно подчеркнуть, что американские компании или правительственные учреждения принимают непосредственное участие в инвестировании, финансировании или реализации проекта далеко не во всех проектах, указанных в отчетности *Power Africa*. Это объясняется включением в отчетность проектов, реализуемых партнерами инициативы. В их число входят международные финансовые организации (Всемирный банк, Африканский банк развития), правительства ряда развитых стран и пр. Из 156 частных компаний, участвующих в инициативе, компании из США составляют менее половины.

Таблица 1.

Распределение электрогенерирующих мощностей в рамках инициативы Power Africa

Типы мощностей	Число заключенных к июлю 2019 г. сделок	Предусмотренный объем мощностей (МВт)	Доля от общего объема мощностей (%)
ТЭС	24	4358	42
ВЭС	23	2451	24
СЭС	48	1816	17
ГЭС	24	1493	14
ГеоЭС и биомасса	5	272	3
Всего	124	10390	100

Table 1. *Power Africa* distribution of generation capacity
Источник: *Power Africa Annual Report 2019*

Из 14,8 млн домохозяйств и предприятий, получивших доступ к электричеству, 94% подключений обеспечено за счет использования автономных систем электрообеспечения и микросетей и только 6% – за счет подключений к национальным электро-

²⁴ Transmission Roadmap to 2030 // *Power Africa*, 11.2018. Mode of access: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1860/PA_Transmission_Roadmap_508.pdf

²⁵ Annual Report 2019 // *Power Africa*. Mode of access: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1860/power_africa_annual_report_2019.pdf

сетям. При более детальном рассмотрении только часть от первого типа подключений можно приравнять к полноценному доступу к электричеству: 67% из них приходится на внедрение осветительных приборов, работающих на солнечной энергии²⁶.

В рамках инициативы Power Africa начата реализация несколько специализированных программ: например, конкурс среди африканских компаний «*Off-Grid Energy Challenge*», направленный на разработку и внедрение технологий автономного энергоснабжения в сельских районах; инициатива «*Beyond the Grid*», продвигающая использование домашних автономных энергосистем на солнечных батареях.

Особо следует отметить усилия США, направленные на реформирование энергетического сектора отдельных стран АЮС. Продвигается действующая в США модель управления сектором, а именно меры по созданию благоприятной правовой и инвестиционной среды для частного бизнеса (присутствие независимых производителей электроэнергии, приватизация государственных предприятий, введение льготных тарифов на ВИЭ, введение тендерной системы), разделению функций производства, передачи и распространения электроэнергии между независимыми компаниями и др. Одним из проводников этой модели в страны АЮС является корпорация «Вызовы тысячелетия», финансовые обязательства которой в рамках инициативы составляют порядка 1,5 млрд долл. Корпорация заключила соглашения с Ганой, Бенином, Малави, Либерией и Сьерра-Леоне по предоставлению финансирования на развитие энергетической инфраструктуры взамен на обязательства проводить соответствующие реформы. Обусловленность финансирования подтверждается примером Ганы, где в октябре 2019 г. был аннулирован грант в размере 190 млн долл. в результате отмены правительством Ганы соглашения с частным консорциумом по передаче ему функций по распределению электроэнергии в стране²⁷.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ghana Loses \$190 million U.S. Grant over Canceled Power Contract // *Reuters*, 23.10.2019. Mode of access: [https://www.reuters.com/article/us-usa-ghana-power/ghana-loses-190-](https://www.reuters.com/article/us-usa-ghana-power/ghana-loses-190-million-u-s-grant-over-canceled-power-contract-idUSKBN1X225D)

Таким образом, стратегия США на энергетическом рынке стран АЮС направлена на создание благоприятных условий для частного американского бизнеса. Продвигаемые США политические и экономические реформы энергетического сектора далеко не всегда отвечают коренным долгосрочным интересам стран АЮС в построении национальных энергосистем как основы индустриализации, поскольку опора на частный сектор, в том числе американского происхождения, нацеленный на максимизацию прибыли в рамках энергетических проектов, не позволяет решать комплексные задачи сектора. Однако, энергетические проекты, реализованные в рамках стратегии США, в целом способствуют решению задачи повышения качества жизни народов стран АЮС путем расширения доступа населения к электричеству. Стратегия США преимущественно ориентирована на реализацию проектов среднего и малого размера, в ее рамках широко используется механизм совместного финансирования и реализации проектов.

ЕС

Европейский подход в развитии электроэнергетики стран АЮС отличается фрагментированностью и сложной структурой. Это можно объяснить различными интересами стран-участниц и финансовых институтов ЕС, однако такой подход может обернуться снижением эффективности отдельных инициатив и завышенными операционными издержками. К 2017 г. насчитывалось 19 действующих инициатив в этой сфере²⁸.

В качестве примера инициативы можно указать механизм диалога по вопросам партнерства в рамках инициативы ЕС в области энергетики (EUEI PDF), внедренный в 2004 г. и направленный на содействие достижению всеобщего доступа к электричеству в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В 2007 г.

[million-u-s-grant-over-canceled-power-contract-idUSKBN1X225D](https://www.reuters.com/article/us-usa-ghana-power/ghana-loses-190-million-u-s-grant-over-canceled-power-contract-idUSKBN1X225D)

²⁸ Tagliapietra, S.; Bazilian, M. *The Role of International Institutions in Fostering Sub-Saharan Africa's Electrification*. New York: Columbia: Centre on global energy policy, 2017. P. 4-5. Mode of access: <https://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/Sub-SaharanAfricaelectrification0917FINAL.pdf>

было заключено энергетическое партнерство между ЕС и Африкой (АЕЕР), нацеленное на привлечение инвестиций в энергетическую инфраструктуру стран Африки. Три приоритетных направления АЕЕР: 1) доступ к электричеству; 2) энергетическая безопасность; 3) ВИЭ и энергоэффективность. В 2010 г. были утверждены цели по каждому направлению до 2020 г.

ЕС, как на уровне объединения, так и на уровне отдельных стран-участниц, принимает активное участие в развитии электроэнергетики стран АЮС. Однако при рассмотрении политики в отношении всего африканского континента Северной Африке отдается больший приоритет. Среди основных причин – традиционно более тесное экономическое сотрудничество с сопредельным регионом, содействие в повышении социально-экономического развития с целью купирования миграционного кризиса, заинтересованность в интеграции электроэнергетических систем. Так, Марокко, Египет и Тунис входят в пятерку лидеров по размерам финансирования, направленного на развитие электроэнергетики в странах Африки в 2007-2019 гг. В этот период на эти три страны было суммарно выделено 4,2 млрд евро, тогда как на 50 стран АЮС – 6,8 млрд евро (См. График 2).

График 2.

Финансирование ЕС проектов в сфере электроэнергетики в странах Африки в 2007-2020 гг.²⁹

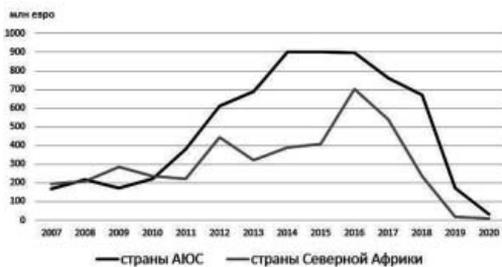

Chart 2. EU funding for electricity projects in Africa in 2007-2020

Источник: EU Aid Explorer <https://euaidexplorer.ec.europa.eu>

Согласно данным Европейской Комиссии, общее количество проектов по раз-

²⁹ Статистические данные за последние два года неполные.

витию электроэнергетики стран АЮС, по которым ЕС взял на себя обязательства по финансированию, превышает 3,2 тыс. Средний размер проекта, по которому завершены выплаты, составляет менее 2,8 млн евро. Крупнейший проект ЕС – финансирование в размере 300 млн евро немецким государственным банком развития (KfW) программы энергетической компании ESKOM по интеграции ВИЭ в энергетические сети и совершенствованию систем электропередачи. Следовательно, ЕС отдает приоритет реализации проектов небольшого размера и не готов единолично финансировать масштабные проекты.

Ключевыми донорами выступают Европейская Комиссия (22% финансирования), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ – 11%), и ведущие экономики – Франция (24%), Германия (17%). Следует отметить сохранившиеся тесные связи между многими бывшими колониями и метрополиями. По размерам финансирования лидируют крупные экономики АЮС – ЮАР, Кения, Танзания и Нигерия, на которые суммарно приходится около 40% выделяемых средств. Примечательно, что на Анголу, также крупную экономику АЮС, но с «неблагоприятным политическим и инвестиционным климатом», ЕС за весь период выделил менее 3 млн евро, что соответствует позиции других западных доноров.

В секторальном разрезе приоритет отдается финансированию проектов в области ВИЭ (39%) и передачи и распределения электроэнергии (36%). В ноябре 2019 г. сообщалось о намерении ЕИБ к концу 2021 г. прекратить финансирование проектов электрогенерации, работающие на ископаемом топливе³⁰.

Можно считать, что политика ЕС по развитию электроэнергетики стран Африки как важный элемент внешнеэкономической политики направлена в первую очередь на общую стабилизацию политического и экономического положения стран Африки с целью снижения миграционных рисков.

³⁰ European Investment Bank Drops Fossil Fuel Funding // BBC News, 14.11.2019. Mode of access: <https://www.bbc.com/news/business-50427873>

В рамках политики ЕС транслируются характерная для последних лет внеэкономическая ориентация на ВИЭ. Проекты ЕС преимущественно направлены на повышение качества жизни населения стран Африки и лишь отчасти способствуют решению проблемы энергообеспечения индустриализации за счет развития электросетевой инфраструктуры. Стратегия ЕС преимущественно ориентирована на реализацию проектов среднего и малого размера, широко используется механизм совместного финансирования. Реализуемые ЕС проекты по развитию ВИЭ, за исключением геотермальных электростанций, принципиально не могут быть основой стабильной и надежной энергогенерации, поскольку требуют наличия в составе энергосистем стран Африки значительных резервных генерирующих мощностей.

Всемирный банк

Международные финансовые институты неохотно сотрудничают со странами с высокими рисками, к которым можно отнести большинство стран АЮС, и обуславливают предоставление средств трудновыполнимыми макроэкономическими, политическими и экологическими требованиями. Например, Всемирный банк фактически отказался от финансирования строительства крупных ГЭС из-за возможных последствий социального и экологического характера.

В состав Всемирного банка входит Международная ассоциация развития (МАР), предоставляющая странам с низким уровнем дохода гранты, кредиты с нулевой и низкой процентной ставкой. Учитывая уровень экономического развития стран АЮС, подавляющее большинство из них могут претендовать на займствования на наиболее выгодных условиях, однако таким странам, как ЮАР, Ботсване, Габону и Намибии, доступно только финансирование от МБРР с менее выгодными условиями или от альтернативных источников.

В последние десятилетия XX в. стали открыто высказываться сомнения в возможности дальнейшего устойчивого развития энергетического сектора исключительно в рамках государственных вертикально-

интегрированных структур. Основываясь на положительном опыте реформ энергетического сектора в Чили и Великобритании, Всемирный банк и другие международные финансовые институты с 1990-х гг. начали продвигать подобные реформы и в развивающихся странах. Реформы включали четыре ключевых элемента: 1) создание автономных регулирующих органов; 2) реструктуризация сектора с целью ликвидации государственной монополии на производство, передачу и распределение электроэнергии за счет «горизонтального» и «вертикального» разделения функций; 3) создание условий для участия частного сектора с целью повышения эффективности деятельности и привлечения инвестиций; 4) создание конкурентного рынка, как минимум между производителями электроэнергии. Попытки либерализовать энергетический сектор были предприняты во многих странах АЮС. Однако различия в мотивации, общем уровне экономического развития, энергетического сектора и институциональных структур у развитых и развивающихся стран привели к тому, что достигнутые результаты во многих развивающихся странах, включая страны АЮС, были далеки от желаемых³¹.

В 2015 г. Всемирный банк выдвинул инициативу «Scaling Solar», которая предусматривает предоставление комплекса услуг по техническому содействию, страхованию, предоставлению гарантий и мобилизации финансирования с целью привлечения частных инвестиций в разработку солнечной энергии. Система конкурсного отбора нацелена на обеспечение наиболее низкого тарифа на электроэнергию. На сегодняшний день в рамках инициативы «Scaling Solar» поддерживается разработка более 800 МВт солнечной энергии в Замбии, Сенегале, Эфиопии, Мадагаскаре, Того и Кот-д'Ивуаре.

С 1988 г. группа Всемирного Банка взяла на себя обязательства в размере почти 30 млрд долл. по финансированию 388 проектов в странах АЮС, частично либо полно-

³¹ Mahmud, I.; Jamasb, T.; Llorca, M. Sector Reforms and Institutional Corruption: Evidence from Electricity Industry in Sub-Saharan Africa // *Energy Policy*, 2019, Vol. 129, pp. 532-545.

стью связанных со сферой электроэнергетики. На проекты в интересах нескольких стран приходится 19% всех финансовых обязательств, их масштабная реализация начинается с конца 2000-х. Проекты отмечаются практически во всех странах АЮС, за исключением Чада, Джибути, Экваториальной Гвинея, Намибии и Судана. Средний размер рассматриваемых проектов составил 76 млн долл. Крупнейший проект – финансирование инвестиционной программы компании ESKOM в размере 3,75 млрд долл. в 2010 г. Всего отмечается 12 масштабных проектов с объемом финансирования более 300 млн долл. каждый. Исходя из сроков утверждения проектов, можно отметить устойчивый рост объемов финансирования до последнего времени (См. График 3). С течением времени акцент смещался с проведения реформ электроэнергетического сектора и общей стабилизации экономики на обеспечение доступа к электроэнергии, особенно в сельских районах, и использовании ВИЭ. Всемирный банк широко использует совместное финансирование с другими западными донорами.

График 3.

Финансовые обязательства Всемирного банка в сфере электроэнергетики в странах АЮС в 1988-2019 гг.

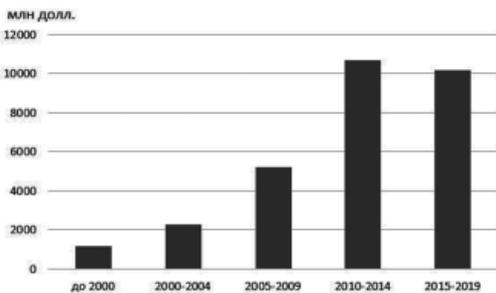

Chart 3. World Bank financial commitments in the electricity sector in SSA countries in 1988-2019
 Источник: составлено автором по материалам Всемирного банка. <https://projects.worldbank.org>

Согласно последним представленным на сайте Всемирного банка данным, с 13 июля 2000 г. по 7 апреля 2020 г. было в общей сложности заключено 2043 закупочных контракта по реализации проектов в сфере электроэнергетики стран АЮС на сумму более 7,9 млрд долл. (См. График 4)

Группируя исполнителей контрактов по месту регистрации компаний (главных подрядчиков, при наличии нескольких), можно отметить лидирующие позиции исполнителей из самих стран АЮС, а также ЕС и «чемпионов инфраструктурного строительства» Китая и Индии. Однако, нельзя исключать тот факт, что определенная часть компаний, зарегистрированных в АЮС, могут являться дочерними предприятиями иностранных компаний.

График 4.

Подрядчики проектов Всемирного Банка в сфере электроэнергетики стран АЮС в 2000-2020 гг.

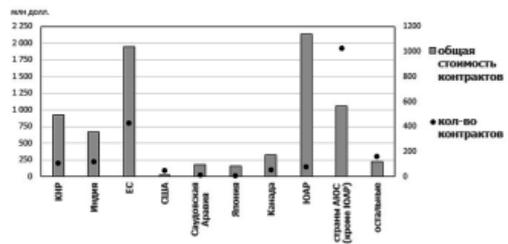

Chart 4. World Bank Electricity Contractors for SSA Countries 2000-2020

Источник: составлено автором по материалам Всемирного банка. <https://projects.worldbank.org>

Можно констатировать, что стратегия группы Всемирного банка на энергетическом рынке стран АЮС определяется крупными западными странами и в целом направлена на продвижение их стратегических интересов в рамках неолиберальной экономической парадигмы.

Африканский банк развития

Африканский банк развития (АБР) – региональный многосторонний институт развития, нацеленный на стимулирование устойчивого экономического развития и снижения уровня бедности в странах Африки. Необходимые ресурсы для предоставления коммерческих кредитов привлекаются за счет выпуска облигаций, преимущественно на международных рынках капитала, тогда как для финансирования на льготных условиях – прежде всего за счет взносов стран-доноров. Членами АБР являются 54 африканских стран (региональные члены – 58,8% акций) и 26 неафриканских стран (нерегио-

нальные члены – 41,2% акций). Среди не-региональных членов ключевые позиции занимают страны ОЭСР (США, Япония, Германия, Канада, Франция и пр.), тогда как участие других государств (Китай, Кувейт, Бразилия, Индия и пр.) в капитале АБР значительно ниже. Поскольку закупка товаров и услуг в финансируемых АБР проектах ограничена исключительно поставщиками и подрядчиками из государств-членов, то даже минимальное участие внешних доноров в акционерном капитале банка открывает большие перспективы заинтересованным компаниям. Вместе с тем, доминирующее положение стран ОЭСР позволяет им оказывать значительное влияние на политику банка.

В настоящее время АБР реализует десятилетнюю стратегию на 2013-2022 гг., направленную на достижение инклюзивного роста и содействия в постепенном переходе к зеленому росту стран Африки. В рамках стратегии была принята новая политика по развитию энергетического сектора, нацеленная на содействие странам Африки в обеспечении всех слоев населения и производственных секторов доступом к современной, доступной и надежной энергетической инфраструктуре, а также в развитии энергетического сектора с учетом экономических, социальных и экологических аспектов. В 2016 г. были утверждены пять приоритетных сфер, в том числе инициатива «*New Deal on Energy for Africa – Light Up and Power Africa*» в сфере энергетики, как результат интеграции целей в области устойчивого развития и положений Парижского соглашения по климату в стратегию банка. Это яркий пример инклюзивного партнерства II типа, нацеленное на объединение ресурсов и усилий правительств африканских стран, частного сектора и других доноров. Эта инициатива направлена на обеспечение всеобщего доступа к электроэнергии к 2025 г. за счет введения 162 ГВт новых электрогенерирующих мощностей, обеспечения доступа к электричеству для 130 млн домохозяйств и предприятий путем расширения электросетевой инфраструктуры и 75 млн пользователей – с использованием автономной электрогенерации. В 2016-2020 гг. на

проекты в сфере энергетики АБР планировал выделить 12 млрд долл., с расчетом привлечения до 50 млрд долл. дополнительного финансирования³².

Кроме инициативы «*Light Up and Power Africa*», реализуемой в масштабах всего африканского континента, АБР развивает также региональные инициативы. Например, в 2018 г. при поддержке Зеленого климатического фонда и Инфраструктурного фонда «Африка-50» запущена инициатива «*Desert to Power*» по развитию солнечной энергии в 11 странах региона Сахель. Она нацелена на введение объектов солнечной генерации мощностью 10 ГВт к 2025 г., что позволит обеспечить доступ к экологически чистой электроэнергии для 250 млн человек.

АБР широко применяет механизм финансирования проектов с западными институтами и организациями в рамках как своих, так и партнерских инициатив, что позволяет снижать риски отдельных участников и интегрировать их ресурсы и компетенции. Можно отметить такие программы, как инициатива ООН «Устойчивая энергетика для всех» (SE4ALL), инициатива США «*Power Africa*», «Программа инфраструктурного развития в Африке» (*PIDA*) Африканского Союза, НЕПАД и АБР и пр. Вместе с тем, согласование различных интересов сторон, используемых механизмов и процедур может обернуться значительными задержками в реализации проекта.

С учетом сложных и длительных бюрократических процедур на начальной стадии реализации проекта, ограничений по размеру финансирования и степени риска отдельных проектов в рамках АБР, некоторые страны делают выбор в пользу альтернативных источников финансирования, таких как выпуск частных облигационных займов или китайских кредитов³³.

³² Light up and Power Africa / African Development Bank Group, 05.07.2019. Mode of access: https://www.afdb.org/sites/default/files/2019/07/05/high_5_light_up_africa.pdf

³³ Humphrey, C. The African Development Bank: Ready to Face the Challenges of a Changing Africa? / EBA, report 2014 (4). Pp. 31-32. Mode of access: <https://www.oecd.org/derec/sweden/The-African-Development-Bank.pdf>

В середине 1990-х гг. АБР находился на грани банкротства по причине накопленных «плохих» долгов и неэффективного управления. В результате рейтинг банка был понижен рядом международных рейтинговых агентств, что ограничило возможность АБР привлекать льготное финансирование на международных рынках капитала. В 2003 г. АБР снова смог вернуть наивысший рейтинг «AAA», проведя структурные реформы. «Потерянное десятилетие» сказалось и на размерах кредитования энергетических проектов. Впоследствии удалось значительно нарастить объем финансирования, впрочем, за последние пять лет он снова пошел на спад (См. График 5).

В разные периоды наблюдается колебание выделяемого финансирования в региональном разрезе, но в отличие от Всемирного банка Северная Африка так или иначе относится к приоритетным направлениям АБР. За исключением нескольких крупных кредитов Египту (на амбициозную программу развития ВИЭ) и ЮАР (кредит в размере 1,86 млрд евро на закупку оборудования для возводимой ТЭС *Medupi*), а также финансирования проведения реформы энергетического сектора в Анголе, все остальные проекты относятся к проектам среднего и мелкого масштаба. За последнее десятилетие наблюдается возрастание доли региональных проектов, реализуемых в интересах нескольких стран. В 2015-2019 гг. объем выделяемых на их реализацию средств вырос при сокращении общих объемов финансирования. В целом, их доля составила 12% от финансовых обязательств банка за все время. Подавляющее большинство проектов нацелены на интеграцию электросетей соседних государств, например, проекты объединения энергосистем Кении и Танзании, Кении и Эфиопии. Остальные проекты связаны с финансированием различных этапов строительства (и восстановления) электростанций регионального значения: ГЭС Nangbeto (Того, Бенин), ГЭС Ruzizi II (Рунда, ДР Конго), ГЭС Kariba (Замбия, Зимбабве) и др.

График 5.

Финансовые обязательства АБР в сфере электроэнергетики в региональном разрезе в 1970-2019 гг.

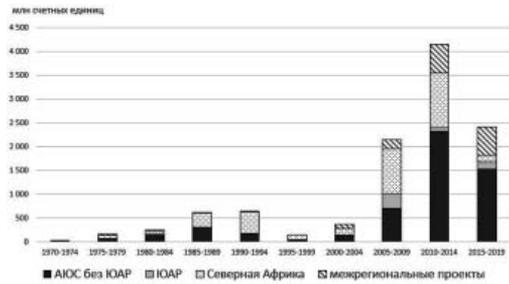

Chart 5. ADB's financial commitments in the electricity sector, by region, 1970-2019

Источник: составлено автором по материалам АБР <https://www.afdb.org/>

Поскольку существенная часть финансовых ресурсов группы АБР привлекается с контролируемых западными странами финансовых рынков или предоставляется непосредственно странами-участниками группы, проводимая группой АБР стратегия развития электроэнергетики стран Африки, как и в случае Всемирного банка, лежит в рамках экономической парадигмы неолитерализма, но в более смягченной форме.

Россия

Во второй половине XX в. СССР принимал активное участие в развитии электроэнергетики стран АЮС. Среди реализованных проектов можно назвать строительство дизельной электростанции в Нзерекоре (Гвинея), ГЭС «Малка Вакана» (Эфиопия), ГЭС «Капанда» (Ангола), возведение последней было окончено уже российской компанией «Технопромэкспорт» в 2007 г.³⁴ В целом с советской помощью было сооружено около 30 объектов энергоснабжения в Африке суммарной мощностью 2,9 ГВт³⁵. После

³⁴ Kochetkova, E., et al. Soviet Technological Projects and Technological Aid in Africa and Cuba, 1960s-1980s / *Higher School of Economics Research Paper*. No. WP BRP 143/HUM/2017, 2017.

³⁵ Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Доклад [Экономическое и техническое сотрудничество СССР со странами Африки. Доклад] // ТАСС, 25.04.2016. Mode of access: <https://tass.ru/info/3237652>

распада СССР присутствие России в сфере электроэнергетики стран АЮС носило минимальный характер.

На современном этапе амбиции России в качестве глобального игрока на внешних энергетических рынках преимущественно лежат в сфере атомной энергетики. Планируемое строительство АЭС «Эль Дабаа» в Египте может стать катализатором расширения присутствия России в энергетическом секторе Африки в долгосрочной перспективе. Однако в АЮС в связи с существующими рисками террористических нападений и политических конфликтов, отсутствием консенсуса в применении атомной энергии среди местных политических элит, требуемым колоссальным объемом инвестиций, поэтапности и продолжительности процесса до перехода к стадии коммерческого использования атомной энергии, перспективы участия России в реализации крупных проектах в сфере атомной энергетики в среднесрочной перспективе представляются ограниченными.

В то же время перспективная сфера сотрудничества – реализация проектов, связанных с построением крупных трансграничных энергосетей и диспетчеризацией потоков электроэнергии. В таких проектах российские компании могли бы использовать уникальный опыт построения и развития Единой энергосистемы СССР, а впоследствии и ЕЭС России.

Выводы

После окончания холодной войны и развала советского блока Африка резко утратила свое значение как направление внешней политики и стратегических интересов стран Запада. В принятых в начале XXI века программах и инициативах стали преобладать мотивы содействия развитию стран АЮС с целью снижения рисков возникновения глобальных проблем и угроз в сфере безопасности, здравоохранения и экологии, которые могут привести к негативным последствиям мирового масштаба. Другим мотивом стало обеспечение благоприятной инвестиционной и правовой среды для национального бизнеса, коммерческие интересы которого стали

играть все большую роль при формировании внешнеполитической стратегии. Африканская политика Китая привела к впечатляющему увеличению присутствия в Африке, в том числе в сфере электроэнергетики. К ключевым факторам успеха Китая можно отнести комплексный характер и масштаб финансовой и дипломатической поддержки «выходу вовне» китайского бизнеса, наличие дополнительных стимулов к поиску новых рынков сбыта товаров и услуг по причине жесткой конкуренции и перепроизводства на внутреннем рынке, сочетание приобретенных компетенций и ценовых конкурентных преимуществ, активная прагматическая политика Китая по налаживанию торгово-экономического сотрудничества со всеми странами Африки, а также наличие долгосрочных экономических и геополитических интересов в регионе, для проведения которых требуется развитие базовой инфраструктуры.

Несмотря на принятие в рамках ООН амбициозной цели в области энергетики (*SDG 7*) в 2015 г., выдвижение и реализацию многочисленных инициатив по развитию электроэнергетики в странах АЮС, объем финансирования традиционных западных доноров не только не был увеличен за последние пять лет, а наоборот, сократился.

Сектор электроэнергетики стран АЮС является показательным примером конкуренции внешнеэкономических и внешнеполитических стратегий внешних игроков. Можно выделить две условные, концептуально различающиеся модели: в рамках первой страны АЮС рассматриваются как субъекты экономического сотрудничества и «равноправного партнерства», а в рамках второй модели – скорее как объекты экономического и политического влияния в схеме «донор – реципиент».

Политика Китая и потенциально России скорее относятся к первому типу стратегии. Двустороннее сотрудничество выстраивается с учетом взаимных интересов, и, что является крайне важным для стран АЮС, учитывает их коренные интересы как в проведении индустриализации, развития промышленности и сельского хозяйства, так и повышения качества жизни населения. Экономическая парадигма акторов, лежа-

щая в основе такой стратегии, предполагает активную роль находящихся под контролем государства концернов и финансовых институтов в двустороннем взаимодействии, благодаря чему возможна реализация масштабных проектов с долгим сроком окупаемости. В рамках этой стратегии возможно содействие комплексному развитию энергетического сектора стран АЮС, где будут оптимально сочетаться энергетические мощности, основанные на различных источниках энергии (АЭС, ГЭС, угольные ТЭС, газовые ТЭС, ВИЭ), и сетевая инфраструктура для обеспечения энергетических потребностей промышленности и населения.

Политика традиционных западных доноров ближе ко второму типу стратегии. В ее рамках делается упор на обеспечение всеобщего доступа к электроэнергии и сопутствующим целям в виде повышения финансовой устойчивости энергетического сектора и выполнения экологических требований, тогда как интересы стран АЮС в проведении индустриализации, развития промышленности и сельского хозяйства явным образом не артикулированы. Можно высказать предположение, что развитие промышленности высоких переделов в странах АЮС, остающаяся в распоряжении национального капитала, не отвечает или даже противоречит интересам западных акторов. В рамках данной стратегии практикуется экономическое и внеэкономическое давление на страны АЮС к соблюдению принятых в странах Запада стандартов и подходов, гипертрофированное развитие сектора ВИЭ в энергетике, отказ от финансирования крупных и особенно сверхкрупных энергетических проектов, снижение роли государства в энергетическом секторе, разукрупнение. Данные приоритеты сотрудничества в условиях общей экономической неразвитости стран АЮС сужают поле возможных энергетических проектов и, зачастую, всю конкурентоспособность энергетического сектора. В целом можно констатировать, что стратегия в большей степени ориентирована на решение задачи повышения качества жизни стран АЮС путем расширения доступа населения к электричеству.

Важнейшим условием, определяющим пути развития стран АЮС, является полноценное осознание ими своей субъектности. Результатом этого станет формулирование национальных долгосрочных коренных интересов, на основе которых будут выработаны комплексные стратегии, основанные на имеющихся в наличии ресурсах. Располагая всем вышеперечисленным становится возможным полноценно отстаивать национальные интересы в рамках взаимодействия с глобальными акторами.

Литература:

Дейч Т.Л. Африка в внешнеполитической стратегии Китая: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.15 / Дейч Татьяна Лазаревна; науч. рук. В.Г. Шубин; Институт Африки РАН, Москва, 2013. 434 с.

Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая // М.: Институт Африки РАН, 2008.

Соловьева Т.М. Исторический опыт международного сотрудничества Китайской Народной Республики и стран Африки: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Соловьева Татьяна Михайловна; науч. рук. Л.В. Пономаренко; РУДН, Москва, 2009.

Урнов А.Ю. Новая африканская стратегия администрации Д. Трампа // *Азия и Африка сегодня*, 2019, № 5, с. 6-13.

Brautigam, D.; Hwang J. Eastern Promises: New Data on Chinese Loans in Africa, 2000-2014 // *CARI Working Paper*, 2016, Vol. 32 (4).

Copper, J. China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan. Vol. III, 2016.

Humphrey, C. The African Development Bank: ready to face the challenges of a changing Africa? / EBA, report 2014 (4).

Mahmud, I.; Jamasb, T.; Llorca, M. Sector Reforms and Institutional Corruption: Evidence from Electricity Industry in Sub-Saharan Africa // *Energy Policy*, 2019, Vol. 129, pp. 532-545.

Najam A., Cleveland C. Energy and Sustainable Development at Global Environmental Summits: An Evolving Agenda // *Environment, Development and Sustainability*, Vol. 5 (1), 2003.

Shen, W.; Power, M. Africa and the Export of China's Clean Energy Revolution // *Third World Quarterly*, 2017, Vol. 38 (3).

Tagliapietra, S.; Bazilian, M. The Role of International Institutions in Fostering Sub-Saharan Africa's Electrification. New York: Columbia: Centre on Global Energy Policy, 2017. Mode of access: <https://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/Sub-SaharanAfricaelectrification0917FINAL.pdf>

Van de Walle, N. US policy towards Africa: The Bush Legacy and the Obama Administration // *African Affairs*, 2009, Vol. 109 (434).

References:

Brautigam, D.; Hwang J. Eastern Promises: New Data on Chinese Loans in Africa, 2000-2014 // *CARI Working Paper*, 2016, Vol. 32 (4).

Copper, J. China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan. Vol. III, 2016.

Deich, T.L. Africa in China's strategy. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2008.

Deich, T.L. Afrika v vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya (Africa in China's Foreign Policy Strategy): dis. ...doct. of ist. Institute for African studies RAS. Moscow, 2013. 434 p.

Humphrey, C. The African Development Bank: ready to face the challenges of a changing Africa? / EBA, report 2014 (4).

Mahmud, I.; Jamasb, T.; Llorca, M. Sector Reforms and Institutional Corruption: Evidence from Electricity Industry in Sub-Saharan Africa // *Energy Policy*, 2019, Vol. 129, pp. 532-545.

Najam A., Cleveland C. Energy and Sustainable Development at Global Environmental Summits: An Evolving Agenda // *Environment, Development and Sustainability*, Vol. 5 (1), 2003.

Shen, W.; Power, M. Africa and the Export of China's Clean Energy Revolution // *Third World Quarterly*, 2017, Vol. 38 (3).

Solovyeva, T.M. Istoricheskij opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva Kitajskoj Narodnoj Respubliki i stran Afriki (The Historical Experience of the International Cooperation between PRC and African Countries): dis. ... kand. of ist. RUDN, Moscow, 2009.

Tagliapietra, S.; Bazilian, M. The Role of International Institutions in Fostering Sub-Saharan Africa's Electrification. New York: Columbia: Centre on Global Energy Policy, 2017. Mode of access: <https://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/Sub-SaharanAfricaelectrification0917FINAL.pdf>

Urnov, A. Novaya afrikanskaya strategiya administracii D. Trampa (D. Trump Administration's New African Strategy) // *Aziya i Afrika segodnya*, 2019, No. 5, pp. 6-13.

Van de Walle, N. US Policy towards Africa: The Bush Legacy and the Obama Administration // *African Affairs*, 2009, Vol. 109 (434).

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005

COMPARISON OF MAJOR EXTERNAL ACTORS' STRATEGIES FOR THE POWER SECTOR DEVELOPMENT IN SUB-SAHARAN AFRICA

Karina A. Gemueva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 02.05.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: In order to promote industrialization and improve the living standards of the population in the Sub-Saharan countries, large-scale investments in power infrastructure development are required. Two key and two secondary long-term objectives for the energy sector development can be distinguished. The first ones are to enable industrial development and to increase its competitiveness, as well as to promote socio-economic development by ensuring universal access to electricity and uninterrupted supply. The latter two are to increase financial sustainability of the energy sector and to meet environmental requirements. Due to lack of financial resources, necessary technologies and professional staff in the Sub-Saharan countries, external players play a crucial role in the power sector development. These external actors include traditional donors such as the World Bank, the EU, the US and the African Development Bank, and new players like China.</p> <p>The purpose of this study is to compare the strategies of key external players in the power sector of the Sub-Saharan countries. The analysis of strategies is carried out at the level of the conceptual framework of the foreign policies toward Africa in general and the power sector development strategies in particular, and at the level of their actual implementation by studying the methods used, priority areas, scale and features of projects. Based on the review, the author provides an assessment of whether the strategies of major external actors for the power sector development serve the vital interests of the Sub-Saharan countries. In conclusion, the author identifies two types of tentative conceptually distinct models, i.e. "equal partnership" and "donor – recipient" strategies.</p> <p><i>The study was carried out with the grant of the Russian Science Foundation No. 17-78-20216 "Aggravation of competition between Russian and Chinese companies on the African continent: prerequisites, current state and prospects"</i></p>
<p>About the author: Junior Researcher, IMEMO e-mail: krina07@mail.ru</p>	
<p>Key words: energy policy; China; power sector; USA; EU; energy infrastructure; Africa; SSA countries; World Bank; African Development Bank</p>	

Для цитирования: Гемуева К.А. Сравнение стратегий крупных внешних игроков в развитии электроэнергетики в Африке южнее Сахары // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 49-68.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005

For citation: Gemueva, Karina A. Sravneniye strategiy krupnykh vneshnikh igrokov v razvitii elektroenergetiki v Afrike yuzhneye Sakhary (Comparison of Major External Actors' Strategies for the Power Sector Development in Sub-Saharan Africa) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 49-68.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ СТРАТЕГИЙ СОЮЗНИЧЕСТВА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Максим Александрович Сучков

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Мария Сергеевна Ходынская-Голенищева

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 апреля 2018 <i>Отправлена на редактирование:</i> 13 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 августа 2020</p>	<p>Аннотация: Современная история Ближнего Востока насчитывает как минимум четыре периода активного становления межгосударственных союзов – три из них под патронажем США. Возвращение России на Ближний Восток способствовало формированию новых союзных структур и коалиций. В отличие от американской «философии союзничества», в основании которой лежали императивы наращивания комплексного военно-политического присутствия и недопущение советской, а затем иранской, экспансии, российская модель ориентирована на тех игроков, взаимодействие с которыми способно решить текущий или потенциальный кризис в конкретный временной период. Вкупе с последовательной и прагматичной внешнеполитической линией, именно нетривиальные стратегии выстраивания гибких «альянсов» с местными игроками позволили Москве закрепить за собой статус одного из ведущих игроков в турбулентном регионе и заявить себя в качестве ответственной глобальной державы. Вместе с тем, сравнительный анализ российской кампании в Сирии и отношений с основными государствами региона позволяет говорить о наличии в политике России на Ближнем Востоке элементов как минимум трех стратегий построения союзов.</p> <p><i>Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Типология современных военно-политических союзов и модели отношений России с союзниками», проект №17-78-20170)</i></p>
<p>Об авторах: <i>Сучков М.А.</i>, к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем; старший научный сотрудник, Лаборатория анализа международных процессов, МГИМО МИД России e-mail: max-suchkov@yandex.ru <i>Ходынская-Голенищева М.С.</i>, д.и.н., профессор кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; старший советник, Департамент внешнеполитического планирования, МИД России e-mail: khodynskaya_m@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Россия; Ближний Восток; безопасность; союзы; стратегия; Сирия; Турция; Иран; США</p>	

Современная теория международных отношений понимает союзы (*alliances*) как институт «формальной или неформальной приверженности сотрудничеству в области безопасности между двумя или более государствами»¹. Данная дефиниция позволяет использовать сразу несколько критери-

ев для выделения различных форм союзов, а также обстоятельств, при которых союзы формируются: военные (оборонительные и наступательные), политические (симметричные и асимметричные), стратегические и пр. В свою очередь, эти союзы варьируются по характеру ценностно-идеологического наполнения, ориентации на безопасность и степени институционализации.

¹ Walt, S. Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

В последние годы интерес к исследованию природы и характера союзов среди исследователей-международников возрос. Это объяснимо: союзы являются неотъемлемым элементом искусства государственного управления и выстраивания внешней политики страны². Понимание тенденций формирования союзов, их трансформаций в эпоху «де-вестернизации» международных отношений³, как минимум, важно для адекватного позиционирования себя в этой новой системе, максимум – для занятия в ней выгодного положения.

Для России, которая стала одним из главных участников процесса по демонтажу однополярного мира, вопросы «с кем заключать союзы», «на какой срок» и «на каких принципах» носят стратегический характер.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в последние несколько лет ближневосточный трек стал весьма успешным направлением российской внешней политики. Особенно четко это проявилось во внешнеполитическом курсе Москвы в отношении Сирийской Арабской Республики (САР).

Анализируя российскую политику в Сирии, большинство западных и ближневосточных исследований зачастую рассуждают о наличии или отсутствии у Москвы долгосрочной стратегии в регионе⁴. Не в по-

следнюю очередь этот вопрос – производная изначальной уверенности у большей части западного политико-экспертного сообщества в неминуемом провале российской операции в Сирии. Тем не менее, проведение последовательной и прагматичной линии в контакте со всеми вовлеченными сторонами позволило России закрепить за собой статус одного из ведущих игроков на региональной и международной площадках, в рамках которых предпринимались попытки урегулирования конфликта в Сирии. Именно нетривиальные стратегии выстраивания гибких «альянсов» с местными игроками представляются ключевой составляющей российской политики в регионе.

Союзы на Ближнем Востоке в новейшее время: сравнительный анализ эволюции доктрин

Современная история Ближнего Востока богата на разнообразные варианты межгосударственных союзов. Начиная с первой половины XX века и до сегодняшних дней, исследователи выделяют четыре периода, когда на Ближнем Востоке закладывались системы союзов, оказавшие значительное влияние на региональную архитектуру⁵.

В период 1920-1948 гг. движущей силой к созданию союзов были интересы колониальных европейских держав, которые отчасти ассимилировались с амбициями некоторых региональных элит. Так, Великобритания фактически стремилась сохранить не прямое управление на Ближнем Востоке через содействие становлению монархий в Ираке, Эмирате Трансиордании и, в последующем, в Саудовской Аравии. Попытки таким образом сохранить свою роль в регионе в период упадка Британской империи позднее стали именоваться «союзом на удержание статус-кво» (status quo alliance)⁶.

strategy-or-opportunism-22736; Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.

⁵ Hussain, N.; Amna, J. Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.

⁶ См. подробно: Middleton, J. *World Monarchies and Dynasties*. London: Routledge, 2013. 201 p.

² Dwivedi, S. Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.

³ См.: Воскресенский А.Д. Трансформация мирового порядка в условиях «постзападной» международной реальности // *Academic Journal of Russian Studies*. 2018. № 6 (48). С. 136-149. [Voskressenski, A.D. Transformatsiia mirovogo poriadka v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transformation of the World Order in the "Post-Western" International Reality) // *Academic Journal of Russian Studies*, 2018, No. 6 (48), pp. 136-149.]

⁴ Wasser, B. The Limits of Russian Strategy in the Middle East // RAND Corporation, 2019. 27 p.; The Role of Russia in the Middle East and North Africa Region. Strategy or Opportunism? / ISPI-EuroMeSCo Policy Study / Ed. by Valerie Talbot, Chiara Lovotti. 03.04.2019. Mode of access: [https://www.ispionline.it/it/publicazione/role-russia-middle-east-and-north-africa-region-](https://www.ispionline.it/it/publicazione/role-russia-middle-east-and-north-africa-region)

Второй период – самый продолжительный по времени (1947 – 1990 гг.) – ознаменовался замещением доминирующих внешних держав в регионе. На смену Британии и Франции пришли США и СССР, что задавало формированию региональных союзов иной характер и динамику. При этом, на протяжении всего периода разные американские администрации подходили к выстраиванию союзов неодинаково. «Доктрина Трумэна» (1947 г.), в частности, формулировала «принципы сдерживания» Советского Союза: важным региональным союзником Вашингтона в противостоянии с Москвой становилась Анкара. В 1950-1960-е гг. лейтмотивом американской политики в регионе было создание военно-политической инфраструктуры сдерживания «советского проникновения», что требовало создания сети военных баз. На этот период приходится наиболее плотная «загрузка» региона американскими разведцентрами, военно-воздушными базами и ракетными системами, направленными на борьбу с Советским Союзом.

К концу 1960-х гг. на смену доктрине Трумэна пришла «доктрина Никсона», в рамках которой оборона союзников признавалась «заботой самих союзников», но США брали на себя центральную роль в формировании оборонных потенциалов союзных государств. Значимым «приобретением» для США после этого кризиса стал Египет, отношения с которым предоставили Америке оперативный доступ к первому военно-логистическому маршруту к сердцу Персидского залива⁷.

До иранской революции 1979 г. американская стратегия «столпов-близнецов» («*twin pillar*» strategy) отводила лидирующую роль в охране Персидского залива от СССР и дружественных Москве режимов в Сирии, Ираке и Южном Йемене таким государствам, как Иран и Саудовская Аравия. Приход к власти Р. Хомейни обрушил «иранский столп» американской стратегии, а вторжение СССР в Афганистан, по мнению

американцев, означало возрастание рисков для союзников США в Персидском заливе. «Доктрина Картера» 1980-х гг. должна была стать ответом на этот вызов – США заявляли готовность применять военную силу для защиты арабских монархий Персидского залива от внешней агрессии.

Наконец, в период президентства Б. Клинтона американская политика на Ближнем Востоке получила название «стратегии двойного сдерживания» (*dual containment strategy*) и ориентировалась преимущественно на противостояние с Ираком и Ираном⁸.

Начало третьего периода (1990-2008 гг.) современной истории союзов на Ближнем Востоке пришлось на пик международного могущества Соединенных Штатов в условиях распада биполярной системы. Операция «Буря в пустыне» января 1991 г., призванная принудить к миру иракского лидера Саддама Хусейна после его вторжения в Кувейт – наивысшая точка американского военного присутствия и влияния на Ближнем Востоке.

Теракты 11 сентября 2001 г. коренным образом изменили систему американского восприятия угроз, исходящих из Ближнего Востока. Купирование вызова со стороны террористических группировок теперь дополнялось комплексной стратегией искоренения самих условий их возникновения. Центральным сюжетом этого этапа стало вторжение США в Ирак в 2003 г., которое оказало влияние на социально-политический ландшафт внутри Соединенных Штатов, а негативные для региона последствия этого вторжения не исчерпаны и по сей день.

Таким образом, вступив в начале третьего периода в войну против С. Хусейна ведущей мировой державой, уже ко второй половине 2000-х гг. – по причине новой иракской кампании – США обнаружили пределы собственной мощи в регионе и столкнулись с необходимостью пересмотра роли и места Ближнего Востока в системе собственных национальных интересов.

⁷ Krepinevich, A.; Watts, B. Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>

⁸ Gause, G. Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // Foreign Affairs. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>

Наконец, четвертый период формирования «больших союзов» в регионе (2008 – наст. время) был сперва связан с пересмотром американского подхода к региону, о котором президент Б. Обамой сказал в каирской речи в июне 2009 г.⁹ Однако военная структура США сохранилась практически без изменений, а сама стратегия «нового начала» (*New Beginning*), по сути, была сочетанием риторики Б. Клинтона и амбиций по трансформации региона Дж. Буша. Вместе с тем, череда восстаний в ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока, получившая название «арабской весны», выявила неготовность администрации Б. Обамы к использованию силы в том виде и объеме, в каком ее использовали его предшественники.

Емко сформулировать «доктрину Обамы» сложнее, чем программные установки его предшественников в силу отсутствия четко артикулированных директив к действию и частого расхождения риторики с практикой политических действий («красные линии» для Б. Асада, вывод войск из Афганистана, «поддержка арабской улицы» и пр.). Эта доктрина предполагала вовлечение Ирана через ядерную сделку и не отвергала применение силы как таковой – но только в ситуации с пониженным риском для американских военнослужащих, оглядкой на возможные результаты подобного применения, акцентом на спецоперации и опору на вооруженные силы союзников.

Однако ключевым итогом этого периода стало возвращение в регион России как нового «балансера» и предложенные Москвой форматы сотрудничества, отличные от американских. «Арабская» весна, усиление в регионе России и война в Сирии ослабили доминировавшую с 1960-х гг. в регионе ось США-арабские монархии Аравийского полуострова-Израиль и способствовали формированию новых союзных и квази-союзных структур.

Россия на Ближнем Востоке: сравнительный анализ «стратегии сухопутной державы» и «стратегии союзничества в борьбе с внутренней угрозой»

Если политика Советского Союза на Ближнем Востоке во многом была детерминирована идеологическим вектором¹⁰, российская линия характеризуется большей гибкостью и прагматичностью. Более того, с началом операции в Сирии Москва намеренно и демонстративно избегает блокового подхода. Политика России подразумевает контакт с теми игроками, взаимодействие с которыми способно решить определенный аспект кризиса в конкретный временной период. Таким образом, теоретическое осмысление российских подходов к союзничеству на Ближнем Востоке возможно в привязке к конкретным странам в отдельный исторический период развития внутреннего вооруженного конфликта в Сирии. Сравнительный анализ российской кампании в САР и последующие вариации этой модели в отношениях с другими государствами региона позволяют говорить о наличии в российской линии по выстраиванию союзничества на Ближнем Востоке элементов как минимум трех стратегий: стратегия сухопутной державы, стратегия «союзничества в борьбе с внутренней угрозой» и сетевой подход.

Некоторые исследователи в качестве теоретической рамки изучения российских принципов в области союзничества предлагают опираться на пространственные категории. Действительно, «морские» и «сухопутные» державы (талассократии и теллулократии) руководствуются отличными факторами при заключении союзов¹¹. При этом, сторонники этого принципа обособляют себя от традиционного геополитического

⁹ President Obama Speech to Muslim World in Cairo. 04.06.2009. Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=B_889oBKkNU

¹⁰ См. подробно: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: «Центрполиграф», 2018. 970 с. [Vasil'ev, A.M. Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke (Russia in the Middle East: From Brezhnev to Putin). Moscow: Centerpoligraph, 2018. 970 p.]

¹¹ Levy, S.; Thompson, R. Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.

подхода – к слову, еще одной «школы заключения союзов». Во-первых, они указывают на то, что географическое положение рассматривается не как центральная характеристика государства, но одна из переменных. Во-вторых, оговаривают, что обращение к терминологии континентальных и морских держав акцентирует не их противопоставление друг другу в качестве политических антагонистов, а сравнение «возможностей и ограничений, с которыми они сталкиваются исходя из их пространственного статуса»¹².

Исследователи, работающие в этой парадигме, справедливо отмечают, что следствием пространственного расположения России выступает потребность «в политико-стратегическом прикрытии максимального числа направлений, откуда могут исходить угрозы национальной безопасности»¹³. С этой точки зрения, наращивание дипломатических и военных усилий на южном стратегическом направлении, в том числе по выстраиванию союзно-дружеских отношений с ключевыми игроками ближневосточного региона, полностью соответствует стратегии России как сухопутной державы.

Вместе с тем, поскольку большинство формальных и неформальных союзов России сконцентрированы у её границ, выход далеко за пределы постсоветского пространства, к Ближнему Востоку, может восприниматься как отступление от этого принципа. В реальности же, после распада биполярной системы географический массив от Балкан, Черноморско-Каспийского бассейна, т.н. «Большого Ближнего Востока», Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае воспринималось специалистами как единое пространство безопасности¹⁴, а в американской терминологии

именовалось «дугой нестабильности»¹⁵. Таким образом, Ближний Восток, особенно с начала 2010-х гг., с его процессами дефрагментации государственности и волнами насилия и терроризма, с точки зрения безопасности выглядел как продолжение (extension) единого пространства угроз для южных границ России.

Одновременно, региональная турбулентность на Ближнем Востоке вкупе с кризисом американской стратегии регионального присутствия формировали запрос на присутствие сильного внешнего игрока. Арабская весна 2010-2011 гг. высвободила большое число угроз государственности и безопасности для многих стран Ближнего Востока. Большинство этих государств были не в состоянии справиться с ними самостоятельно, особенно в ситуации внешней интервенции и подрывной деятельности третьих стран. Одним пришлось изыскивать внутренние военно-политические ресурсы, чтобы, в конечном итоге, вернуться к еще более жесткой форме авторитаризма (Египет). Другие погрузились во внутри-гражданские конфликты, а по сути, стали полигоном для соперничества региональных и нерегиональных игроков (Ливия, Йемен).

Сирия, которая также стояла перед реальной угрозой распада как государство, обратилась за военной помощью к России. Отношения между двумя странами имеют давние исторические традиции с 1970-х гг., но движение к современному состоянию началось с середины 2000-х гг. В 2005 г. на встрече в Москве Президентов Башара Асада и Владимира Путина, Москва списала большую часть государственного долга Сирии – \$9,8 млрд из \$13,4 – в обмен на заключение контрактов на поставку оружия в САР и договора с сирийским правительством о развертывании в стране пунктов материального обеспечения для военно-морского флота России в портовых городах

Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997, 512 p.

¹⁵ Rothkopf, D. The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>

¹² Истомин И.А.; Сушенцов А.А.; Силаев Н.Ю. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 4. С. 42-62. [Istomin, I.A.; Sushentsov, A.A.; Silaev, N.IU. Strategii soiuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav (Alliance Strategies of Continental and Naval Powers) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2018, Vol.16, No. 4, pp. 42-62.]

¹³ Ibid. С. 56.

¹⁴ См. подробно: Harkavy, R.; Kemp, G. *Strategic Geography and the Changing Middle East*.

Тартусе и Латакии. В период с 2003-2010 гг. объемы российско-сирийских соглашений на поставку вооружений выросли на 120% с \$2,1 млрд (2003-2006) до \$4,7 млрд (2007-2010). Именно в этот период закладывается базис того, что с осени 2015 г. некоторые исследователи стали именовать «союзом на подавление внутренней угрозы» (*internal threat alliance*)¹⁶. Это важное обстоятельство, поскольку, с точки зрения теории международных отношений, позволяет характеризовать российский-сирийские отношения именно как «союз» – то, что формируется [сначала] в мирное время, а не как «коалицию» – формацию, которая образуется уже в ходе войны¹⁷.

“Союз на подавление внутренней угрозы” действительно базируется на запросе более слабого государства к более сильному (великой державе). Цель руководства первого – сохранить власть перед лицом угрозы, второго – защитить свои интересы в этой стране и регионе через стабилизацию правящего режима. Аналогичным образом оппозиционные сирийскому правительству группировки обратились за помощью к внешним спонсорам. Многие получили эту помощь как раз потому, что собственные региональные интересы эти внешние страны связывали со смещением Асада и приходом к власти оппозиционных сил, для которых «внутренней угрозой» было как раз руководство САР. Таким образом, сравнительный анализ союзов позволяет определить данный тип союзов в качестве варианта «внешнего балансирования» (*external balancing*) – одной из двух стратегий в рамках неореалистической теории баланса угроз, предложенной Стивенем Уолтом¹⁸.

Для России союз с Сирией «на подавление внутренней угрозы» решал геополитические, экономические и военно-стратегические вопросы не только в этой стране и даже не

только в восточной части Средиземноморья. Речь, кроме прочего, шла о новом более весомом позиционировании Москвы в международных отношениях. На практике это могло быть достигнуто в том числе за счет решительного отстаивания интересов с опорой на военно-политический инструментарий на удаленном театре действий.

Кроме того, в рамках этой союзной модели российская сторона способствовала возвращению на сторону правительства многих крупных сирийских военных и бизнесменов, которые в первые недели народных восстаний выбрали сторону оппозиции. Повысив издержки за ренегатство и предложив систему поощрений для тех, кто будет поддерживать официальный Дамаск, Москва, фактически, попутно подвигла часть сирийской оппозиционной силы на принятие в отношениях с Асадом «примыкания» (*bandwagoning*) – второй стратегии в рамках теории баланса угроз. Это также внесло существенный вклад в успех российской политики в Сирии и спасение сирийского руководства.

Нужно отметить, что одним из системообразующих элементов союза является представление о благонадежности союзника (*reliability*). Под «благонадежностью» в союзах понимают набор позитивных ожиданий от крепости отношений с конкретным контр-партнером в кризисной ситуации. Союз, в котором контр-партнер не оправдывает (или ожидается, что не оправдает) взятых на себя обязательств, лишен ценности. Более того, недееспособность такого союза несет угрозу – по крайней мере для одного из контр-партнеров – обнаружить себя в еще более уязвимом положении, чем до заключения союза. «Благонадежность» – это категория из сферы восприятия, иногда подкрепляемая историческим опытом взаимодействия с конкретным контр-партнером. Поэтому государства, как правило, подходят к выбору союзников осмотрительно, стараясь на предварительном этапе обеспечить хотя бы минимальную верифицируемость этой «благонадежности»¹⁹.

¹⁶ Quirk, P. *Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances*. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 178-213.

¹⁷ Snyder, G. *Alliance Theory: A Neorealist First Cut // Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No. 1, p. 105.

¹⁸ См. подробно: Walt, S. *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.

¹⁹ Crescenzi, M. et al. *Reliability, Reputation, and Alliance Formation // International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Тем не менее, в случае с Б. Асадом говорить о том, что критерий «благонадежности» был определяющим, не приходится²⁰. Москва защищала не столько правящий «режим», сколько принципы и нормы международного права, необходимость осуществления любых внутривосточных изменений строго в конституционном поле. Особую роль в этом сыграло крайне негативное восприятие итогов кампаний в Ираке и Ливии, обернувшихся для региона долгосрочными негативными последствиями.

Существенная поддержка, которую Москва оказывала – и продолжает это делать – официальному Дамаску, позволила обеспечить серьезные преимущества для сирийской армии «на земле». Вместе с тем, именно Россия парадоксальным образом приобрела уникальные конкурентные преимущества и в политической области.

На начальном этапе военной операции России в Сирии были весьма популярны прогнозы о том, что, вмешавшись в конфликт на стороне «алавитского режима и поддерживавших его иранцев», Москва играла на стороне шиитов, и вероятными последствиями подобных действий станет деградация российских отношений с суннитскими государствами, включая монархии Персидского залива²¹. Дальнейшее развитие событий, тем не менее, продемонстрировало несостоятельность подобных линейных построений.

Деидеологизированность и отсутствие догматизма придавали российской политике необходимую гибкость и маневренность, и, как следствие – дополнительную эффективность. В результате, Москва стала единственным государством, не имевшим ограничений на взаимодействие с теми или иными государствами по сирийскому вопросу и сумевшим наладить рабочие

контакты со всеми сторонами сирийского конфликта, кроме террористических группировок. Россия также стала единственным государством-участником всех многосторонних форматов урегулирования сирийского кризиса – от традиционных (Совет Безопасности ООН), до инновационных, созданных по прошествии определенного периода с начала конфликта (Международная группа поддержки Сирии, лозаннский формат, «астанинский треугольник»). При этом Россия вела серию двусторонних диалогов по сирийскому урегулированию как с региональными (Иран, Турция, КСА, Катар, ОАЭ, Израиль, Египет, Иордания, Ирак), так и с глобальными игроками (прежде всего, США). Наконец, несмотря на в целом антиправительственный уклон Секретариата Всемирной Организации, непростое взаимодействие Москвы с агентствами и структурами ООН также принесло существенные результаты с точки зрения российских интересов. Таким образом, Россия постепенно вышла на еще одну модель союзных отношений в регионе, которую полнее всего описывает сетевой анализ²².

«Астанинская тройка»: союз или «антанта нового типа»

Наибольшее распространение сетевой подход получил в 1990-е гг., когда его методология стала применяться в контексте теории комплексной взаимозависимости²³. В российской науке о международных отношениях сетевой подход, тем не менее, широкого применения пока не нашел. Основной организационный принцип этого подхода заключается в определении вершин (узлов) сети, которые представляют собой отдельные акторов – государства или международные организации. Связи между вершинами (ребра) могут служить для передачи между

²⁰ О сложностях союзных отношений великих держав с ближневосточными государствами см.: Turner, J. Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.

²¹ Putin, Champion of the Shias // *Economist*, 17.10.2015. Mode of access: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2015/10/17/putin-champion-of-the-shias>

²² Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A. Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.

²³ Maoz, Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.

акторами как материальных объектов – оружия, денежных средств, техники, так и нематериальных – информации, ценностей, убеждений. Таким образом, совокупность связей (ребер) между вершинами образуют сеть. Анализ дальнейшей конфигурации сети строится вокруг категории центральности, которая, в свою очередь, характеризует роль вершины в сети²⁴.

Российская инициатива по формированию т.н. «Астанинской тройки» с участием Турции и Ирана во многом отображает данную модель. При этом, учитывая плотность связей в этой сети между Россией и двумя другими «вершинами» – Турцией и Ираном – можно говорить о российской «центральности по степени» (*degree centrality*) – положения, которое характеризует наиболее активную вершину в сети²⁵.

Стоит отметить, что Москва пришла к этой формации не сразу, а после небезуспешных попыток выстроить сотрудничество на сирийском треке с Соединенными Штатами. Несмотря на отрицательную динамику двусторонних отношений с Вашингтоном, Россия не только не уклонялась от диалога с США по Сирии, но и извлекла из него существенную выгоду. В частности, в 2013 г. были достигнуты договоренности²⁶, подразумевавшие вывоз и ликвидацию под международным контролем сирийского химического оружия. Это позволило предотвратить реализацию в Сирии силового сценария, к которому активно готовились в Вашингтоне. Был сделан важнейший шаг на пути сохранения сирийской государственности, что соответствовало российским интересам.

Российско-американский трек получил дополнительный импульс к развитию в связи с началом операции ВКС России в Сирии. Двустороннее взаимодействие по-

зволило двум странам с 2015 г. выполнять роль сопредседателей Международной группы поддержки Сирии (МГПС)²⁷. Этот орган инициировал ряд важных решений по военно-политическим и гуманитарным аспектам сирийского «досье», однако постепенно трансформировавшись в платформу политизированного обмена мнениями, утратил свою актуальность.

Важнейшим достижением российско-американского взаимодействия стали договоренности о т.н. деконфликтинге²⁸, направленные на недопущение столкновения военных двух стран. В условиях одновременного проведения операций Россией и США по разные стороны реки Евфрат, подобная мера доказала свою эффективность. Российско-американский диалог также привел к важным договоренностям о введении в САР общенационального режима прекращения боевых действий²⁹ (февраль 2016 г.) и сделке о демилитаризации оккупированного незаконными группировками Восточного Алеппо³⁰ (сентябрь 2016 г.).

Наконец, договоренности двух глобальных игроков оказали дисциплинирующее влияние на страны региона, в тот период, когда последние еще делали ставку на военное решение кризиса (это касается как стран, поддерживавших вооруженную оппозицию – Турции, КСА и Катара – так и государств, оказавших содействие правительству САР, прежде всего, Ирана).

²⁷ Члены МГПС: Австралия, Алжир, Великобритания, Германия, Европейский союз, Египет, Иордания, Ирак, Иран, Испания, Италия, Канада, Катар, Китай, Ливан, Лига арабских государств, Нидерланды, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Организация исламского сотрудничества, Организация Объединенных Наций, Россия, Саудовская Аравия, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция и Япония.

²⁸ Меморандум о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операции в Сирии. 21.09.2015.

²⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки в качестве сопредседателей Международной группы поддержки Сирии о прекращении боевых действий в Сирии. 22 февраля 2016.

³⁰ Reducing Violence, Restoring Access and Establishing the JIC. Geneva, 9 September 2016.

²⁴ Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 119-138. [Degterev, D.A. Setevoi analiz mezhdunarodnykh otnoshenii (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik SPbGU*, 2015, Vol. 6, Issue 4, pp. 119-138.]

²⁵ Ibid. С. 122.

²⁶ Российско-американская рамочная договоренность по уничтожению сирийского химического оружия. Женева, 14 сентября 2013.

Тем не менее, степень реализации двусторонних соглашений была незначительной в силу отсутствия у США возможностей оказывать необходимое влияние на оппозиционные группировки боевиков – соответствующие рычаги находились в руках государств региона.

Именно неспособность Вашингтона оказать требуемое влияние на антиправительственные силы «на земле» обусловила появление «восточного вектора» российской политики на сирийском направлении. Разочарование в связи с низкой степенью реализации соглашения по Восточному Алеппо со стороны боевиков заставило Москву обратить внимание на возможности кооперации с Турцией – ведущего спонсора «северных» группировок вооруженной оппозиции.

Российско-турецкие переговоры в декабре 2016 г. по тематике Восточного Алеппо дали более оперативный и осязаемый результат, чем российско-американское взаимодействие по аналогичной повестке. Тактика достижения конкретных целей через задействование потенциала крупных региональных игроков привела Россию к пониманию необходимости смещения фокуса работы в пользу последних – по крайней мере, в части решения конкретных оперативно-тактических задач «на земле».

Соответствующая адаптация линии привела к возникновению астанинского формата (Россия, Турция, Иран), в рамках которого были достигнуты важнейшие решения о введении в Сирии общенационального режима прекращения боевых действий и о создании четырех зон деэскалации. В политической плоскости прорыв удалось обеспечить за счет принятого по итогам Конгресса сирийского национального диалога (январь 2017 г., Сочи)³¹, состоявшегося под «зонтиком» астанинского формата³², решения о формировании сирийского Конституционного комитета, который начал работу в Женеве.

Некоторые исследователи, впрочем, настаивают на необходимости отличать союзы

(*alliances*) от соглашений, основанных на доброй воле участников (*ententes*). В случае последних твердые обязательства участников друг перед другом отсутствуют, и они функционируют преимущественно на признании (*recognition*) того, что соглашение будет действовать до тех пор, пока будет служить общим (и частным) интересам его участников. Однако сам вектор «соглашений доброй воли» принципиально отличается от того, на что направлены союзы. «Антанты» более гибки, чем союзы, и в отличие от последних редко когда регламентируют вопросы идеологической направленности, секретности, уровней контактов и пр.³³ С этой точки зрения отношения Турции, Ирана и России можно отнести, скорее, к «антанте нового типа», чем традиционному союзу.

Однако существует и более нюансированная трактовка отношений между «вершинами» в сетевой структуре союзов³⁴. Согласно ей, во-первых, базовая ориентация государств в отношении друг друга наиболее четко отражается в военных союзах. Мирные намерения, желание (до определенной степени) координировать внешние политики по конкретному набору вопросов и проекция готовности к оказанию военной помощи – важные маркеры «серьезности» страны в вопросе «предметного союзничества» со своими контр-партнерами. Сравнительный анализ отношений в «астанинском треугольнике» показывает, что в случае с Россией – все вышеизложенные пункты были максимально четко обозначены Турцией и Ирану еще до формального создания астанинской группы.

Во-вторых, изменения в структуре «сетевых» союзов во многом детерминируются феноменом т.н. «прерывистого равновесия», когда отрезки видимой статичности, отсутствия динамики, сменяются рывками развития. В случае с астанинским форматом к таким «рывкам» можно как раз отнести провозглашение общенационального режима прекращения боевых действий, создание зон

³¹ Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 Документ ООН S/2018.2011.

³² Совместное заявление Президентов Ирана, России и Турции. Сочи, 22 ноября 2017 г.

³³ Kann, R. *Alliances versus Ententes* // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.

³⁴ Cranmer, C.; et al. *Toward a Network Theory of Alliance Formation* // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

де-эскалации, формирование Конституционного комитета. В конечном итоге, подобный типовой вариант развития событий из года в год, дает те результаты, ради которых подобные союзные формации и задумывались. В случае с конфликтом в Сирии это нашло отражение в том, что правительство в Дамаске расширило географию подконтрольных территорий, а каждый из членов астанинской тройки на текущий момент сохраняет значимые геополитические и стратегические активы в Сирии.

В-третьих, на стабильность таких союзов также влияют роль военной силы для каждой из стран-участниц и политическая совместимость элит. Несмотря на существующие разногласия, произрастающие из неординарных интересов, у руководства Турции, России и Ирана по обоим из вышеобозначенных критериев, скорее, больше общих черт: все три страны высоко оценивают фактор [военной] силы во внешней политике и все три президента – Эрдоган, Путин, Рухани – сумели наладить между собой «личную химию» и разговаривают на языке прагматизма в межгосударственных отношениях.

Наконец, набор этих исходных выражается в том, что сторонники этого варианта сетевого анализа называют «тройственным сближением» (*triadic closure*) – состояние, когда сближение трех игроков производит синергетический эффект, при котором каждый участник данного союза в сумме получает для себя выгоду большую, чем та, которую он бы имел в результате двусторонних связей. Сопряжение потенциала стран-гарантов астанинского формата, их влияния на сирийские власти и проправительственные отряды с одной стороны и группы политической и вооруженной оппозиции – с другой, безусловно, имело особый эффект и на выходе обеспечило более внушительный результат чем тот, на который можно было бы рассчитывать в рамках двустороннего взаимодействия или тем более единоличных действий.

Заключение

Если политика – это искусство возможного, то союзы – ресурс по созданию этих возможностей для политики. Формирова-

ние союзов, их становление – сложный и длительный процесс. Региональные реалии вносят в него свою специфику: союзы на Ближнем Востоке, как правило, волатильны, неустойчивы, кратковременны, часто асимметричны, подвержены кризисам и иным изменениям окружающей политической среды. Это нужно иметь ввиду при выстраивании собственных союзных отношений в регионе. На современном этапе дополнительные сложности в построении союзов исходят не только с уровня государств, но и негосударственных акторов, а также квазисоюзов первых и вторых, как это можно наблюдать на примере войны в Сирии.

«Возвращение» России на Ближний Восток, в том числе с собственным видением и инициативами по выстраиванию гибких, анти-кризисных, *ad hoc* союзов в определенной мере открывает новый этап формирования союзов в регионе. Сравнительный анализ американского и российского подхода в первой части работы демонстрирует принципиальное отличие самих философий союзничества в регионе двух стран, их разновекторность. У США – экстенсивное доминирование и ориентация на сдерживание прямых соперников. У России – интенсивное взаимодействие с целевой страной/группой стран для решения конкретной проблемы на определенном отрезке времени и ориентация на вовлечение всех конфликтующих сторон без блокового разделения. В этом отношении астанинский формат – особый механизм сирийского урегулирования. В отличие от ведомых странами Запада структур, в целом идеологически однородных и разделяющих общее целеполагание в контексте войны в Сирии, Астана объединила три государства с различными, порой прямопротиворечащими военно-политическими повестками. Прагматизм и готовность ко взаимовыгодным разменам позволили достичь результатов, которых не удалось добиться ни в российско-американском формате, ни по итогам более десятка раундов межсирийских переговоров под эгидой ООН в Женеве. Будучи эффективным инструментом реализации интересов, астанинский формат одновременно оставлял России необходимую ей свободу маневра для решения

собственных задач. На двустороннем треке, как показывает сравнительный анализ второй части настоящего исследования, Россия демонстрирует конвергенцию стратегий союзничества. С одной стороны, очевидны проявления элементов стратегии континентальной державы, с другой – ярко выражена стратегия «союза на подавление внутренней угрозы» – борьба с терроризмом и незаконными оппозиционными военизированными группировками для поддержания легитимного правительства в Дамаске.

В свою очередь, данные подходы к союзничеству в теории могли бы заложить основания для формирования более устойчивой архитектуры региональной безопасности. Вместе с тем, нельзя утверждать, что закладываемая Соединенными Штатами на протяжении многих лет собственная система союзов полностью себя изжила. Даже если сегодня занимаемая Америкой позиция одним представляется как «ожидающая», другим как «отступающая», а сама сетка американских союзов морально и политически нерелевантной текущим реалиям, Соединенные Штаты и их союзники – Израиль и арабские монархии Персидского залива – обладают достаточным запасом ресурсов и рычагов влияния, чтобы по-прежнему формировать большую часть региональной повестки, особенно в части безопасности. Возможно, следующим этапом в развитии региональных союзов будет более активная роль Китая, который пока осваивается в регионе преимущественно в экономической, инвестиционной и инфраструктурных нишах.

Литература:

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: «Центрполиграф», 2018. 970 с.

Воскресенский А.Д. Трансформация мирового порядка в условиях «постзападной» международной реальности // *Academic Journal of Russian Studies*. 2018. № 6 (48). С. 136-149.

Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 119-138.

Истомин И.А.; Сушенцов А.А.; Силаев Н.Ю. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 4. С. 42-62.

Cranmer, C.; et al. Toward a Network Theory of Alliance Formation // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

Crescenzi, M. et al. Reliability, Reputation, and Alliance Formation // *International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Dwivedi, S. Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.

Gause, G. Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // *Foreign Affairs*. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>

Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A. Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.

Harkavy, R.; Kemp, G. Strategic Geography and the Changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997. 512 p.

Hussain, N.; Amna, J. Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.

Kann, R. Alliances versus Ententes // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.

Krepinevich, A.; Watts, B. Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>

Levy, S.; Thompson, R. Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.

Maoz, Z. Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.

Middleton, J. World Monarchies and Dynasties. London: Routledge, 2013. 201 p.

Quirk, P. Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp.178-213.

Rothkopf, D. The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>

Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.

Snyder, G. Alliance Theory: A Neorealist First Cut // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No.1.

Turner, J. Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.

Walt, S. The Origins of Alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.

Walt, S. Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

References:

Cranmer, C.; et al. Toward a Network Theory of Alliance Formation // *International Interactions*, 2012, Vol. 38, Issue 3, pp. 295-324.

Crescenzi, M. et al. Reliability, Reputation, and Alliance Formation // *International Studies Quarterly*, June 2012, Vol. 56, No. 2, pp. 259-274.

Degterev, D.A. Setevoi analiz mezhdunarodnykh otnoshenii (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik SPbGU*, 2015, Vol. 6, Issue 4, pp. 119-138.

- Dwivedi, S.* Alliances in International Relations Theory // *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*. August 2012. Vol. 1. Issue 8. Pp. 224-237.
- Gause, G.* Iran, Iraq and the United States: The Illogic of dual containment // *Foreign Affairs*. March/April, 1994 Issue. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/iran/1994-03-01/illogic-dual-containment>
- Hafner-Burton, E.; Kahler, M.; Montgomery, A.* Network Analysis for International Relations // *International Organization*, 2009, Vol. 63, No. 3, pp. 559-592.
- Harkavy, R.; Kemp, G.* Strategic Geography and the Changing Middle East. Carnegie Endowment for International Peace, 1st ed. 1997. 512 p.
- Hussain, N.; Amna, J.* Alliance Politics and the New Power Equation in the Middle East // *NDU Journal*, 2018. Pp. 41-50.
- Istomin, I.A.; Sushentsov, A.A.; Silaev, N.Iu.* Strategii soiuзnichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav (Alliance Strategies of Continental and Naval Powers) // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2018, Vol.16, No. 4, pp. 42-62.
- Kann, R.* Alliances versus Ententes // *World Politics*, 1976, Vol. 28, Issue 4, pp. 611-626.
- Krepinevich, A.; Watts, B.* Regaining Strategic Competence. Washington DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments. 02.05.2009. Mode of access: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a506833.pdf>
- Levy, S.; Thompson, R.* Balancing on Land and at Sea: Do States Ally against the Leading Global Power? // *International Security*, 2010, Vol. 35, No. 1, pp. 7-43.
- Maoz, Z.* Networks of Nations: The Evolution, Structure, and Impact of International Networks, 1816-2001. Cambridge University Press, 2010. 433 p.
- Middleton, J.* World Monarchies and Dynasties. London: Routledge, 2013. 201 p.
- Quirk, P.* Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 178-213.
- Rothkopf, D.* The Arc of Instability, the Vacuum of Strategy // *Foreign Policy*, August 11, 2014. Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2014/08/11/arc-of-instability-vacuum-of-strategy-pub-56373>
- Russia's Return to the Middle East: Building Sandcastles? // Ed by Nicu Popescu, Stanislav Secieru. Chaillot Paper № 146. July 2018, 120 p.
- Snyder, G.* Alliance Theory: A Neorealist First Cut // *Journal of International Affairs*, Spring/Summer 1990, Vol. 44, No. 1.
- Turner, J.* Great Powers as Client States in a Middle East Cold War // *Middle East Policy*, 2012, Vol. 19, Issue 3, pp. 124-134.
- Vasil'ev, A.M.* Ot Lenina do Putina. Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke (Russia in the Middle East: From Brezhnev to Putin). Moscow: Centerpoligraph, 2018. 970 p.
- Voskressenski, A.D.* Transformatsiia mirovogo poriadka v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transformation of the World Order in the "Post-Western" International Reality) // *Academic Journal of Russian Studies*, 2018, No. 6 (48), pp. 136-149.
- Walt, S.* The Origins of Alliances. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1987. 322 p.
- Walt, S.* Why Alliances Endure or Collapse? // *Survival*. 1997. Vol. 39. Issue 1. Pp. 156-179.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA'S ALLIANCE-FORMATION STRATEGIES IN THE MIDDLE EAST

Maxim A. Suchkov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Maria S. Khodynskaya-Golenischeva

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 11.04.2020</p> <p><i>Sent for editing:</i> 13.04.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.08.2020</p>	<p>Abstract: Contemporary history of the Middle East has seen at least four periods of active inter-state alliance formation – three of which led by the United States. The return of Russia to the Middle East has helped shape new alliances and coalitions. Unlike the American “philosophy” of alliance formation underpinned by the imperative for a comprehensive politico-military presence as well as prevention of, first, Soviet and then, Iranian regional expansion, the Russian model is oriented toward the players, cooperation with which could solve a current or a potential crisis at a specific time period. Coupled with consistent and pragmatic foreign policy course, it was non-trivial strategies for flexible alliance-formation that enabled Moscow to establish itself as one of the leading player in the turbulent region as well as a responsible global power. At the same time, the comparative analysis of the Russian campaign in Syria and Moscow’s relations with key states in the region shows that Russia has been exercising elements of at least three alliance-formation strategies.</p> <p><i>Acknowledgements: the article was supported by the Russian Science Foundation grant “Typology of Modern Military-Political Alliances and Models of Russia’s Relations with Its Allies”, project No. 17-78-20170</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Maxim A. Suchkov</i>, Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University; Senior Research Fellow, Scientific Center (Laboratory) of Analysis of International Processes, MGIMO University</p> <p>e-mail: max-suchkov@yandex.ru</p> <p><i>Maria S. Khodynskaya-Golenischeva</i>, Dr. of History, Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University; Senior Adviser, Department of Foreign Policy Planning, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation</p> <p>e-mail: khodynskaya_m@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russia; Middle East; security; alliances; strategies; Syria; Turkey; Iran</p>	

Для цитирования: Сучков М.А., Ходынская-Голенищева М.С. Сравнительный анализ российских стратегий союзничества на Ближнем Востоке // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 69-81.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

For citation: Suchkov, Maxim A., Khodynskaya-Golenischeva, Maria S. Sravnitel’nyy analiz rossiyskikh strategiy soyuznichestva na Blizhnem Vostoke (Comparative Analysis of Russia’s Alliance-Formation Strategies in the Middle East) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 69-81.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10006

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10007

THE MARINE STRATEGY OF RUSSIA IN THE MIDDLE EAST

Alexander V. Krylov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Natan Z. Shuminov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 04.06.2020 <i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The world media and international discussions at the highest level again are focusing on the Russian’s policy in the Middle East. This is to a large extent the result of the successful operations of the Russian Aerospace Forces and the Navy in Syria. The article defines the conceptual fundamentals of the modern maritime policy of Russia in the Middle East. The authors analyze the main points of the new directions of Russian maritime strategy in the Mediterranean, which were formulated in the following documents: “Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period until 2030”, “Marine Doctrine of the Russian Federation” and “Agreement between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic on the expansion of the territory of the logistics point of the Navy of the Russian Federation in the vicinity of the port of Tartus”. The participation of the Russian fleets in the military operations in Syria showed that the Russian Navy successfully overcame the systemic crisis and took up positions corresponding to the status of a great power.</p>
<p>About the authors: <i>Alexander V. Krylov</i>, Dr. of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Center for Middle East Studies, Institute of International Studies, MGIMO University e-mail: avkrylov2004@mail.ru <i>Natan Z. Shuminov</i>, Postgraduate Student in History of International Relations, MGIMO e-mail: 3natan@mail.ru</p>	
<p>Key words: Middle East; Mediterranean Sea; Persian Gulf; Syria; Marine Strategy; Russia; Russian fleet; Russian marine doctrine</p>	

Historical background

Two decades ago, Russia had no naval strategy. Western naval experts noted that the Russian Navy was a “fleet, doomed to death” and for a long time had been in state of coma.¹ That was a fair conclusion. During the era of Gorbachev and Yeltsin, the potential of only a submarine fleet, which at one time was the most

expensive and reliable component of Moscow as part of the USSR Armed Forces, decreased from 400 submarines in 1985 to 65 in 2007. The number of sailors in active military service fell from almost half a million in 1985 to 146 thousand, many of whom were conscripts.

However, the situation began to change since 2008, when V. Putin was the Prime Minister of Russia. Since that time, a quarter of all defense funds have gone to the restoration of the Navy. Russia’s shipbuilding capacity system has started to show progressive trends

¹ O’Keefe, A. Dr. Tom Fedyszyn on the State of the Russian Navy // The Maritime Executive, January 2, 2017. Mode of access: <https://www.maritime-executive.com/article/dr-tom-fedyszyn-on-the-state-of-the-russian-navy>

in the production of several types of warships equipped with the most advanced equipment, including “Yasen” ballistic missiles. Nuclear submarines of a new class that are well known among specialists in naval engineering appeared – “Borey”, “Akula”, “Severodvinsk”, “Kazan”; surface ships “Steregushchiy”, “Boykiy”, “Stoykiy”, “Admiral Gorshkov”; aircraft carrier “Kuznetsov”. Already in 2009, the military-political leadership of Russia made an official announcement according to which the Russian fleet overcame the crisis period, fully recovered and is now able to carry out tasks that correspond to the fleet of the great power.² Two years later the head of naval operations of the US Navy, Admiral Garry Roughhead, speaking to the members of the military subcommittee of the Senate Appropriations Committee, said that “the Russian Navy is on the rise again”.³

On September 1, 2013, in order to carry out tasks in the Mediterranean region and taking into account the evolving military-political situation, a Permanent Operational Connection of the Russian Navy in the Mediterranean Sea was created. With the start of the military operation of the Russian Aerospace Forces in Syria on September 30, 2015 the compound takes part in this operation, providing the cover for the Russian aerospace forces in Syria and the Khmeimim air base. At different times on the basis of rotation the compound included the flagships of all Russian fleets: the heavy aircraft-carrying cruiser “Admiral Kuznetsov”, the heavy nuclear missile cruiser “Peter the Great”, the guards missile cruisers “Moscow” and “Varyag”, the frigates “Admiral Grigorovich”, “Admiral Essen” and “Admiral Makarov”. At present, the Russian fleet has 217 warships of various types and 69 submarines, of which 45 operate on nuclear fuel (See *Tables*).

² The Maritime Strategic Evaluation for Israel 2018/19. Haifa Research Center for Maritime Policy & Strategy, 2019. P. 44. (in Hebrew)

³ Cavas, C.P. Roughhead Says Russian, Chinese Navies Growing // *Navy Times*, March 16, 2011. Mode of access: www.navytimes.com/news/Varch2011/03/defense-navy--cno-assesses-russian-chines-navies-031611

Table 1.

Submarines in the Russian Fleet (as of 2020)⁴

Class	BF	BSF	NF	PF	CF	Total:
Nuclear-powered Ballistic Missile Submarines (SSBN)	-	-	8	3	-	11
Nuclear-powered Guided Missile Submarines (SSGN)	-	-	4	5	-	9
Nuclear-powered Attack Submarines (SSN)	-	-	13	4	-	17
Nuclear-powered Special Mission Submarines (SSAN)	-	-	8	-	-	8
Special Purpose Submarines (SSA)	-	-	1	-	-	1
Attack Submarines (SS)	1	7	6	9	-	23
Total:						69

BF – Baltic Fleet, BSF – Black Sea Fleet, NF – Northern Fleet, PF – Pacific Fleet, CF – Caspian Flotilla

Table 2.

Warships in the Russian Fleet (as of 2020)

Class	BF	BSF	NF	PF	CF	Total:
Aircraft Carriers (CV)	-	-	1	-	-	1
Heavy Nuclear-powered Guided Missile Cruisers (CGN)	-	-	2	1	-	3
Guided Missile Cruisers (CG)	-	1	1	1	-	3
Large ASW Ships (DDGS)	-	1	5	4	-	10
Guided Missile Destroyers (DDG)	1	-	1	2	-	4
Guided Missile Corvettes (FFC)	4	-	-	2	-	6
Guided Missile Frigates (FFG)	2	6	1	-	2	11
Offshore Patrol Vessel (OPV)	-	2	-	-	-	2
Small ASW Ships (FSS)	6	6	6	8	-	26
Guided Missile Corvettes (FC)	8	7	2	4	3	24
Guided Missile Boats (PGM)	6	5	-	11	1	23
Small Gun Ships (FS)	-	-	-	-	3	3
Gunboats (PG)	-	-	1	-	5	6
Seagoing Minesweepers (MSO)	1	8	3	2	-	14

⁴ Russian Navy 2020: List of Active Russian Navy Ships and Submarines // RussianShips.info, January 17, 2020. Mode of access: <http://russianships.info/eng/today/vb>

Class	BF	BSF	NF	PF	CF	Total:
Base Minesweepers (MSC)	4	-	6	7	2	19
Inshore Minesweepers (MSI)	5	1	1	1	5	13
Landing Ships (LST)	4	7	5	4	-	20
Landing Crafts Air Cushion (LCAC)	2	-	-	-	-	2
Landing Crafts (LCM)	9	5	4	4	6	29
Total:						219

For comparison, at the beginning of 2020 the US Navy was armed with 290 units of military naval equipment, including 68 submarines, of which only 12 were equipped with ballistic missiles.⁵

At the international conference “Geopolitics: Maritime Aspect”, which was held on February 3, 2020 at Haifa University, the participating experts on maritime policy and the law of the sea unanimously noted that Russia had again become a global power and took a strong position in the strategically important region of the Eastern Mediterranean and Persian Gulf.⁶

The contemporary geopolitical position of Russia in the Middle East

Immediately after the crushing defeat of the terrorist international in Syria, in August 2017 President Vladimir Putin signed a document called “Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of naval activities until 2030”.⁷ According to the eighth paragraph of this document the Russian Federation continues to maintain the status of a great maritime power, the maritime potential of which ensures the realization and protection of its national interests in any region of the World Ocean, is an important factor of international

⁵ *Naval Vessel Register. Fleet Size. Classification of Naval Vessels are in Accordance with SECNAV Instruction 5030. 8 p.* Mode of access: <http://www.nvr.navy.mil/NVRSIPS/FLEETSIZE.HTML>

⁶ *Chorev, Shaul; Gonen, Ehud* (Project heads). *The Maritime Strategic Evaluation for Israel 2019/20*. Haifa Research Center for Maritime Policy & Strategy, 2020. P. 20. (in Hebrew).

⁷ *Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period until 2030*. Newport, Rhode Island, USA. The Russia Maritime Studies Institute at the U.S. Naval War College, 2017. P. 3. (Translation of the official document in English).

stability and strategic containment and makes it possible to implement independent national maritime policy as an equal participant in international maritime activities.

The logic of the formation of the current naval policy of the Russian Federation shows that the implementation of the government's naval policy in the future is ineffective without:

- understanding in the higher echelons of power the value of the Russian Navy;

- the creation in the state of the relevant management body for the implementation of naval policies on the sound legal doctrinal basis in the form of the “Naval Doctrine of Russia”;

- a long-term construction program of the Navy, approved at the level of law and binding for the domestic industry;

- the support of the country's population authority service in the Navy.⁸

The twenty-seventh paragraph of this document explains the need for the naval presence of the Russian Federation in strategically important and other areas of the oceans, including the Middle East:

- a) the increased aspirations of a range of states to possess the sources of hydrocarbon energy resources in the Near East, the Arctic and the Caspian Sea basin;

- b) the negative impact on international security of the conflict in the Syrian Arab Republic, the Republic of Iraq, the Islamic Republic of Afghanistan, conflicts in the Near and Middle East, and in several countries in South Asia and Africa;

- c) the possibility of escalation of existing and the emergence of new interstate conflicts in any area of the World Ocean;

- d) the spread of piracy in the Gulf of Guinea, as well as in the waters of the Indian and Pacific Oceans;

- e) the ability of foreign states to hinder the Russian Federation's economic activities and scientific research on the World Ocean.⁹

⁸ Moskovenko, M. *Naval doctrine of Russia as the basis of the naval policy of the country // The Centre of Strategic Estimations and Forecasts, the Russian Federation, September 28, 2017*. Mode of access: <http://csef.ru/en/politica-i-geopolitica/510/voenno-morskaya-doktrina-rossii-kak-osnova-morskoj-politiki-strany-7983>

⁹ *Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period until 2030*. Newport, Rhode Island, USA.

In the document “The Marine Doctrine of the Russian Federation”, previously signed by the Russian president on July 26, 2015 Russia's main priorities in the Mediterranean were reduced to the following provisions:

a) pursuing a focused course on turning the region into a zone of military-political stability and good neighborliness;

b) ensuring a sufficient naval presence of the Russian Federation in the region on an ongoing basis;

c) the development of cruise shipping from the ports of Crimea and the Krasnodar territory to the countries of the Mediterranean basin.

It was emphasized, however, that Naval activities are among the highest Russian State priorities.¹⁰

Criticism of the new Russian Naval policy

It is noteworthy that in Russia as well as elsewhere the adoption of a new Doctrine and new Fundamentals of Russia's policy in the World Ocean caused a wave of criticism. Some authoritative experts questioned the realism of several rather ambitious provisions of the abovementioned documents. One of the well-known specialists in Russian maritime policy Mikhail Barabanov from the Moscow-based Center for Analysis of Strategies and Technologies (CAST) is convinced that “the Fundamentals probably reflect the ongoing struggle for priorities in the procurement policy in accordance with the State New Armament Program 2025. In his opinion, the document was permeated with nostalgia for the late-Soviet naval construction times (even ekranoplans got into the text), and in this sense is largely unrealistic. The entire historical experience of Russia shows that the fascination with the fleet on the part of the country's leadership led either to catastrophic defeats (in the Crimean and Russian-Japanese wars), or took much-needed

funds from the Ground Forces before both world wars, and the fleet played an insignificant role in them. The Soviet Ocean Fleet in the 1970-1980s demanded huge funds, but contributed to the foreign policy of the USSR very little and in the 1990s degraded faster than all other types of armed forces”,¹¹ the expert is convinced.

Alexei Nikolskiy is another respected military observer who is of the same opinion. He argued that the policy was “permeated with nostalgia”, set “excessively ambitious goals”, and was “largely unrealistic”.¹²

Russia's modern maritime strategy has been met in the West critically. The article recently published in the “Jerusalem Post” and written by a retired admiral, Prof. Shaul Chorev and the former US Deputy Secretary of Defense Douglas Feith is devoted to the analysis of marine geopolitics of Russia in the Eastern Mediterranean. It argues, in particular, that “Russia enjoys anarchy associated with America's desire to withdraw troops from the Middle East. While both last US presidents were interested in leaving the Middle East, Russia actively and even aggressively filled the vacuum. The article concludes: “Russia shares the interest of the United States in the stability of the Middle East, but in fact, Russia often and actively contributes to the destabilization in the region”.¹³ We cannot agree with this statement. Our view is closer to the position of the captain of the first rank of the US Navy Thomas Fedyszyn, who believes that the geopolitical strategies of Russia and the United States, despite the complicated relations

The Russia Maritime Studies Institute at the U.S. Naval War College, 2017. P. 5-6. (Translation of the official document in English).

¹⁰ Maritime Doctrine of the Russian Federation, 2015. Newport, Rhode Island, USA: The Russia Maritime Studies Institute at the U.S. Naval War College, 2017. P. 22. (Translation of the official document in English).

¹¹ Novaya voyenno-morskaya doktrina Rossii stavit chrezmernyye tseli // *Vedomosti*, July 23 (Russia's New Naval Doctrine Sets Unrealistic Targets) // *Vedomosti*, July 23, 2017, <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/07/24/725414-voenno-morskaya-doktrina>

¹² Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Naval Activities for the Period until 2030. Rome, Italy: NATO Defense College, January 22, 2019. Mode of access: <http://www.ndc.nato.int/research/research.php?icode=574>

¹³ Feith, D.J.; Chorev S. Russia's Eastern Mediterranean strategy // *The Jerusalem Post*, September 28, 2019. Mode of access: <https://www.jpost.com/Opinion/Russias-Eastern-Mediterranean-strategy-603211>

between the two states, actually coincide and pursue one goal – “to prevent conflicts and the main challenges for the fleets of each country are terrorism, criminal elements and natural disasters”.¹⁴

In other words, the main goal of Russian strategy in the Middle East is to increase the status of Russia and secure for it the role of a significant external force in one of the most unstable regions of the world. There are other important tasks in this region:

- Deterrence and weakening of Islamic extremism and radicalism, the influence of which can spread to the territory of Russia and its closest neighbors from among the republics of the former USSR.

- Ensuring a limited military presence of Russia in the region and on its borders.

- Expansion of the Russian presence in the regional markets of weapons, oil and gas, food, etc.

- Attraction of investments to Russia, including those from the rich countries of the Persian Gulf.

- Maintaining energy prices through the coordination of action with key oil and gas suppliers in the Gulf countries.

Russian participation in the Syrian conflict. The geopolitical aspect

After the defeat of Daesh¹⁵ in Syria, Russia is again an important military-political force in the Middle East. Even Western experts admit that “Through maritime operations, Russia has extended the range of its military influence. The Russian presence creates new “rules of the game” throughout the Middle East, affecting the US and Israel’s ability to operate freely”.¹⁶

¹⁴ Ibid.

¹⁵ On December 29, 2014, on the basis of the Prosecutor-General’s Office decision, the Supreme Court of the Russian Federation recognized the Islamic State of Iraq and the Levant and affiliated with Daesh «Jabhat al-Nusra» («Support Front») as terrorist international organizations and banned their activities in Russia.

¹⁶ Feith, D.J.; Chorev S. Russia’s Eastern Mediterranean strategy // *The Jerusalem Post*, September 28, 2019. Mode of access: <https://www.jpost.com/Opinion/Russias-Eastern-Mediterranean-strategy-603211>

Russia has two bases that allow controlling the situation in the Eastern Mediterranean and Persian Gulf. Thanks to the naval base in Tartus – the main Material-Technical Support Point of the Russian Navy in Syria, Russia, if necessary, can also control submarine communication cables that connect the Middle East with Europe. “The current agreement will stay effective for 49 years and be automatically prolonged for 25-year periods, if neither party makes a twelve months’ notice in writing through diplomatic channels of its intention to terminate the agreement’s operation”¹⁷, a bilateral agreement signed on January 18, 2017 by the governments of Russia and Syria states. “The maximum number of Russian warships allowed to stay simultaneously at the maintenance base is 11, including nuclear-powered combat ships, provided that nuclear and environmental safety is complied with,”¹⁸ says the agreement. Russia had also deployed in Eastern Mediterranean its oceanographic research vessel “Yantar”, which is equipped for deep sea surveillance and connected to top-secret communication cables. Western experts believe that “Yantar” can connect undersea cables and also “cut and jam underwater sensors.”¹⁹

Participation in hostilities in Syria allowed gaining practical experience in conducting military operations involving all military branches and using the most modern weapons. It has been proven that it’s not even necessary to send ships to the Mediterranean Sea – there is a weapon that can hit targets at a distance of a thousand or more kilometers.

¹⁷ Russian-Syrian Naval and Air Basing Agreements, 2015-2017. Agreement between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic on the stationing of an Aviation Group of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of the Syrian Arab Republic (as amended on January 18, 2017). Newport, Rhode Island, USA: The Russia Maritime Studies Institute at the U.S. Naval War College, 2017. P. 23. (Translation of the official document in English).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Feith, D.J. Russia’s Eastern Mediterranean Strategy – Implications for the United States and Israel. Washington: Hudson Institute. December 19, 2019. Mode of access: <https://www.hudson.org/research/15577-russia-s-eastern-mediterranean-strategy-implications-for-the-united-states-and-israel#fn7787666725e4141a3a6be8>

With minimal losses and costs,²⁰ a crushing blow was inflicted on the so-called “Islamic state”. The defeat of the terrorist international in Syria is an extremely important event for Russia. Recall that now about 20% of the population of Russia is Muslims. Russia is rapidly “turning green”. There is not only a natural increase in the Muslim population in the Russian regions, where Islamic positions have always been strong. Millions of Muslims come to work in Russia from Azerbaijan and the Central Asian republics. In Moscow alone, according to official figures, more than 3 million visitors are citizens of Tajikistan and Uzbekistan. If “the caliphate” was victorious in Syria and Iraq, then thousands of Islamic terrorists would rush to Central Asia and from there to Russia which has enough problems with fighters returning from Syria and Iraq to places of their exodus.

Conclusion

Moscow’s geopolitical priorities in The Middle East today include the search for a peaceful settlement in Syria. At the same time, Moscow is ready to cooperate in this matter with all interested states, including the United States; expanding and strengthening ties with Turkey and Iran; maintaining close relations with Egypt, Iraq and the Kurds – both Syrian and Iraqi; to the extent possible, establishing pragmatic relations with Saudi Arabia and other Arab States of the Persian Gulf; coordinating absolutely all actions with Israel.

Thus, Russia has returned to the Middle East. And, despite the fact that there are complicated

relations between the countries of this region, it maintains normal relations with the main states – Ankara, Cairo, Tehran, Riyadh, Amman and, of course, Jerusalem. The Kremlin’s policy in the Middle East is built primarily on geopolitical incentives. Not least, important for Moscow, is the factor of internal stability of the Russian Federation itself.

References:

Chorev, Shaul; Gonen, Ehud (Project heads). The Maritime Strategic Evaluation for Israel 2019/20. Haifa Research Center for Maritime Policy & Strategy, 2020.

Feith, D.J.; Chorev S. Russia’s Eastern Mediterranean strategy // The Jerusalem Post, September 28, 2019. Mode of access: <https://www.jpost.com/Opinion/Russias-Eastern-Mediterranean-strategy-603211>

Fundamentals of the State policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period until 2030. Newport, Rhode Island, USA. The Russia Maritime Studies Institute at the U.S. Naval War College, 2017.

Moskovenko, M. Naval doctrine of Russia as the basis of the naval policy of the country // The Centre of Strategic Estimations and Forecasts, the Russian Federation, September 28, 2017.

O’Keefe, A. Dr. Tom Fedyszyn on the State of the Russian Navy // The Maritime Executive, January 2, 2017. Mode of access: <https://www.maritime-executive.com/article/dr-tom-fedyszyn-on-the-state-of-the-russian-navy>

The Maritime Strategic Evaluation for Israel 2018/19. Haifa Research Center for Maritime Policy & Strategy, 2019. P. 44. (in Hebrew)

²⁰ According to official sources, a military operation in Syria was allocated 33 billion rubles, which were first budgeted by the Ministry of Defense of the Russian Federation for conducting military training in 2015. Russian and foreign experts point to the impossibility of reliably determining the cost of the operation, but agree with a small share of the expenditures in the military budget. According to experts of the Jane’s Information Group, the relatively low level of Russian expenditure on a military operation is explained by the participation of the Navy and the establishment of marine supplies (Hille K. Russia Defies Recession to Fund Syria Conflict // *Financial Times*, October 25, 2015. Mode of access: <https://www.ft.com/content/8f9c21fa-7957-11e5-933d-efcdc3c11c89>

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10007

МОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Александр Владимирович Крылов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

Натан Заурович Шуминов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 4 июня 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Российская политика на Ближнем Востоке вновь находится в центре внимания мировых СМИ и международных дискуссий на самом высоком уровне. Во многом это связано с удачными действиями российских Военно-Космических Сил и Военно-Морского Флота в Сирии. В статье раскрываются концептуальные основы современной морской политики России на Ближнем Востоке. Авторы анализируют основные положения новых направлений морской политики России в Средиземноморье, которые были сформулированы в следующих документах: «Государственная политика Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года», «Морская доктрина российской Федерации» и «Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о расширении территории пункта материально-технического обеспечения Военно-Морского Флота Российской Федерации в районе порта Тартус». Участие российских флотов в военной операции в Сирии показало, что ВМФ России успешно преодолел системный кризис и занял позиции, соответствующие статусу великой державы.</p>
<p>Об авторах: <i>Крылов А.В.</i>, д.и.н., профессор, кафедра востоковедения; вед. научный сотрудник центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО МИД России e-mail: avkrylov2004@mail.ru <i>Шуминов Н.З.</i>, аспирант, МГИМО МИД России e-mail: 3natan@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Ближний Восток; Средиземное море; Персидский залив; Сирия; морская стратегия; Россия; российский флот; российская морская доктрина</p>	

Для цитирования: Krylov, Alexander V.; Shuminov, Natan Z. The Marine Strategy of Russia in the Middle East // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 82-88.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10007

For citation: Krylov, Alexander V.; Shuminov, Natan Z. The Marine Strategy of Russia in the Middle East // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 82-88.
DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10007

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10008

КРАЙНЕ ПРАВЫЕ В УКРАИНЕ ДО И ПОСЛЕ ЕВРОМАЙДАНА: ОТ УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИКИ К ЭТНО-ЦЕНТРИСТСКОМУ «НЕГРАЖДАНСКОМУ» ОБЩЕСТВУ

Андреас Умланд

*Институт международных отношений,
Прага, Чехия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 12 июня 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Партийно-политический ультра национализм был в избирательном отношении пока необычайно слабым в постсоветской Украине. Три основные политические силы, ВО «Свобода», «Правый сектор» и «Национальный корпус», несмотря на возросшую общественную известность и растущие националистические настроения среди населения Украины, остались политически маргинальными после Евромайдана 2013-2014 годов. Ни потеря Крыма, ни война на Донбассе не повысили электоральную поддержку радикальных националистических группировок. Однако в условиях продолжающейся «гибридной войны» России против Украины ультраправые активисты, иногда связанные с ультра националистическими политическими партиями, получили большее признание в украинской общественности с 2014 года. Деятельность антидемократических неправительственных организаций и их периодическое сотрудничество с украинским государством требуют тщательного мониторинга. В этой статье дается обзор развития праворадикального политического спектра Украины до и после «Революции достоинства».</p> <p><i>Данная статья является результатом проекта «Коллективные действия негосударственных вооруженных группировок в украинском конфликте: сравнение пророссийских и украинских негосударственных вооруженных группировок», финансируемого Фондом Фольксваген, Германия. См.: app.dimensions.ai/details/grant/grant.4974241. Проект также получил поддержку от «Accommodation of Regional Diversity in Ukraine (ARDU): исследовательского проекта, финансируемого Научным советом Норвегии (программа NORRUSS Plus)». См.: blogg.hioa.no/ardu/category/about-the-project/</i></p>
<p>Об авторе: внештатный сотрудник, Центр европейской безопасности, Институт международных отношений, Прага e-mail: andreas.umland@stanfordalumni.org</p>	
<p>Ключевые слова: Украина; национализм; радикализм; партийные выборы; экстремизм</p>	

На протяжении большей части постсоветской украинской истории партийно-политический ультра национализм – в отличие от организованного умеренного национализма – был, почти непрерывно, неуспешным на украинских выборах на-

ционального уровня¹. За последние 30 лет

¹ Более крупные обзоры включают в хронологическом порядке: Кулик В. Український націоналізм у незалежній Україні. Київ, 1999: НаУКМА; Taras Kuzio. Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New

украинское общество столкнулось с огромной социальной, экономической и международной напряженностью². Более того, националистические лозунги приобрели во время избирательного восстания в Украине в 2004 году, которое стало известно как «Оранжевая революция», известность и легитимность³. Так называемая «Револю-

ция достоинства» 2013-2014 годов, будучи демонстративно проевропейской, тем не менее имела аналогичные «национализирующие» эффекты⁴. Кроме того, она предоставила широкие возможности для пропаганды крайне правых групп, чьи представители и символы (флаги, наклейки, лозунги и т. д.) были видны не только на площади Независимости Киева, но и во всей стране⁵. Хотя они не были ни идеологически направляющими, ни политически доминирующими, ни организационно решающими, радикальные этно-центристы являлись одной из составных частей восстания, которое стало известно как «Евромайдан»⁶.

С 2014 года важным, если не самым главным фактором, который повысил восприимчивость украинского общества к различным формам национализма, включая его радикальные формы, стало, как я считаю, де-факто нападение России на Украину:⁷

Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007; Украинские правые экстремисты во время и после восстания 2013-2014 гг. // Спецсекция журнала Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 13(1). С. 103-206. [Ukrainskiye pravyye ekstremisty vo vremya i posle vosstaniya 2013-2014 gg. (Ukrainian Right-Wing Extremists during and after the 2013-2014 Uprising) // Spezseksiya zhurnala Forum novейshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury (Special section of the journal Forum of Contemporary East European History and Culture), 2013, No. 13(1), pp. 103-206.]; Umland, Andreas (ed). Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism // Special Issue of Russian Politics & Law, 2013, № 51(5). С. 3-95; Umland Andreas; Zaitsev, Oleksandr (eds.). The Ukrainian Radical Right in Past and Present: Studies in Ideology, Memory and Politics / Special Section of Communist and Post-Communist Studies, 2015, No. 48(2-3), p. 169-271; Нахманович, В. Феномен «Свободы»: Виборці радикальних націоналістів у дзеркалі соціології. Київ: КМІС/ВААД, 2016; Ліхачов, В'ячеслав. Від Майдану праворуч: Революція, війна і ультраправі в Україні (2013-2016 роки). Київ: Критика, 2020.

- ² Напр.: Dyczok, Marta. Ukraine: Movement without Change, Change without Movement. Abingdon: Routledge, 2000; Lushnycky, Andrej N.; Riabchuk, Mykola (eds.) Ukraine on Its Meandering Path Between East and West. Bern: Peter Lang, 2009; Aslund, Anders. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington, DC: Peterson Institute, 2009; D'Anieri, Paul J. (ed.). Orange Revolution and Aftermath: Mobilization, Apathy, and the State in Ukraine. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010.
- ³ McFaul, Michael; Aslund, Anders (eds.). Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006; Wilson, Andrew. Ukraine's Orange Revolution. New Haven, CT: Yale University Press, 2006; Flikke, Geir; Kisselyov, Sergiy (eds.). Beyond Recognition? Ukraine and Europe after the Orange Revolution. Oslo: NUSPI,

2006.; D'Anieri, Paul; Kuzio, Taras; Harasymiw, Bohdan; Ilnytskyj, Oleh S.; Bredies, Ingmar; Umland, Andreas; Yakushik, Valentin (eds.). Aspects of the Orange Revolution I-VI. 6 Vols. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007..

- ⁴ Shekhovtsov, Anton. The Ukrainian Revolution Is European and National // *Eurozine*, 13 December 2013. Mode of access: www.eurozine.com/the-ukrainian-revolution-is-european-and-national/
- ⁵ Wilson, Andrew. Ukraine Crisis: What It Means for the West. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.; Marples, David R.; Mills, Frederick V. (eds.). Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2015; Stepanenko, Viktor; Pylynskyi, Yaroslav (eds.). Ukraine after the Euromaidan: Challenges and Hopes. Bern: Peter Lang, 2015.
- ⁶ Risch, William Jay. What the Far Right Does Not Tell Us about the Maidan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, No. 16(1), pp. 137-144; Shekhovtsov, Anton. The Ukrainian Far Right and the Ukrainian Revolution. In Irina Vainovski-Mihai, ed. N.E.C. Black Sea Link Program Yearbook 2014-2015. Bucharest: New Europe College, 2015. Pp. 216-237; Ліхачов, В'ячеслав. Чому перебільшення ролі ультраправих в українській революції не менш небезпечно ніж применшення. Заборона, 3 травня 2018.
- ⁷ Wood, Elizabeth A. et al. Roots of Russia's War in Ukraine. New York, NY: Woodrow Wilson Center Press, 2016; Toal, Gerard. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and

инициированный Москвой «вооруженный конфликт» в Донецком бассейне является «делегированной межгосударственной войной» России⁸ против Украины⁹. Можно предположить, что создание благодатной почвы для политической радикализации и этно-центристской мобилизации патриотических частей – и, таким образом, разложение – украинской политической нации был и есть один из инструментов многогранной «нелинейной» или «гибридной» российской войны против постмайданной Украины¹⁰.

И действительно, внутри-украинское противостояние о том, как адекватно реагировать на действия Кремля, всё больше разделяет украинский политикум и открывает точки входа для экстремистов¹¹. Но в отличие от Италии и Германии в 1920-х годах или Сербии и России в 1990-х годах, огромные потери страны, связанные с проигранной

горячей или «холодной» войной (т.е. потери жизни, здоровья, территорий, доходов, сбережений, инфраструктуры и т.д.), несмотря на свои значимые размеры в Украине, до сегодняшнего дня не привели к созданию мощного украинского ультранационалистического движения¹². С другой стороны, в то время как крайне правые партии остались политически слабыми, радикально националистические политики и этно-центристские НПО стали к началу 2020 года более публичными, чем десять лет тому назад.

Различные действия Кремля против украинского государства¹³ до и после Евромайдана являются основными, но не единственными определяющими факторами для распространения правого экстремизма в современной Украине¹⁴. Социологи уже давно сообщали о значимом распространении ксенофобских настроений среди населения Украины, которые с течением времени только росли¹⁵. Кроме того, существовал и суще-

the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2016; Beichelt, Timm; Worschech, Susann (eds.). *Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2017.

- ⁸ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс, 2020. 478 с. *Прим ред.*
- ⁹ Hauter, Jakob. Delegated Interstate War: Introducing an Addition to Armed Conflict Typologies // *Journal of Strategic Security*, 2019, No. 12(4), pp. 90-103.
- ¹⁰ Hosaka, Sanshiro. Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War // *Nationalities Papers*, 2019, Volume 47, Special Issue 5, pp. 750-773; Mykhnenko, Vlad. Causes and Consequences of the War in Eastern Ukraine: An Economic Geography Perspective, Europe-Asia Studies, 2020.
- ¹¹ Umland, Andreas. How Moscow Is Subverting Ukraine's Bid for Freedom // *Foreign Policy*, 26 February 2016.

- ¹² Нап.: Bakic, Jovo. Right-Wing Extremism in Serbia. International Policy Analysis. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung, 2013; Stojarová, Vera. The Far Right in the Balkans. Manchester: Manchester University Press, 2016; Kailitz, Steffen; Umland, Andreas. Why Fascists Took Over the Reichstag but Have Not Captured the Kremlin: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia // *Nationalities Papers*, 2017, No. 45(2), pp. 206-221.
- ¹³ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс, 2020. 478 с. *Прим ред.*
- ¹⁴ Likhachev, Vyacheslav. Far-right Extremism as a Threat to Ukrainian Democracy / Freedom House Nations in Transit Brief, May 2018.
- ¹⁵ Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. 2006. № 1.

ствуует широкий спектр радикально националистических концепций, теорий заговора и этно-центристских идей, уходящих корнями как в досоветскую и советскую, так и в раннюю постсоветскую истории Украины¹⁶.

Среди них главную роль играла и играет популярная мифология о «жидо-большевизме», то есть антисемитская конспирология о якобы решающей роли евреев и иудаизма в подъеме и пражении левых радикалов во всём мире¹⁷. Определенные межвоенные и националистические традиции Второй мировой войны были продолжены в некоторых частях украинской диаспоры, проживающей в Западной Европе и Северной Америке¹⁸. Некоторые из этих – частично ли-

беральных, частично интегральных – националистических идей после 1991 года были вновь введены активистами-эмигрантами в Украину, когда эмигрантские группы вышедшие из изначальной Организации украинских националистов, созданной в 1929 году, вступили в контакт со своей родиной¹⁹.

Тем не менее, на национальном уровне, украинские крайне правые с треском провалились на всех президентских и почти на всех парламентских выборах – будь то в 1990-х, начале 2000-х годов или после Евромайдана (см. *Таб. 1*)²⁰. Правда, в течение длительного периода времени партийно-политический посткоммунистический ультра национализм в Восточной Европе в целом оставался слабее, чем опасались некоторые компаративисты правого экстремизма после распада Советского блока и Союза в 1989-1991 годах²¹. Тем не менее, постоянно низкие и зачастую очень низкие результаты крайне правых партий, союзов и кандидатов на национальных выборах в Украине с 1991 года и по сегодняшний день стали со временем все более поражающей и заметной особенностью украинской постсоветской политики (см. *Таб. 1*)²².

Электоральная слабость и низкая политическая легитимность украинских ультра-

С. 26-38. [Panina, N. Faktori natsional'noy identichnosti, tolerantnosti, ksenofobii i antisemitizma v sovremennoy Ukraine (Factors of National Identity, Tolerance, Xenophobia and Anti-Semitism in modern Ukraine) // *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2006, No. 1, pp. 26-38.]; Паниотто Владимир. Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994-2007) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 197-213. [Paniotto, Vladimir. Dinamika ksenofobii i antisemitizma v Ukraine (1994-2007) (Dynamics of Xenophobia and Anti-Semitism in Ukraine (1994-2007)) // *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2008, No. 1, pp. 197-213.]

¹⁶ Напр.: Dymerskaya-Tsigelman, Liudmila; Finberg, Leonid. Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy (Analysis of Current Trends in Antisemitism 14). Jerusalem: SICSA, 1999; Rudling, Per Anders. Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition // *Science in Context*, 2019, No. 32, pp. 67-91.

¹⁷ Luks, Leonid. Vergeblicher Versuch, den Holocaust 'rational' zu erklären // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 2004, No. 8(1), pp. 301-309; Hanеbrink, Paul. A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.

¹⁸ Yurchuk, Yuliya. Reclaiming the Past, Confronting the Past: OUN-UPA Memory Politics and Nation-Building in Ukraine (1991-2016). In Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila and Tatiana Zhurzhenko, eds. War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus. New York: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 107-137; Химка, Іван-Павло. Українсько-єврейські взаємини: Від історії до пам'яті. Київ: Дух і Літера, 2019; Rudling, Per Anders. Tarnished Heroes:

The Organization of Ukrainian Nationalists in the Memory Politics of Post-Soviet Ukraine. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2020.

¹⁹ Напр.: Липовецький Святослав. Організація українських націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби. Київ: Українська видавнича спілка, 2010; Панченко В.Г. Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр. / Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. No. 30. Pp. 38-41; Rudling, Per Anders. The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda. In Ruth Wodak and John E. Richardson, eds. Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text. London: Routledge, 2013. Pp. 228-255.

²⁰ Kubicek, Paul. What Happened to the Nationalists in Ukraine? // *Nationalism and Ethnic Politics*, 1999, No. 5(1), pp. 29-45.

²¹ Mudde, Cas. Warum ist der Rechtsradikalismus in Osteuropa so schwach? // *Osteuropa*, 2002, No. 52(5), pp. 626-630.

²² Umland, Andreas. Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // *Ukraine-Analysen*, 2008, No. 41, pp. 7-10.

Таблица 1.

**Электоральные успехи основных украинских крайне правых партий
в президентских выборах и пропорциональных частях парламентских выборов в 1998-2019 гг.
в процентном отношении (Заштрихованные строки: президентские выборы)*****

Партия/союз	Блок «Национальный фронт» (КУН, УКРП & УРП) / УРП / КУН	УНА / УНА- УНСО / ПС	Блок «Меньше слов» (ВПО-ДСУ & СНПУ) / ВОС
Выборы			
1998 (парламентские)	2,71 («Нацфронт»)	0,39 (УНА)	0,16 («Меньше слов»)
1999 (президентские)			
2002 (парламентские)		0,04 (УНА)	
2004 (президентские)	0,02 (Козак, ОУН)	0,17 (Корчинский)	
2006 (парламентские)		0,06 (УНА)	0,36 (ВОС)
2007 (парламентские)			0,76 (ВОС)
2010 (президентские)			1,43 (Тягнибок)
2012 (парламентские)		0,08 (УНА-УНСО)	10,44 (ВОС)
2014 (президентские)		0,70 (Ярош)*	1,16 (Тягнибок)
2014 (парламентские)	0,05 (КУН)	1,81 (ПС)	4,71 (ВОС)
2019 (президентские)			1,62 (Кошулинский)
2019 (парламентские)			2,15 (ВОС)**

* На президентских выборах 2014 года Дмитрий Ярош формально баллотировался как независимый кандидат, однако он был публично известен как лидер ПС.

** Избирательный список «Свободы» для парламентских выборов 2019 года объединил представителей всех более или менее значимых украинских крайне правых политических партий, но был официально зарегистрирован как список только ВОС.

*** Umland, Andreas. The Right-Wing Extremisms of Post-Soviet Russia and Ukraine, 1991-2014: Hypotheses on Differences in Their Permutation and Performance / Presentation to the Danyliw Seminar on Contemporary Ukraine, University of Ottawa, 2 November, 2014.

Аббревиатуры: ВОС – *Всеукраїнське об'єднання «Свобода»* [Всеукраинское объединение «Свобода»], ВПО-ДСУ – *Всеукраїнське політичне об'єднання «Державна самостійність України»* [Всеукраинское политическое объединение «Государственная независимость Украины»], КУН – *Конгрес українських націоналістів* [Конгресс украинских националистов], ОУН – *Організація українських націоналістів* [Организация украинских националистов], ПС – *Правий сектор* [Правый сектор], СНПУ – *Соціал-національна партія України* [Социал-национальная партия Украины], УКРП – *Українська консервативна республіканська партія* [Украинская консервативная республиканская партия], УРП – *Українська республіканська партія* [Украинская республиканская партия], УНА – *Українська національна асамблея* [Украинская национальная ассамблея], УНСО – *Українська народна самооборона* [Украинская народная самооборона].

Table 1. Electoral successes of the main Ukrainian extreme right parties in the presidential elections and proportional parts of the parliamentary elections in 1998-2019. as a percentage (Shaded rows: presidential election)

националистов, и с исторической, и со сравнительной точек зрения примечательны, если не удивительны²³. Такое впечатление складывается, если рассматривать этот украинский феномен на фоне вообще-то благоприятных условий для подъема ультра-националистов с 1991 года в Украине и одновременного роста различных популистских и крайне правых партий как во многих других странах Восточной, так и в некоторых государствах Западной Европы. От России

²³ Шеховцов, Антон. Всеукраїнське об'єднання «Свобода»: проблема легітимності боротьби за владу // *Україна Модерна*, 2013, No. 20, pp. 171-213.

(напр. ЛДПР) и Сербии (напр. Радикальная партия Сербии) до Франции (напр. «Национальный фронт») и Италии (напр. «Северная лига»), в течение последних тридцати лет, ультранационалистические партии несколько раз относительно успешно выступали на национальных выборах²⁴.

²⁴ Среди сравнительных исследований европейских крайне правых, которые, в отличие от большинства других подобных исследований, включают рассмотрения постсоветских украинских ультранационалистов: Ramet, Sabrina (ed.). *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press,

Даже когда значительная часть русскоговорящего и явно не украино-центристского электората Украины в Крыму, на Донбассе и в России не могла, из-за российско-украинской войны, участвовать в президентских и парламентских выборах 2014 и 2019 годов, эти дополнительные благоприятные условия не привели к избирательному прорыву украинского партийного ультранационализма. Сохраняющаяся общеполитическая незначительность правого экстремизма в законодательной и исполнительной ветвях центральной власти Украины привела, среди прочего, к тому, что академические исследования его современных проявлений остаются недостаточно развитыми.²⁵ Это отличает сегодняшнее состояние исследований постсоветских украинских правых радикалов от, с недавних пор, явного подъёма академического освещения исторического украинского интегрального национализма межвоенного и военного времён и памяти о нём в независимой Украине²⁶.

1999; Mammone, Andrea; Godin, Emmanuel; Jenkins, Brian (eds.). *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe: From Local to Transnational, Extremism and Democracy*. London: Routledge; Ruth Wodak, Brigitte Mral, and Majid KhosraviNik, eds., 2013. *Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. London: Bloomsbury Academic.

²⁵ Umland, Andreas. Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's Introduction // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 3-10.

²⁶ См., напр.: Zaitsev, Oleksandr. Ukrainian Integral Nationalism in Quest of a 'Special Path' (1920s-1930s) // *Russian Politics & Law*, 2013, No. 5, pp. 11-32; Rossoliński-Liebe, Grzegorz. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2014; Struve, Kai. *Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine*. München: DeGruyter-Oldenbourg, 2015; Shkandrij, Myroslav. *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929-1956*. New Haven, CT: Yale University Press, 2015; Gomza, Ivan. *Elusive Proteus: A Study in the Ideological Morphology of the Organization of Ukrainian Nationalists // Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 2-3, pp. 195-207.

Короткий подъем «Свободы» в 2012-2014 гг.

За постсоветский период всего два года одна крайне правая партия, Всеукраинское объединение «Свобода» во главе с Олегом Тягнибоком, имела небольшую фракцию в одномпалатном национальном законодательном органе Украины – Верховной Раде (Верховном Совете), с 12 декабря 2012 года по 27 ноября 2014 года, получив 37 из 450 мест в парламенте²⁷. В течение примерно девяти месяцев у «Свободы» было, помимо этого, несколько министров в первом постреволюционном правительстве Украины в период с конца февраля до конца ноября 2014 года. На тот момент это обстоятельство вызывало международное беспокойство, в связи со, среди прочего, известными антисемитскими тенденциями в «Свободе»²⁸.

Тем не менее, относительный успех «Свободы» с результатом в 10,44% в пропорциональной части парламентских выборов в октябре 2012 года и ее включение в первое правительство после Евромайдана оказалось единственным коротким и, в целом, непоказательным эпизодом (см. Таб. 1). Кроме того, относительный успех крайне правых в 2012-2014 годах был следствием особых политических условий того времени²⁹. Специфические обстоятельства – как вскоре выяснилось, только временного – подъёма «Свободы», а также ее относительно образованный, проевропейский и городской электорат в октябре 2012 года уже тогда указывали на то, что ее относительно вы-

²⁷ Shekhovtsov, Anton. From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-Right Party Svoboda. In Wodak, Mral, and Khosravini, *Right Wing Populism in Europe*, 2013. Pp. 249-263.

²⁸ Лихачев В. Место антисемитизма в идеологии и пропаганде Всеукраинского объединения 'Свобода' // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 9(1). С. 111-134. [Likhachev, V. Mesto antisemitizma v ideologii i propagande Vseukrainskogo ob'yedineniya 'Svoboda' (The Place of anti-Semitism in the Ideology and Propaganda of the All-Ukrainian Association 'Freedom') // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2013, No. 9(1), pp. 111-134.]

²⁹ Likhachev, Viacheslav. Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 59-74.

сокая поддержка среди тогдашних украинских избирателей была скорее исключительным, нежели симптоматичным явлением³⁰.

Среди прочего, краткое продвижение «Свободы» в политику на национальном уровне было частично спровоцировано активизацией российской медиа-кампании и дипломатической активности, направленной против поворота Украины на Запад в результате «Оранжевой революции» и избрания умеренного националиста Виктора Ющенко президентом в конце 2004 года³¹. Временный взлет «Свободы» также можно частично объяснить организационным беспорядком в национал-демократическом лагере, парламентские фракции которого в 2007-2012 годах имели достаточно мандатов для формирования большинства в Верховной Раде. Тем не менее, «оранжевые» силы (названные так в память о восстании 2004 года) не смогли удержать часть своих депутатов в своих фракциях после того, как весной 2010 года потеряли президентство и к власти пришел Виктор Янукович³².

Вступление «Свободы» в Верховную Раду после парламентских выборов 2012 года было, прежде всего, реакцией на явно пророссийскую деятельность различных

членов нового украинского правительства с 2010 года³³. Своей явно пророссийской культурной и внешней политикой новоизбранный президент Виктор Янукович и его команда в течение почти двух лет радикализировали большую часть патриотического, в том числе и неэкстремистского электората Украины³⁴. Более того, в 2010-2012 гг. предпринимались очевидные попытки «политтехнологов» Януковича искусственно увеличить присутствие в СМИ тогда еще внепарламентских украинских крайне правых, в первую очередь представителей ВО «Свобода», для того, чтобы разделить общий украинский патриотический электорат и партийный спектр, и чтобы получить, в виде «Свободы», удобного спарринг-партнера для будущих выборов³⁵.

В то же время ряд депутатов, которые были избраны на предыдущих парламентских выборах 2007 года по спискам прозападных блоков «Наша Украина – Народная самооборона» и Юлии Тимошенко, предали в 2010 году свои парламентские мандаты после того, как Янукович стал президентом. Эти политики были в 2007 году избраны в парламент как национал-демократические депутаты по закрытым спискам. Но эти так называемые «тушки» весной-летом 2010 года перешли в пророссийскую правящую коалицию, поддерживающую кабинет явно пророссийски и евроскептически настроенного нового премьер-министра Николая Азарова, несмотря на то, что их избрали как представителей «оранжевых» политических бло-

³⁰ Белицер Наталья. Всеукраинское объединение «Свобода» и его электорат, 2012-2013 // Идеология и политика. 2013. № 2(4). Пp. 8-92. [Belitser Natal'ya. Vseukrainskoye ob'yedineniye «Svoboda» i yego elektorat, 2012-2013 (All-Ukrainian Association «Freedom» and Its Electorate, 2012-2013) // *Ideologiya i politika*, 2013, No. 2(4), pp. 8-92.]

³¹ О различных аспектах этого феномена: Umland, Andreas. Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland // *Osteuropa*, 2009, No. 59(11), pp. 109-120; Motyl, Alexander. Understanding Ukraine's Ultranationalist Support // *World Affairs*, 9 December 2012. Mode of access: <https://lingualeo.com/ru/jungle/understanding-ukraine039s-ultranationalist-support-162651>

³² Umland, Andreas. Does Yanukovich's Coalition Government Have a Popular Mandate? The 'Tushki' and Decline of Ukrainian Representative Democracy // *Foreign Policy Journal*, 27 March 2010. Mode of access: www.foreignpolicyjournal.com/2010/03/27/does-yanukovichs-coalition-government-have-a-popular-mandate/

³³ Likhachev, Viacheslav. Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of "Svoboda." Kyiv: EAJC, 2013.

³⁴ Moser, Michael. Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine Under President Viktor Yanukovich. 25 February 2010 – 28 October 2012. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2013.

³⁵ Umland, Andreas. Ukraine Right-Wing Politics: Is the Genie out of the Bottle? // *Open Democracy*, 3 January 2011. Mode of access: <http://www.opendemocracy.net/od-russia/andreas-umland/ukraine-right-wing-politics-isgenie-out-of-bottle>; Атанасов, Віталій. Особливості націонал-радикальної джинси // *Спільне: журнал соціальної критики*, 13 травня 2011. Mode of access: <https://commons.com.ua/uk/osoblivosti-natsional-radikalnoyi-dzh/>

ков Ющенко и Тимошенко³⁶. На этом фоне одно из ключевых предвыборных обещаний «Свободы» 2012 года – и, можно отметить, должным образом реализованное обязательство – заключалось в том, что ее кандидаты в депутаты в случае избрания в Раду не предадут мандатов своих избирателей³⁷.

После победы «Революции достоинства» в начале 2014 года «Свобода» с несколькими министрами вошла в первый, переходный кабинет министров Арсения Яценюка после Евромайдана. Это, опять-таки, произошло, помимо прочего, из-за явных разногласий в «оранжевом» лагере. Включение «Свободы» в новое правительство явилось, в частности, результатом расхождений между двумя основными национально-демократическими фракциями, Всеукраинским союзом «Батькивщина» (Отечество), с одной стороны, и «УДАР» (Украинский альянс за демократические реформы), с другой. Распри среди национал-демократов в итоге привели к исключению УДАРа из постреволюционного временного правительства, хотя лидер этой партии Виталий Кличко был активным участником Евромайдана и на момент победы революции самым популярным политиком Украины. Чтобы избежать однопартийного кабинета, в конце февраля 2014 «Батькивщина» передала «Свободе» четыре правительственных поста – а именно, должности министра обороны (Игорь Тенюх), министра аграрной политики и продовольствия (Игорь Швайка), министра экологии и природных ресурсов (Андрей Мохник), одного вице-премьера (Александр Сыч), а также Генерального прокурора.

В течение следующих девяти месяцев «Свобода» Тягнибока во многом следовала политическому лидерству национал-демократов в правительстве. Например, ми-

нистр обороны от «Свободы» Игорь Тенюх (который подал в отставку уже в конце марта 2014 года) согласился и поддержал спорное решение украинского руководства не противостоять военным путём насильственной аннексии Крыма Россией³⁸ в феврале-марте 2014 года – позиция, которая неоднократно критиковалась разными праворадикальными активистами. В сентябре 2014 года парламентская фракция «Свобода» единогласно проголосовала за ратификацию Соглашения об ассоциации Украины с ЕС – в сравнительном отношении необычное поведение для европейской крайне правой партии.

Это и ряд других аспектов тогдашней «Свободы» озаменовали её определённый сдвиг в сторону политического центра во время и после Евромайдана. Как указано, дальнейшие благоприятные для украинских этно-центристов изменения в составе общего электората Украины произошли в результате, как я считаю, аннексии Крыма и войны на Донбассе³⁹, приведших к исключению из голосования миллионов избирателей, которые вряд ли когда-либо проголосовали бы за украинские этно-центристские партии. Тем не менее, «Свобода» потеряла более половины своей поддержки в процентном выражении на

³⁸ Российская официальная позиция по вопросу воссоединения изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым. Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26. *Прим ред.*

³⁹ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым. Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 478 с. *Прим ред.*

³⁶ Термин «тушки» (предатели своих мандатов) не следует путать с «титущками» (политическими головорезами) – лейблом, который появился только позже, с другой этимологией и другим значением.

³⁷ Likhachev, Viacheslav. Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They Got There and What We Can Expect of Them // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 75-85.

парламентских выборах в октябре 2014 года по сравнению с ее результатом на предыдущих выборах Верховную Раду в октябре 2012 года (*См. Таб. 1*)⁴⁰. С результатом в 4,7% в пропорциональной части она не прошла пятипроцентный барьер, и получила лишь несколько парламентских мест в 8-й Верховной Раде 2014-2019 годов через избрание некоторых своих кандидатов в одномандатных округах.

На следующих парламентских выборах в июле 2019 года избирательная поддержка «Свободы» вновь сократилась более чем вдвое и составила всего 2,15%. Это произошло, несмотря на упомянутое выше благоприятное для ультранационалистов изменение голосующего населения Украины в 2014 году, пять лет войны с Россией и, в отличие от октября 2014 года, успешное формирование единого списка крайне правых сил, который включил все релевантные украинские этно-центристские партии (*См. Таб. 1*). Таким образом, по состоянию на начало 2020 года, ультраправое политическое движение Украины, в целом, и ведущая украинская ультранационалистическая партия, в частности, снова оказались на позициях, на которых они находились в середине 2000-х годов после ребрендинга бывшей Социал-национальной партии во Всеукраинское объединение «Свобода».

Полномасштабная революция, межгосударственная война, территориальные потери, многие социальные и другие лишения, которые произошли в Украине в результате Евромайдана, как это ни парадоксально, не помогли украинскому партийному ультранационализму на электоральном поле. Вместо этого, коренные изменения украинского общества с конца 2013 года, привели к – или, по крайней мере, не помешали – новой относительной общенациональной маргинализации украинских праворадикальных партий в результате парламентских выборов 2014 и 2019 годов⁴¹.

⁴⁰ Shekhovtsov, Anton. From Electoral Success to Revolutionary Failure: The Ukrainian Svoboda Party // Eurozine, 5 March 2014. Mode of access: <http://www.eurozine.com/articles/2014-03-05-shekhovtsov-en.html/>

⁴¹ Bertelsen, Olga (ed.). Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016.

Украинский ультранационалистический потенциал

Тем не менее, Украина не является, как сательство её постсоветского правого экстремизма, исключением во всех отношениях, поскольку она, как и большинство европейских стран, имела и имеет дифференцированный спектр соответствующих партий, который начал появляться уже в конце 1980-х годов⁴². Как и в других ультраправых партиях по всему миру, антисемитизм был и остается характерной чертой дискурса некоторых из этих групп⁴³. С 1991 года около десятка более или менее радикально националистических политических организаций приняли участие в национальных, региональных и местных выборах (*См. Таб. 1*)⁴⁴. Иногда они создавали союзы либо друг с другом, либо с более умеренными партиями в избирательных целях⁴⁵. Кроме того, крайне правые, в той или иной мере, участвовали во всех трех недавних так называемых революциях в Украине, в «Революции на гра-

⁴² Nahaylo, Bohdan. Ukraine / RFE/RL Research Report: The Politics of Intolerance, 1994, No. 3(16), pp. 42-49; Бендза, Галина. УНА-УНСО: Нове обличчя? / Студії політологічного центру Генеза, 1997, No. 1, pp. 48-51; Kuzio, Taras. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine Before and After Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // *Nationalities Papers*, 1997, No. 25(2), pp. 211-242.

⁴³ Rudling, Per Anders. Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine. In Mammone, Godin, and Jenkins. Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe, 2012. Pp. 189-205.

⁴⁴ Васильченко С. 'Свобода' против всех: краткий обзор результатов радикальных правых на выборах 1994-2012 // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 9(1). С. 64-92. [Vasil'chenko, S. 'Svoboda' protiv vseh: kratkiy obzor rezul'tatov radikal'nykh pravyykh na vyborakh 1994-2012 ['Freedom' against All: a Brief Overview of the Results of the Radical Right in the 1994-2012 Elections] // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2013, No. 9(1), pp. 64-92.]

⁴⁵ Mierzejewski-Voznyak, Melanie. The Radical Right in Post-Soviet Ukraine. In Jens Rydgren, ed. The Oxford Handbook of the Radical Right, Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 608-629.

ните» 1990 года, в «Оранжевой революции» 2004 года и в «Революции достоинства» (т.е. «Евромайдане») 2013-2014 годов⁴⁶.

В руководстве крайне правых группировок Украины был и остается ряд видных персонажей с общенациональным признанием. Среди них

– Юрий Шухевич, сын командующего УПА 1943-1950 годов Романа Шухевича⁴⁷,

– Дмитрий Корчинский, яркий радикальный активист, часто выступающий в СМИ⁴⁸,

– Олег Тягнибок, лидер «Свободы» и кандидат в президенты в 2010 и 2014 годах,

– Дмитрий Ярош, один из основателей «Правого сектора» и кандидат в президенты в 2010 году,

– Андрей Билецкий, один из основателей батальона «Азов» и руководитель партии «Национальный корпус», или

– Руслан Кошулинский, зампредседатель 7-ой Верховной Рады и кандидат в президенты от «Свободы» в марте 2019 года⁴⁹.

⁴⁶ Kowal, Paweł; Mink, Georges; Reichardt, Adam; Reichardt, Iwona (eds.). *Three Revolutions: Mobilization and Change in Contemporary Ukraine I-II*. 2 vols. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2019.

⁴⁷ УПА – Українська повстанська армія: Украинская повстанческая армия, крупное националистическое антисоветское движение на Западной Украине 1940-х гг. О культе Романа Шухевича в постсоветской Украине: Rudling, Per Anders. *The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth Making with Complications // Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*, 2016, No. 5(1), pp. 26-65.

⁴⁸ О Корчинском см.: Умланд Андреас. Добровольческие вооруженные формирования и радикальный национализм в постмайданной Украине: некоторые особенности возникновения полка ‘Азов’ // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 141-178. [Dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya i radikal'nyy natsionalizm v poslemaidannoy Ukraine: nekotoryye osobennosti vozniknoveniya polka 'Azov' (Volunteer Armed Formations and Radical Nationalism in Post-Maid Ukraine: Some Features of the Emergence of the Azov Regiment) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, No. 13(1), pp. 141-178.]

⁴⁹ Надлежащая оценка фигуры Андрея Парубия – открыто ультра националистического активиста Социал-национальной партии Украины (СНПУ) в 1990-х годах, который, однако,

Помимо относительного успеха «Свободы» на парламентских выборах 2012 года, украинские крайне правые также имели успехи на региональных и местных выборах и в ряде одномандатных округов во время парламентских выборов – особенно в Галиции⁵⁰. Более того, как и ультра националисты в других европейских странах, крайне правые уже с 1990-х годов имели своих представителей в культурной, интеллектуальной и молодежной жизни, например, благодаря псевдонаучной расистской публицистике или растущей неонацистской музыкальной сцене⁵¹. В целом, различные формы более или менее радикального – хотя в основном либерального, а не интегрального – национализма с 2014 года завоевали популярность в украинском обществе, включая его русскоговорящие части⁵².

Иногда крайне правые партии и их лидеры соревновались между собой, например,

с середины 2000-х годов сместился в политический центр и, в конечном итоге, стал спикером украинского парламента в 2016-2019 гг. потребовала бы отдельного эмпирического исследования и политического обсуждения. Об СНПУ, см.: Iovenko, Artem. *The Ideology and Development of the Social-National Party of Ukraine, and its Transformation into the All-Ukrainian Union 'Freedom,' in 1990-2004 // Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 229-237.

⁵⁰ Shekhovtsov, Anton. “The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*, 2011, No. 63(2), pp. 203-228.; Olszański, Tadeusz A. *Svoboda Party: The New Phenomenon on the Ukrainian Right-Wing Scene / OSW Commentary* (56). 5 July 2011. Mode of access: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2011-07-05/svoboda-party-new-phenomenon-ukrainian-right-wing-scene>

⁵¹ Навр.: Ivakhiv, Adrian. In Search of Deeper Identities Neopaganism and ‘Native Faith’ in Contemporary Ukraine // *Nova Religio*, 2005, No. 8(3), pp. 7-38; Rudling, Per Anders. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence, and Ideology // *Canadian Slavonic Papers*, 2006, No. 48(1-2), pp. 81-119; Галушко, Кирило. І Битий шлях археології до нацизму, або які «теорії» ми обговорюємо? // Новітні міфи та фальшивки про походження українців | Ред: Юлія Олійник. Київ: Темпора, 2008. Рр. 11-28.

⁵² Kulyk, Volodymyr. Ukrainian Nationalism since the Outbreak of Euromaidan // *Ab Imperio*, 2014, No. 3, pp. 94-122.

во время президентских и парламентских выборов 2014 года. В других случаях, напротив, они сотрудничали (или, по крайней мере, не конкурировали) друг с другом, как во время президентских и парламентских выборов 2019 года. В 2017 году три основные ультраправые партии – «Свобода», «Национальный корпус» и «Правый сектор» – вместе с некоторыми другими, менее значительными группами провели широко разрекламированный совместный конгресс и вместе приняли т.н. «Национальный манифест», которому было уделено внимание не только в украинских, но и в международных средствах массовой информации⁵³.

Крайние правые так же, как и другие украинские политические лагеря, иногда страдали от внутренней борьбы и расколов, а иногда объединялись, в результате чего в постсоветской Украине всегда существовал разнообразный спектр ультранационалистических организации и ассоциации. Хотя не все более или менее значимые партии участвовали во всех выборах страны, в целом у Украины никогда не было дефицита «предложения» разнообразных форм политического экстремизма. Скорее, проблемой украинских правых радикалов было и остается отсутствие значимого «спроса» большинства граждан Украины на крайне националистическую идеологию, риторику и политику⁵⁴. На большинстве общенациональных выборов только небольшая или даже очень небольшая часть избирателей проголосовала за те или иные крайне правые группы или кандидаты⁵⁵.

Новым потенциальным ресурсом для ультранационалистов после Революции достоинства стал их гораздо более легкий до-

ступ к оружию и, отчасти, даже к тяжелому оружию⁵⁶. Тем не менее, и этот мощный инструмент – так же как и ново-созданные крайне правые организации и их растущая общественная респектабельность с 2014 года – оказался непригодным для внутривнутриполитических целей⁵⁷. В 2014 году все ведущие ультранационалистические организации организовали добровольческие батальоны, которые вышли на передовую⁵⁸. Тем самым они, как и многие другие части украинского общества, быстро и более или менее законно получили доступ к огнестрельному оружию, боеприпасам⁵⁹. Некоторые, как полк «Азов», также получили в распоряжение бронетехнику и артиллерию⁶⁰. Тем не менее, использо-

⁵⁶ Об этой проблематике см.: Ferguson, Jonathan; Jenzen-Jones, N.R. Raising Red Flags: An Examination of Arms and Munitions in the Ongoing Conflict in Ukraine / Armament Research Services Research Report, 2014. (3). Mode of access: <http://armamentresearch.com/Uploads/Research%20Report%20No.%203%20-%20Raising%20Red%20Flags.pdf>; Karmanau, Yuras. War Turns Ukraine into 'Supermarket' for Illegal Weapons // AP, 2016., 6 August. Mode of access: apnews.com/16ffe979bc2947ce9373079264232406/war-turns-ukraine-supermarket-illegal-weapons; Martyniuk, Anton. Measuring Illicit Arms Flows: Ukraine / Small Arms Survey Briefing Paper, April 2017. Mode of access: www.smallarmssurvey.org/about-us/highlights/2017/highlight-bp-ukraine.html

⁵⁷ Мои наблюдения противоречат наблюдениям: Aliyev, Huseyn. Bewaffnete Freiwilligenbataillone: Informelle Machthaber in der Ukraine // *Ukraine-Analysen*, 2018, No. (205), pp. 2-5.

⁵⁸ Shekhovtsov, Anton. Radikale Parteien, irreguläre Verbände: Ukrainische Milizen aus dem rechtsextremistischen Milieu // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 149-162; Fedorenko, Kostiantyn; Umland, Andreas. Zwischen Front und Parlament: Freiwilligenverbände und Parteien in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 163-176.

⁵⁹ Heinemann-Grüder, Andreas. Geiselnehmer oder Retter des Staates? Irreguläre Bataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 51-80; Zajaczkowski, Johan. Homogenität und Fragmentierung: Ukrainische Freiwilligenbataillone im Wandel // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 81-102.

⁶⁰ Bezruk, Tetjana; Umland, Andreas. Der Fall Azov: Freiwilligenbataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 33-42.

⁵³ Umland, Andreas. Will Ukraine's Far-Right Parties Fail Again in 2019? / Forum for Ukrainian Studies, 14 March 2019. Mode of access: ukrainian-studies.ca/2019/03/14/will-ukraines-far-right-parties-fail-again-in-2019/

⁵⁴ Shekhovtsov, Anton; Umland, Andrea. Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultrarightists in 1994-2009 // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 33-58.

⁵⁵ Bustikova, Lenka. Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical 'Freedom' Party? // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 239-256.

вание этого оружия новыми военизированными формированиями, в том числе и теми, которые были созданы крайне правыми активистами, во внутривластных целях – своего рода «веймарский сценарий», которого многие опасались в 2014 году – осталось и остаётся на 2020 год табу в Украине⁶¹.

Существует ряд других, связанных с войной, внутренних тенденций, которые способствуют или могли бы способствовать политическому подъёму правого радикализма, такие как возникновение народных и нередко националистических муниципальных дружин для поддержания местного правопорядка после 2014 года⁶². Были случаи, когда различные отдельные правые группы уже применяли огнестрельное оружие в локальных политических или экономических стычках. Тем не менее, до начала 2020 года эти эпизоды оставались исключениями; они не меняли кардинальным образом жизнь крупных городов и остались скорее знаками тех или иных негативных локальных развитий, чем индикаторами национального политического восхождения крайне правых. Украинское центральное правительство и гражданское общество, в целом, до сих пор были успешными в предотвращении применения оружия на улицах Киева и региональных столиц.

Этно-центристское «негражданское общество»

Таким образом, многие украинские ультраправые активисты с политическими амбициями вынуждены были после Евромайдана ограничиться региональной и местной избирательной политикой или

оставаться в рамках того, что в течение последних 30 лет стало называться в международных сравнительных исследованиях правого радикализма «негражданским обществом»⁶³. Этот термин обозначает категорию социальных групп, ассоциаций или сетей, которые не действуют ни как коммерческие, ни как партийные организации, и поэтому могут рассматриваться как части гражданской сферы, а не политического или экономического общества⁶⁴. В то же время идеи, цели, сети и действия этих «негражданских» НПО прямо или косвенно являются антидемократическими⁶⁵. Некоторые из них готовы использовать силу и даже оружие⁶⁶. Следовательно, они не продвигают в узком демократическом смысле гражданские ценности, основанные на равноправии, толерантности и плюрализме⁶⁷.

Такие «негражданские» НПО могут помочь своим членам, подобно обычным гражданским организациям, развить полезные организационные, интеллектуальные, риторические, эмоциональные и другие навыки, а также обеспечить точки входа в политику и карьерные лестницы для своих активистов⁶⁸. Но по мере того, как эти способности и достижения развиваются в группировках, не поддерживающих либеральную демократию и не способствующих ее функционированию, приобретенные умения и связи в таких НПО применяются не

⁶¹ Обукраинских добровольческих батальонах в целом, см.: Sergackova, Ekaterina. "Freiwillig: Kleines Who's Who ukrainischer Bataillonskommandeure // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 23-32; Puglisi, Rosaria. Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine / IAI Working Papers, 2015, No. 15(8); Malyarenko, Tetyana; Galbreath, David J. Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, No. 16(1), pp. 113-138.

⁶² Shukan, Ioulia. Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odessa (2014-2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2020, No. 11(3), pp. 71-104.

⁶³ Kopecky, Petr; Mudde, Cas, eds. *Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe*. London: Routledge, 2012.

⁶⁴ Boyd, Richard. *Uncivil Society: The Perils of Pluralism and the Making of Modern Liberalism*. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

⁶⁵ Piotrowski, Grzegorz. Civil Society, Un-Civil Society and the Social Movements // *Interface: A Journal for and about Social Movements*, 2009, No. 1(2), pp. 166-189.

⁶⁶ Payne, Leigh A. *Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000.

⁶⁷ Chambers, Simone; Kopstein, Jeffrey. Bad Civil Society // *Political Theory*, 2001, No. 29(6), pp. 837-865.

⁶⁸ Berman, Sheri. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // *World Politics*, 1997, No. 49(3), pp. 401-429.

в пользу демократического развития общества, когда они используются в партийно-политической, избирательной и правительственной сферах⁶⁹. Поэтому, когда лидерам или членам «негражданской» организации удастся войти в политику, есть вероятность, что они будут использовать опыт и контакты, накопленные в подобных НПО, чтобы подорвать, а не поддержать демократический строй страны⁷⁰.

На протяжении почти всей украинской постсоветской истории большинство украинских крайне правых активистов вообще не имели доступа или же только временно входили в национальное политическое общество⁷¹. Но они участвовали и продолжают участвовать в различных НПО, и особенно активно после 2014 года, когда гражданское общество в целом стало играть более важную роль в Украине в результате Евромайдана⁷². Иногда самопровозглашенные партии превращаются в де-факто-НПО, когда они остаются бесперспективными как политические силы, но продолжают свою активную внутреннюю и публичную жизнь.

Например, такие организации как «Правый сектор» и «Национальный корпус», явно хотели бы иметь как можно большую политическую власть и занимать важные позиции в украинском государстве. Изначально они выросли из маленьких домайданных полу-

партийных «группускулярных» ассоциаций на краю политической жизни Украины⁷³. Однако, после их медийной «раскрутки» – не в последнюю очередь, в российских и пророссийских СМИ – во время и после Евромайдана, эти группки развили политические амбиции. Это было задокументировано, среди прочего, членством бывшего лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша и нынешнего лидера «Национального корпуса» Андрея Билецкого – оба, кстати, выходы из Восточной Украины – в качестве депутатов в 8-й Верховной Раде 2014-2019 годов. Однако, поскольку большинство крайне правых политических активистов только временно, как Ярош и Билецкий, или вообще не смогло войти в какие-либо центральные государственные институты, они разворачивают активность скорее в гражданском, а не в политическом обществе⁷⁴.

«Правый сектор» в конце 2013 года вырос из разнородной сети различных националистических групп, объединившихся вокруг военизированного спортивного клуба «Трезубец Степана Бандеры» под руководством Дмитрия Яроша. Весной 2014 года «Правый сектор» основал нерегулярное вооруженное подразделение Добровольческий украинский корпус (ДУК)⁷⁵. Политическая партия «Национальный корпус» во главе с Билецким же была создана только более чем год после Евромайдана и выросла из двух группировок, существовавших до Евромайдана – «Патриота Украины» и Социал-национальной ассамблеи⁷⁶. Их лиде-

⁶⁹ Pedahzur Ami; Weinberg, Leonard. Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2001, No. 2(1), pp. 52-72.

⁷⁰ Umland, Andreas. Der Begriff der 'unzivilen Gesellschaft' als Instrument der historischen und aktuellen Rechtsextremismusforschung // *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 2008, No. 21(4), pp. 63-67.

⁷¹ Об аналогичной ситуации до недавнего времени в Германии см.: Backes, Uwe; Mudde, Cas. Germany: Extremism without Successful Parties // *Parliamentary Affairs*, 2000, No. 53(3), pp. 457-468.

⁷² Falsini, Sophie. The Euromaidan's Effect on Civil Society: Why and How Ukrainian Social Capital Increased after the Revolution of Dignity. Stuttgart: ibidem-Verlag; Olga Burluk and Natalia Shapovalova, eds. 2018. *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2018.

⁷³ О концепции «группускулярные правые» см.: Griffin, Roger. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // *Patterns of Prejudice*, 2003, No. 37(1), pp. 27-50.

⁷⁴ Shapovalova, Natalia. The Two Faces of Conservative Civil Society in Ukraine / *Carnegie Europe*, 4 October 2018. Mode of access: carnegieeurope.eu/2018/10/04/two-faces-of-conservative-civil-society-in-ukraine-pub-77374

⁷⁵ Likhachev, Viacheslav. The 'Right Sector' and Others: The Behavior and Role of Radical Nationalists in the Ukrainian Political Crisis of Late 2013 – Early 2014 // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 257-271.

⁷⁶ Umland, Andreas. Irregular Militias and Radical Nationalism in Post-Euromaidan Ukraine: The Prehistory and Emergence of the 'Azov' Battalion in 2014 // *Terrorism and Political Violence*, 2019, No. 31(1), pp. 105-131.

ры сформировали летом 2014 года ядро добровольческого батальона «Азов», ветераны и сочувствующие которого, в свою очередь, основали партию «Национальный корпус» в октябре 2015 года.

Как «Правый сектор», так и «Национальный корпус» в значительной степени приобрели сегодняшние признание и славу благодаря раннему и добровольному участию своих членов в войне Украины против России на Донбассе в 2014-2015 годах⁷⁷. Крошечные группки-предшественники «Правого сектора» и «Национального корпуса» едва ли были известны украинцам и ускользнули от внимания даже многих украинских политологов. И все же Ярош, Билецкий и другие бывшие маргинальные активисты с 2014 года стали украинскими национальными героями в результате их широко разрекламированного участия в войне на Донбассе⁷⁸. Ярош даже получил ранение в бою. Участие крайне правых националистов в войне, часто в составе их собственных добровольческих батальонов, привело к значительному увеличению их публичного авторитета, общественного положения, политической легитимности и общей популярности в Украине⁷⁹.

Но, парадоксальным образом, резкий рост международной известности и национальной приемлемости украинских ультра-националистов с 2014 года – в результате,

в том числе, и активной поддержке телеканалов и сайтов, управляемых Кремлем – не привел их к электоральным успехам, по крайней мере, не в общенациональных выборах.⁸⁰ Можно было ожидать увеличения – возможно, даже высокого прыжка – избирательной поддержки крайне правых после их активного, видного и широко одобряемого участия сначала в Революции достоинства, а потом в российско-украинской войне в 2013-2014 годах⁸¹. Напротив, как упоминалось выше, поддержка избирателями «Свободы» на парламентских выборах 2014 года резко упала по сравнению с парламентскими выборами 2012 года, и, несмотря на пятилетнюю войну, еще больше уменьшилась на парламентских выборах 2019 года. Кандидаты в президенты от «Свободы» выступили с ещё более скромной поддержкой в менее чем 2%, в 2014 и 2019 годах, т.е. с итогами, подобными результату Тягнибока на президентских выборах в 2010 довоенном году (См. Таб. 1).

Примечательно, насколько стабильной осталась низкая поддержка украинскими избирателями крайне правых партии в два очень разных периода новейшей истории Украины: до и после Евромайдана. Это тем более удивительно, учитывая, что украинское общество с 2014 года находилось в состоянии постоянного психологического и социального

⁷⁷ Лихачев Вячеслав. Украинские национал-радикалы против пророссийских «сепаратистов»: уличная война (февраль-май 2014) / Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. No. 13(1). pp. 128-140. [Likhachev, Vyacheslav. Ukrainiyskiye natsional-radikaly protiv prorossiyskikh «separatistov»: ulichnaya voyna (fevral'-may 2014) (Ukrainian National Radicals Against Pro-Russian “Separatists”: Street Warfare (February-May 2014)) / *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, No. 13(1), pp. 128-140.]

⁷⁸ Likhachev, V. The Far Right in the Conflict between Russia and Ukraine / Notes del l'Ifri: Russie.Nei.Visons, 2016. No. 95. Mode of access: <https://www.ifri.org/en/publications/notes-del-ifri/russieneivisions/far-right-conflict-between-russia-and-ukraine>.

⁷⁹ Likhachev, V. Democracy Study Centre 2018 Lecture / DSC Team, 20 December 2018. Mode of access: www.youtube.com/watch?v=4ob1eu7uziw&t=306s.

⁸⁰ Shekhovtsov, Anton; Umland, Andreas. Ukraine's Radical Right // *Journal of Democracy*, 2014, No. 25(3), pp. 58-63.

⁸¹ Fedorenko, Kostiantyn. The Two Movements: Liberals and Nationalists during Euromaidan // *Ideology and Politics*, 2015, No. 1(5), pp. 4-35; Ищенко В. Участие крайне правых в протестных событиях Майдана: Попытка систематического анализа // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 103-127. [Ishchenko, V. Uchastiye krayne pravyykh v protestnykh sobyitiyakh Maydana: Popytka sistematicheskogo analiza (Participation of the Extreme Right in the Protest Events of the Maidan: An Attempt of a Systematic Analysis) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, № 13(1), pp. 103-127]; Katchanovski, Ivan. The Far Right, the Euromaidan, and the Maidan Massacre in Ukraine // *Journal of Labor and Society*, 2019. Mode of access: <https://doi.org/10.1111/lands.12457>

стресса в результате непрекращающихся военных действий (хотя и, в основном, низкой интенсивности) в Донбассе, потери⁸² Крыма и разными невооружёнными формами гибридной кремлевской войны против Украины⁸³. Можно было ожидать, что это послужит благоприятным фоном для этно-центристских идей и лозунгов и приведёт к росту поддержки ультранационалистических групп. Однако, по крайней мере, до начала 2020 года в Украине не произошло ничего похожего на потрясающие успехи крайне правых партий в ряде других европейских стран.

Растущая социальная вовлеченность ультраправых

Несмотря на эту относительно позитивную картину и, к началу 2020 года, продолжающуюся слабость украинских ультранационалистов в национальных опросах общественного мнения, для международных правозащитных и исследовательских структур тщательный мониторинг крайне правой среды в Украине остается на повестке дня. Украинские ультранационалистические группы пока не имеют и, видимо, в обозримом будущем не будут иметь возможности войти, как таковые, в центральные властные структуры. Однако, они остаются

⁸² Автор статьи использует термин аннексия. Российская правовая позиция по этому вопросу изложена в работе: Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс, 2020. 478 с. *Прим ред.*

⁸³ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс, 2020. 478 с. *Прим ред.*

заметными как – часто, правда, невольно – полу-политические публичные организации и активно участвуют в общественной жизни Украины после Евромайдана⁸⁴.

Будучи в значительной степени исключенными из национальной политики, многие ультранационалисты переключились на различные проекты в рамках украинского «негражданского общества» в самых разных областях, от дискуссии исторической памяти и активности против ЛГБТ до борьбы против экологических проблем и за защиту животных.⁸⁵ Иногда крайне правым группам удавалось и удается получать различные виды государственной поддержки для своей деятельности, например, в рамках отдельных программ в области безопасности, поддержки ветеранов и образования⁸⁶.

Активное участие многих крайне правых активистов в российско-украинской войне в качестве добровольных солдат снизило их изоляцию, стигматизацию и неприятие в украинском обществе, включая политический и культурный истеблишмент Украи-

⁸⁴ Черемис В. Моніторинг конфронтації та насильства ультраправих в Україні 15.10.18-15.05.19. Київ: Інститут «Республіка», 2019.

⁸⁵ Напр.: Ганкевич Р. Праворадикали з С14 побили організатора нападу на Володимира В'ятровича // *Zakhid.net*, 12 June 2017. Mode of access: https://zaxid.net/pravoradikali_z_s14_pobili_organizatora_napadu_na_volodimira_vyatrovicha_n1428404. Nonjon, Adrien. 'Pro zemliu ridnyy': Eco-nationalisme, Ecologie radicale de droite et Eco-fascisme dans l'espace ukrainien / Master Thesis, Universite Paris 8 2018. Mode of access: www.academia.edu/37673324/ПРО_ЗЕМЛЮ_РІДНИЙ_Eco-nationalisme_Ecologie_radicale_de_droite_et_Eco-fascisme_dans_lespace_ukrainien_A.NONJON_Mémoire_de_Master_2_; Anti-Equality Monitoring. A Tough Weekend for Ukraine's Anti-LGBT 'Exremists' // *Bellingcat*, 25 June 2019. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/25/a-tough-weekend-for-ukraines-anti-lgbt-exremists>

⁸⁶ Kuzmenko, Oleksiy. Ukrainian Far-Right Fighters, White Supremacists Trained by Major European Security Firm // *Bellingcat*, 30 August 2018. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2018/08/30/ukrainian-far-right-fighters-white-supremacists-trained-major-european-security-firm/>

ны⁸⁷. Уже до 2014 года среди политической элиты Украины была значительная готовность к сотрудничеству с крайне правыми. Это выразилось, например, в частичной кооперации умеренных и радикальных националистов в 7-й Верховной Раде, во время Революции достоинства и в переходном правительстве после Евромайдана⁸⁸. Тем не менее, эти союзы были скорее ситуативными и стратегическими, а не постоянными и идейными.

Однако, чем дольше длится вооруженный конфликт Украины с Россией, тем легче могут даже такие одиозные радикалы, как пресловутая неонацистская группка С14, интегрироваться в украинскую публичную жизнь⁸⁹. Не только в политическом и социальном, но и в культурном и ментальном плане расстояние между политическим центром и краем, гражданским и «негражданским» обществом, умеренными и радикальными националистическими группами, постепенно сокращается. Официальная риторика Украины, дискурс в средствах массовой информации, политика в области культуры и исторической памяти, с учетом ежедневных репортажей с фронта и еженедельных жертв войны, становятся все более воинственными и патриотическими. В результате этих явлений ране маргинальные исторические и нынешние украинские крайне правые идеи,

лидеры и организации приобрели общее общественное признание, если не частичную привлекательность для многих неэкстремистских украинских граждан⁹⁰.

В западных демократиях основная политическая разделительная линия сегодня проходит между, с одной стороны, сторонниками, а с другой – противниками культурного и социального либерализма. В сегодняшней Украине же основные политические вопросы, напротив, вращаются вокруг отношения гражданина или его группы к национальной независимости, войне с Россией, коррумпированной олигархической системе и международной ориентации Украины, причем последняя понимается скорее как геополитическое направление, а не нормативно-ценностная позиция⁹¹. Поскольку ответы на эти вопросы у ультранационалистов и этноцентристов Украины во многом схожи с ответами большинства украинских либералов и консерваторов, первые с каждым дополнительным годом войны становятся все более близкими к последним⁹².

В январе 2019 года постепенное приближение радикальных правых к украинскому мейнстриму выразилось, например, в неприкрытом присутствии лидера упомянутой неонацистской группки С14 Евгения

⁸⁷ Буткевич М. Сидіння за одним столом із людожерами дискредитує тих, хто людятину не їсть / Політична критика, 28 вересня 2018. Mode of access: <https://politykrytyka.org/2018/09/28/sidynnya-za-odnim-stolom-iz-lyudozherami-diskredituye-tih-hto-lyudyatynu-ne-yist/>

⁸⁸ Yakovchenko, Olexiy. Re-Consider the Inclusion of Svoboda into the CAD: Open Letter to the Leaders of Ukraine's Democratic Opposition Regarding the Inclusion of the «Svoboda» Party into the Committee Against Dictatorship / Change.org, 1 April 2012. Mode of access: www.academia.edu/12935216/Re-consider_the_inclusion_of_Svoboda_into_the_CAD_Open_Letter_to_the_Leaders_of_Ukraines_Democratic_Opposition_Regarding_the_Inclusion_of_the_Svoboda_Party_into_the_Committee_Against_Dictatorship.

⁸⁹ Штогрін І. 'С14' Націоналісти-радикали чи неонацисти? // Радіо Свобода, 19 березня 2018. Mode of access: <https://www.radiosvoboda.org/a/29109819.html>.

⁹⁰ Мовчан Сергій. Праві біля воріт, або перемога громадянського суспільства / Політична критика, 28 березня 2018. Mode of access: <https://politykrytyka.org/2018/03/28/pravi-bilya-vorit-abo-peremoga-gromadyanskogo-suspilstva/>

⁹¹ Исключением из этого правила стал инцидент в декабре 2019 года, когда украинская крайне правая студенческая группа пригласила про-русского итальянского неонациста Франко Фреда для презентации книги в Киево-Могилянской академии: Colborne, Michael. Ukraine's Far Right Is Boosting a Pro-Putin Fascist / *Bellingcat*, 22 January 2020. Mode of access: www.bellingcat.com/news/2020/01/22/ukraines-far-right-is-boosting-a-pro-putin-fascist/ Хотя до, во время и после Евромайдана было несколько подобных случаев, сотрудничество украинских ультранационалистов с прокремлевскими группировками западных крайне правых оставалось, по очевидным причинам, в целом незначительным.

⁹² Ishchenko Volodymyr. Nationalist Radicalization Trends in Post-Euromaidan Ukraine // PONARS Eurasia Policy Memo, 2018, No. 529. Mode of access: <http://www.ponarseurasia.org/memo/nationalist-radicalization-trends-posteuromaidan-ukraine>

Карася в составе украинской делегации, которая посетила Вселенский патриархат Константинополя в Стамбуле по случаю предоставления автокефалии новой Православной Церкви Украины⁹³. Публичное участие Караса в официальной церемонии вызвало скандал среди украинских правозащитников и международных наблюдателей правого радикализма в Восточной Европе⁹⁴. Однако, этот инцидент не вызвал особого внимания в украинском обществе, которое было более расстроено присутствием сомнительного украинского бизнесмена с криминальным прошлым на церковной церемонии в Стамбуле, чем присутствием Карася, хотя его группа С14 открыто использует фашистские символы⁹⁵.

Для молодой демократии в Украине наиболее опасным может в будущем стать, однако, не миниатюрная С14, и даже не «Свобода» или сегодня полностью маргинализированный «Правый сектор». Наиболее перспективным проектом на правом фланге сегодня представляется многоликое Азовское движение с его одноименным полком в Национальной гвардии, связями с руководством МВД, партией «Национальный корпус» и объединением для сохранения общественного порядка «Национальные дружины»⁹⁶. Хотя было

бы преувеличением классифицировать полк «Азов» как террористическую организацию⁹⁷, его различные политические и «негражданские» ответвления могут представлять собой самую большую долговременную правоэкстремистскую угрозу для украинского государства⁹⁸. Азовскому движению, в отличие от предыдущих украинских крайне правых проектов, удалось создать многомерную и отчетливо современную (и даже частично постмодернистскую) идентичность, которая привлекательна для части украинской молодежи и, в отличие от преимущественно западноукраинской поддержки «Свободы», не имеет региональных ограничений⁹⁹. Более того, Азовское движение тесно сотрудничает с зарубежными группами единомышленников¹⁰⁰. Его международное сотрудничество даже включает контакты с

Adrien. *Natsionalniy Druzhyny, les phalanges du 'Nouvel Ordre' ukrainien?* Kyiv, 2018. Mode of access: www.academia.edu/35957866/Natsionalniy_Druzhyny_les_phalanges_du_Nouvel_Ordre_ukrainien_pdf

⁹⁷ Shekhovtsov A. Why Azov Should not Be Designated a Foreign Terrorist Organization // *Ukraine Alert*, 24 February 2019. Mode of access: atlanticcouncil.org/blogs/ukrainealert/why-azov-should-not-be-designated-a-foreign-terrorist-organization/.

⁹⁸ Горбач Д.; Петик О. Азовский шлях: как ультраправое движение борется за место в политическом мейнстриме Украины // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 179-192. [Gorbach, D.; Petik, O. Azovskiy shlyakh: kak ultrapravoye dvizheniye boretsya za mesto v politicheskom meynstrime Ukrainy (Azovskiy Shlyakh: How the Ultra-Right Movement Is Fighting for a Place in the Political Mainstream of Ukraine) // *Forum noveyshyevostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, No. 13(1), pp. 179-192.]

⁹⁹ Gomza, Ivan; Zajackowski, Johann. Black Sun Rising: Political Opportunity Structure Perceptions and Institutionalization of the Azov Movement in Post-Euromaidan Ukraine. // *Nationalities Papers*, 2019, No. 47(5), pp. 774-800.

¹⁰⁰ Kuzmenko, Oleksiy. 2019. Defend the White Race: American Extremists Being Co-Opted by Ukraine's Far-Right // *Bellingcat*, 15 February 2019. Mode of access: www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/02/15/defend-the-white-race-american-extremists-being-co-opted-by-ukraines-far-right/

⁹³ Комендантова Надежда. Лидер радикалов С14 Карась съездил в Стамбул на вручение томоса / Українські новини, 8 січня 2019. Mode of access: ukranews.com/news/606234-lider-radikalov-s14-karas-sezdil-v-stambul-na-vruchenie-tomosa

⁹⁴ Institut Respublika. *Ultra-Right and Violence in Ukraine: Monitoring Results 14.10.2018–14.10.2019*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019. Mode of access: www.rosalux.org.ua/images/FINAL_zvit-ENG-print.pdf.

⁹⁵ Anti-Equality Monitoring. Yes, It's (Still) OK To Call Ukraine's C14 "Neo-Nazi" // *Bellingcat*, 9 August 2019. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/09/yes-its-still-ok-to-call-ukraines-c14-neo-nazi/>

⁹⁶ Жартовская М., Кравец Р. Национальные дружины: Кто они – националисты, которые возмутили соцсети и угрожают применить силу // ТСН.ua. 2 февраля 2018. Mode of access: <https://tsn.ua/ru/politika/nacionalnye-druzhiny-cto-oni-nacionalisty-kotorye-vozmutili-socseti-i-ugrozhayut-primenit-silu-1101500.html>; Nonjon,

некоторыми российскими неонацистскими группами¹⁰¹.

Партия «Свобода», правда, к началу 2020 году все еще известней и организационно сильнее, чем Азовское движение. Тем не менее, «Свобода» была и является важной политической силой лишь в Галиции¹⁰². «Правый сектор», в свою очередь, потерял свой динамизм после Евромайдана 2014 года. Он стал незначительной сетью местных националистических групп после ухода его самого известного основателя Дмитрия Яроша, который, в свою очередь, не смог превратить так называемую «Государственную инициативу Яроша» в значимую политическую организацию.

Напротив, «Национальный корпус» – ультранационалистическая партия, чей предшественник «Патриот Украины» изначально был основан в Харькове и которая сегодня более или менее равномерно присутствует по всей стране¹⁰³. «Нацкорпус», как партию часто называют в Украине, пережил некоторые внутренние беспорядки, но, похоже, не пострадал от каких-либо серьезных расколов¹⁰⁴.

Прежде всего, Азовское движение в целом – динамичный «негражданский» проект, активно продвигающий различные локальные инициативы и зарубежные контакты¹⁰⁵. Он стал признанной частью международной правоэкстремистской сцены и поддерживает связи с разными «негражданскими» (в основном расистскими) организациями, в частности, в Соединенных Штатах, Европейском Союзе и Российской Федерации¹⁰⁶.

Особый случай Дмитрия Корчинского

Отдельного упоминания достойна биография яркого украинского националиста Дмитрия Корчинского – лидера организации «Братство» и наиболее известного участника судьбоносной акции 1 декабря 2013 года¹⁰⁷. В этот день надевшие маски протестующие Евромайдана, среди них многие с символикой Социал-национальной ассамблеи и «Патриота Украины», пытались под руководством Корчинского захватить пустое здание Администрации Президента Украи-

¹⁰¹ Гриценко А. Украинские связи Боевой организации русских националистов: контакты и контексты в до- и постмайданной Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 13(1). С. 180-193. [Gritsenko, A. Ukrainskiye svyazi Boyevoy organizatsii russkikh natsionalistov: kontakty i konteksty v do- i postmaydannoy Ukraine (Ukrainian Ties of the Combat Organization of Russian Nationalists: Contacts and Contexts in Pre- and post-Maidan Ukraine) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2015, No. 13(1), pp. 180-193.]; Colborne, Michael; Kuzmenko, Oleksiy. The 'Hardcore' Russian Neo-Nazi Group That Calls Ukraine Home // *Bellingcat*, 4 September 2019. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/09/04/the-hardcore-russian-neo-nazi-group-that-calls-ukraine-home/>

¹⁰² Polyakova A. From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia // *Communist and Post-Communist Studies*, 2014, No. 47(2), pp. 211-225.

¹⁰³ Yavir, Iryna. Time to Party for Azov / Reft\rightarrowLight, 11 October 2016. Mode of access: <http://reflight.euromaidanpress.com/2016/10/11/time-party-azov/>

¹⁰⁴ Бабич Я. Рахунок // Adobe Spark. 29 мая, 2018. Mode of access: spark.adobe.com/page/72VgF8tikBq6c/

¹⁰⁵ Colborne M. There's One Far-Right Movement That Hates the Kremlin // *Foreign Policy*, 17 April 2019. Mode of access: foreignpolicy.com/2019/04/17/theres-one-far-right-movement-that-hates-the-kremlin-azov-ukraine-biletsky-nouvelle-droite-venner/

¹⁰⁶ Nonjon, Adrien. L'Ukraine d'Azov: Représentations géopolitiques et stratégie de propagande d'un régiment ultranationaliste ukrainien / Master Thesis, Université Paris, 2018. Mode of access: www.academia.edu/37674504/LUkraine_dAzov_representations_geopolitiques_et_strategie_de_propagande_dun_regiment_ultranationaliste_ukrainien_A.NONJON_Memoire_de_Master_1_

¹⁰⁷ Эта секция основывается на статье: Умланд А. Добровольческие вооруженные формирования и радикальный национализм в послемайданной Украине: некоторые особенности возникновения полка «Азов» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. Т. 13. № 1. С. 141-178. [Umland, A. Dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya i radikal'nyy natsionalizm v poslemaydannoy Ukraine: nekotoryye osobennosti vznikhoveniya polka «Azov» (Volunteer Armed Formations and Radical Nationalism in post-Maidan Ukraine: Some Features of the Emergence of the Azov Regiment) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, Vol. 13, No. 1, pp. 141-178.]

ны¹⁰⁸. Антон Шеховцов цитирует очевидца событий: «Штурм Администрации был, по словам одного из участников «Правого сектора», спровоцирован несколькими «сорокалетними мужиками», которые «и начали подталкивать ребят со словами: “Вперед, ребята, не бойтесь! Сейчас мы их разнесем! Вперед, в атаку!”». Среди националистов их никто не знал. Кстати, сами мужики в схватке не участвовали». Эта ситуация почти полностью повторила события 9 марта 2001 года, когда на той же «Банковой» неизвестные спровоцировали столкновения с “Беркутом”, что было использовано властью для ареста ряда ведущих членов акции “Украина без Кучмы”»¹⁰⁹.

Корчинский уже до столкновения 1 декабря 2013 г. был замечен в провокационных акциях¹¹⁰, проходящих на события под Администрацией Президента в начале Евромайдана¹¹¹. Корчинский весной 2014 года принял участие в создании батальона «Азов»¹¹². Некоторые сподвижники Корчинского оказались в избирательном списке Радикальной партии Ляшко на парламентских выборах 2014 года.

Корчинский уже в ранних 1990-х был одной из наиболее заметных фигур украин-

ской националистической среды¹¹³. В связи с созданием УНА-УНСО, он сотрудничал с Юрием Шухевичем, т.е. с сыном Романа Шухевича, бывшего главнокомандующего УПА и руководителя ОУН(Б). Так же, как и жена Корчинского, Оксана Корчинская, Юрий Шухевич был в 2014-2019 гг. депутатом Верховной Рады от Радикальной партии Олега Ляшка.

В 1990-х, Корчинский был автором лозунга «Крым будет украинским или безлюдным!»¹¹⁴. По словам покойного Владимира Прибыловского, Корчинский «в 1996 году воевал в Чечне на стороне чеченских сепаратистов. В опубликованных в 2005 году воспоминаниях о Чеченской войне (в книге Революция от кутюр) в числе прочего [Корчинский] рассказывает, как в его присутствии убивали пленных российских солдат (перерезали горло, а потом достреливали)»¹¹⁵.

Несмотря на эту недвусмысленную биографию, в 2005 году лидер «Братства» выступал лектором в российском молодежном летнем лагере «Селигер»¹¹⁶, организованным окол Кремлевским движением «Наши»¹¹⁷. Будущий куратор украинской

¹⁰⁸ Shekhovtsov, A. Ukrainian Extra-Parliamentary Extreme Right Behind the Provocations at the President Administration / Anton Shekhovtsov's Blog. 1 December 2013. Mode of access: <http://anton-shekhovtsov.blogspot.com/2013/12/ukrainian-extra-parliamentary-extreme.html>.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ Shekhovtsov, A. The Dubious Role of Bratstvo in the 2012 Parliamentary Elections in Ukraine / Anton Shekhovtsov's Blog. 7 December 2013. Mode of access: <http://anton-shekhovtsov.blogspot.de/2013/12/korchynskys-bratstvo-in-2012.html>

¹¹¹ Бутусов, Ю. Банкова, 1 грудня: хроніка провокації // Дзеркало тижня. Україна. 6 грудня 2014. Mode of access: http://gazeta.dt.ua/internal/bankova-1-grudnya-hronika-provokaciyi-_html

¹¹² 45 «черных человечков» отправились вчера из Киева в Донбасс // Левый берег. 19 мая 2014. Mode of access: http://society.lb.ua/life/2014/05/19/266956_45_chernih_chelovechkov_otpravilis.html; Nemtsova, A. War and Murder in Eastern Ukraine // The Daily Beast. 27 May 2014. Mode of access: <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/05/27/war-and-murder-in-eastern-ukraine.html>.

¹¹³ См., напр.: Корчинський Д. Війна у натовпі. К., 1999.

¹¹⁴ Балутенко М., Прибыловский В. Кто есть кто в политике на Украине: биографический сборник. М., 2007. С. 141-143. [Balutenko, M., Pribylovskiy, V. Kto yest' kto v politike na Ukraine: biograficheskiy sbornik (Who Is Who in Politics in Ukraine: Biographical Collection). Moscow, 2007. Pp. 141-143.]

¹¹⁵ Ibid. С. 143. См. также: Придонов А. Дмитрий Корчинский ответит за Чечню // Utro.ru. 20 марта 2006. Mode of access: <http://ukraina.utro.ru/articles/2006/03/20/531851.shtml>.

¹¹⁶ Барабанов И. К «Нашим» летит наше все // Газета.ru. 20 июля 2005. Mode of access: https://www.gazeta.ru/2005/07/20/oa_164574.shtml

¹¹⁷ Мийнссен И. Кузница модернизации на озере Селигер: движение «Наши», путинский патриотизм и Всероссийский молодежный образовательный форум 2005-2010 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 2. С. 132-157. [Mijnssen, I. Kuznitsa modernizatsii na ozere Seliger: dvizheniye «Nashi», putinskiy patriotizm i Vserossiyskiy molodezhnyy obrazovatel'nyy forum 2005-2010 gg. (Forge of Modernization on Lake Seliger: the

политики Кремля и помощник Президента РФ по вопросам взаимоотношений с Абхазией и Южной Осетией, Владислав Сурков, как тогдашний заместитель руководителя Администрации Президента России, еще до «Селигера» встречался с Корчинским на форуме «Европа: итоги года перемен», который проходил в Москве в конце июня 2005 года¹¹⁸. По информации российской прессы, на этом форуме Корчинский заявил, что российский общественные организации, фонды и институты «должны противостоять разнообразным оранжевым поползновениям и внутри страны, и на всем постсоветском пространстве»¹¹⁹.

В 2004-2007 гг. Корчинский был, совместно с председательницей прокремлёвской Прогрессивной социалистической партии Украины Наталией Витренко, официальным членом Высшего совета Международного евразийского движения под руководством российского правого радикала Александра Дугина¹²⁰. В середине 2000-х

Корчинский публично выступал как союзник Дугина, хотя последний до этого неоднократно делал неприкрыто украинофобские высказывания¹²¹. Например, в своей книге Основы геополитики, опубликованной в 1997 году, Дугин писал: «Суверенитет Украины представляет собой настолько негативное для русской геополитики явление, что, в принципе, легко может спровоцировать вооружённый конфликт... Украина как государство не имеет никакого геополитического смысла. У нее нет ни особой культурной весты универсального значения, ни географической уникальности, ни этнической исключительности. Исторический смысл Украины отражен в самом её названии – ‘Украина’, т.е. ‘окраина’, ‘пограничные территории’»¹²².

Несмотря на такие высказывания Дугина, Корчинский выступил «21 сентября 2005 г. на митинге [дугинского] Евразийского союза молодежи, проходившем на Славянской площади в Москве по случаю 625-ой годовщины битвы на Куликовом поле, [где он] призвал к беспощадной войне против атлантической цивилизации и заявил, что война эта близка, как никогда»¹²³. В связи с

Nashi Movement, Putin's patriotism and the All-Russian Youth Educational Forum 2005-2010) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2012, No. 2, pp. 132-157.]

¹¹⁸ Румянцев Ф. Боевик, тесно связанный с Кремлем // Газета.ру. 18 марта 2006. Mode of access: http://www.gazeta.ru/2006/03/18/oa_192559.shtml

¹¹⁹ Цит. по: Шеховцов А. Шеховцов А. Украинские крайне правые и Евромайдан // Главком. 3 января 2014. Mode of access: <http://glavcom.ua/articles/16580.html>

¹²⁰ Прибыловский В. Корчинский Дмитрий Александрович // Антикомпромат. Б.Д. Mode of access: <http://www.anticomprat.org/korchinsky/index.html>. Подробнее: Шеховцов А. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2. С. 105-126. [Shekhovtsov, A. Palingeneticshkiy proyekt neoyevraziystva: idei vrozozhdeniya v mirovozzrenii Aleksandra Dugina (Palingenetic Project of neo-Eurasianism: Ideas of Revival in the Worldview of Alexander Dugin) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2009, No. 2, pp. 105-126.]; Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве»: о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2. С. 127-143.

[Umland, A. Patologicheskiye tendentsii v russkom «neoyevraziystve»: o znachenii vzleta Aleksandra Dugina dlya interpretatsii obshchestvennoy zhizni sovremennoy Rossii (Pathological Tendencies in Russian «neo-Eurasianism»: on the Significance of Alexander Dugin's Take-off for the Interpretation of the Social Life of Modern Russia) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2009, No. 2, pp. 127-143.]

¹²¹ Фашистский друг Витренко: странный союз между украинским «прогрессивным социализмом» и российским «неоевразийством» // Украинская правда. 26 октября 2006. Mode of access: <http://pravda.com.ua/ru/news/2006/9/27/46953.htm>; Умланд А. Александр Дугин, европейский фашизм и Витренко: что общего? // Украинская правда. 20 июля 2007. <http://pravda.com.ua/news/2007/7/20/61687.htm>

¹²² Дугин А. Часть 5. Внутренняя геополитика России / Центр консервативных исследований. 13 сентября 2009. Mode of access: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909011417.xhtml>

¹²³ Шнирельман В. Евразия или Европа? Роль Украины в евразийском и Евразии в украинском дискурсе // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1.

событиями 1 декабря 2013 года, видимо ещё до объявления Корчинского в розыск¹²⁴, националист временно переехал из Украины, по разным сообщениям, в Россию¹²⁵, Израиль и/или в Приднестровье и давал из убежища скайп-интервью украинским телеканалам¹²⁶.

Выводы

Продолжающаяся электоральная слабость украинских крайне правых после Евромайдана и во время войны обнадеживает. Низкая популярность украинского партийного ультра национализма особенно заметна на фоне недавних избирательных успехов правых популистов и экстремистов в других европейских странах¹²⁷. Несмотря на активный вооруженный конфликт на востоке Украины и, как следствие, широкое распространение огнестрельного оружия в украинском обществе с 2014 года, крайне правые, как и другие политические деятели с доступом к оружию, воздерживались от его применения во внутривнутриполитических конфлик-

тах. Вопреки как оправданным опасениям, так и ряду явно клеветнических замечаний некоторых наблюдателей, украинский эквивалент феномену немецких т.н. «свободных корпусов» (Freikorps) в ранние годы Веймарской республики не появился, не говоря уже о серьезной угрозе захвата власти фашистами¹²⁸.

Тем не менее, есть, по крайней мере, четыре особенности украинского ультра национализма после Евромайдана, которые дают повод для забот. Во-первых, в результате продолжающейся войны России против Украины¹²⁹ растет общественная терпимость в отношении исторических и современных радикально националистических идей, организаций, действий и лиц в украинском обществе¹³⁰. Во-вторых, с 2014 года некоторые крайне правые организации – вследствие создания добровольческих подразделений – получили широкий доступ к оружию и отчасти даже к тяжелому оружию. Некоторые из них по-прежнему контролируют небольшие

С. 141. [Shnirel'man, V. Yevraziya ili Yevropa? Rol' Ukrainy v yevraziyskom i Yevrazii v ukrainskom diskurse (Eurasia or Europe? The Role of Ukraine in Eurasian and Eurasia in Ukrainian Discourse) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2009, No. 1, p. 141.]

¹²⁴ Беспорядки на Банковой: лидер Братства Корчинский объявлен в розыск // Корреспондент. 5 декабря 2013. Mode of access: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/3274612-besporiadky-na-bankovoi-lyder-bratstva-korchynskiy-obiavlenn-v-rozysk>

¹²⁵ Корчинський після штурму Банкової виїхав до Росії, а полковник «Беркуту» міг займатися провокаціями // ТСН. 5 грудня 2013. Mode of access: <http://tsn.ua/politika/korchynskiy-pislya-shturmu-bankovoyi-viyihavdo-rosiyi-a-polkovnik-berkutu-mig-zaymatisyaprovokacijami-323778.html>; Shekhovtsov A. «Re-organisation of the Ukrainian space», or Putin's agents in Ukraine

¹²⁶ Дмитро Корчинський skype // Youtube. 8 декабря 2013. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=BzGabLUMcQM>; Лидера «Братства» Дмитрия Корчинского задержали в Израиле // УНИАН. 7 февраля 2014. Mode of access: <http://www.unian.net/politics/881762-lidera-bratstva-dmitriya-korchinskogo-zaderjali-v-izraile.html>

¹²⁷ Shekhovtsov, Anton; Polyakova, Alina. On the Rise: Europe's Fringe Right // *World Affairs*, No. 179(1), pp. 70-80.

¹²⁸ Motyl, Alexander. Is Ukraine Fascist? // *The Huffington Post*, 3 February 2015. Mode of access: www.huffpost.com/entry/putin-calls-ukraine-fasci_b_6600292

¹²⁹ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 478 с. *Прим ред.*

¹³⁰ Anti-Equality Monitoring. Calls To 'Fight' LGBT People by Ukrainian Cleric Emblematic of Church's Proximity to Far Right // *Bellingcat*, 21 June 2019. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/06/21/calls-to-fight-lgbt-people-by-ukrainian-cleric-emblematic-of-churchs-proximity-to-far-right/>; Anti-Equality Monitoring. How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's New Government // *Bellingcat*, 21 October 2019. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/10/21/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-ukraines-new-government/>

нерегулярные вооруженные отряды, такие как ДУК «Правого сектора» или т.н. «Украинская добровольческая армия» Яроша, хотя такие термины как «корпус» и «армия» гиперболичны для этих маргинальных военизированных формирований.

В-третьих, сохраняется более или менее значимое присутствие крайне правых организаций во внепарламентской партийной политике, гражданском обществе, культурной жизни и, частично, местном самоуправлении, международных отношениях Украины¹³¹. После того, как «Свобода» к 2014 году разорвала большую часть своих прежних связей с крайне правыми партиями в ЕС, украинские ультранационалисты сегодня вовлечены в международную праворадикальную среду в первую очередь через иностранные связи Азовского движения и других, более мелких правоэкстремистских групп¹³². В-четвертых, в результате большей включенности некоторых ультранационалистических активистов в муниципальные политику и гражданское общество неоднократно возникали случаи официального сотрудничества между некоторыми правительственными учреждениями, такими как Служба безопасности Украины, Министерство ветеранов Украины или местными органами власти, с одной стороны, и крайне правыми группировками, с другой¹³³.

В целом Украина остается – как упоминалось – скорее положительным европейским исключением из-за удивительно устойчивого иммунитета ее избирателей в отношении ультраправых партий и, как результат, низкого влияния радикальных националистов на центральную политику в Киеве¹³⁴. Более того, как, среди других, указывает Мыкола Рябчук, та поддержка, которой исторические и современные ультранационалистические лидеры и организации пользуются в украинском обществе, часто не столько связана с расизмом и тоталитаризмом их идеологии, сколько с их жесткой позицией и жертвенной борьбой за независимость Украины¹³⁵. Тем не менее, то что после «Революции достоинства» общественное присутствие «негражданских» групп в украинской местной и культурной жизни в некоторых аспектах выросло, настораживает. Дифференциация организационного и интеллектуального спектра украинского правого радикализма с 2014 года продолжается¹³⁶.

Вышеперечисленные явления и растущее общественное уважение к историческому украинскому ультранационализму – в первую очередь, к бандеровской фракции Организации украинских националистов 1940-х годов – представляют собой новые взаимодействующие характеристики современной украинской общественной жизни¹³⁷. Они, как

ua/news/256399-munitsipalnaja-varta-budet-patrulirovat-kiiev-i-proverjat-dokumenty.html

¹³¹ Anti-Equality Monitoring. Why Is a Leading Estonian Think Tank Working Alongside Ukraine's Far Right? // *Bellingcat*, 1 August 2019. Mode of access: www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/01/why-is-a-leading-estonian-think-tank-working-alongside-ukraines-far-right/; Anti-Equality Monitoring. How to Mainstream Neo-Nazis: A Lesson from Ukraine's C14 and an Estonian Think Tank // *Bellingcat*, 8 August 2019. Mode of access: www.bellingcat.com/news/uk-and-europe/2019/08/08/how-to-mainstream-neo-nazis-a-lesson-from-ukraines-c14-and-an-estonian-think-tank/

¹³² Colborne, Michael. Dispatches From Asgardsrei: Ukraine's Annual Neo-Nazi Music Festival // *Bellingcat*, 2 January 2020. Mode of access: <https://www.bellingcat.com/news/2020/01/02/dispatches-from-asgardsrei-ukraines-annual-neo-nazi-music-festival/>

¹³³ Напр.: В Киеве проверять транспорт и документы в карантин будут ультраправые // Страна.UA, 21 марта 2020. Mode of access: strana.ua

¹³⁴ Umland, Andreas. A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5) pp. 86-95.

¹³⁵ Riabchuk Mykola. Ukraine's Turbulent Past Between Hagiography and Demonization // *Raam op Rusland*, 2 November 2016. Mode of access: raamoprusland.nl/dossiers/oekraïne/311-ukraine-s-turbulent-past-between-hagiography-and-demonization; Микола Рябчук. Світло від темряви: Андреас Умланд, пам'ять про УПА і євроінтеграція України // Історична правда, 14 января 2017. Mode of access: www.istpravda.com.ua/columns/2017/01/14/149456/

¹³⁶ Rabe, Jan. Rechtsextremismus in der Ukraine: Gruppierungen und ihre Aktivitäten im Überblick. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019.

¹³⁷ Umland, Andreas; Yurchuk, Yuliya, eds. Issues in the History and Memory of the OUN I-III // *Special sections of the Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 2017-2020, No. 3(2): pp. 115-290, No. 4(2), pp. 29-132, No. 6(1), pp. 185-311.

и другие политически неоднозначные тенденции, тесно связаны с гибридной войной России¹³⁸ против Украины с 2014 года¹³⁹. В своей сумме они представляют собой проблематичные черты постмайданной Украины, несущие в себе опасность, как дестабилизации внутри украинского государства, так и новых напряжений в международных отношениях Киева.

Литература:

Балушенко М., Прибыловский В. Кто есть кто в пол Белицер Наталья. Всеукраинское объединение «Свобода» и его электорат, 2012-2013 // Идеология и политика. 2013. № 2(4). Рр. 8-92.

Васильченко С. 'Свобода' против всех: краткий обзор результатов радикальных правых на выборах 1994-2012 // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 9(1). С. 64-92.

Горбач Д.; Петик О. Азовский шлях: как ультраправое движение борется за место в политическом мейнстриме Украины // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 179-192.

Гриченко А. Украинские связи Боевой организации русских националистов: контакты и контексты в до- и постмайданной Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 13(1). С. 180-193.

Лиценко В. Участие крайне правых в протестных событиях Майдана: Попытка систематического анализа // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 111-127.

Лихачев В. Место антисемитизма в идеологии и пропаганде Всеукраинского объединения 'Свобода' // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 9(1). С. 111-134.

Лихачев Вячеслав. Украинские национал-радикалы против пророссийских «сепаратистов»: уличная война (февраль-май 2014) / Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. No. 13(1). pp. 128-140.

Мийнсен И. Кузница модернизации на озере Селигер: движение «Наши», путинский патриотизм и Всероссийский молодежный образовательный форум 2005-2010 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 2. С. 132-157.

¹³⁸ Российская официальная позиция по этим вопросам изложена в следующих работах: Интервью президента России «Крым Путь на Родину»; Шитьков С.В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов, 2016; Томсинов В.В. Воссоединение Крыма с Россией с точки зрения международного права // Законодательство. 2014. № 6. С. 10-27; Томсинов В.А. Международное право с точки зрения воссоединения Крыма с Россией // Законодательство. 2014. № 7. С. 11-26.; Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. М.: Издательство «Аспект Пресс, 2020. 478 с. *Прим ред.*

¹³⁹ Fedor, Julie ed. Russian Media and the War in Ukraine // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 2015, No. 1(1), pp. 1-300.

Панина Н. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 26-38.

Паниotto Владимир. Динамика ксенофобии и антисемитизма в Украине (1994-2007) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 197-213.

Украинские правые экстремисты во время и после восстания 2013-2014 гг. // Спецсекция журнала Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 13(1). С. 103-206.

Умланд А. Добровольческие вооруженные формирования и радикальный национализм в постмайданной Украине: некоторые особенности возникновения полка «Азов» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. Т. 13. № 1. С. 141-178.

Умланд А. Патологические тенденции в русском «неоевразийстве»: о значении взлета Александра Дугина для интерпретации общественной жизни современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2. С. 127-143.

Умланд Андреас. Добровольческие вооруженные формирования и радикальный национализм в постмайданной Украине: некоторые особенности возникновения полка 'Азов' // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2016. № 13(1). С. 141-178.

Шеховцов А. Палингенетический проект неоевразийства: идеи возрождения в мировоззрении Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2. С. 105-126.

Шнирельман В. Евразия или Европа? Роль Украины в евразийском и Евразии в украинском дискурсе // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1.

Бендза, Галина. УНА-УНСО: Нове обличчя? / Студії політологічного центру Генеза, 1997, No. 1, pp. 48-51.

Кулик В. Український націоналізм у незалежній Україні. Київ, 1999: НаУКМА.

Липовецький Святослав. Організація українських націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби. Київ: Українська видавнича спілка, 2010.

Ліхачов, В'ячеслав. Від Майдану праворуч: Революція, війна і ультраправі в Україні (2013-2016 роки). Київ: Критика, 2020.

Нахманович, В. Феномен «Свободи»: Виборці радикальних націоналістів у дзеркалі соціології. Київ: КМІС/ВВАД, 2016.

Панченко В.Г. Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр. / Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. No. 30. Рр. 38-41.

Шеховцов, Антон. Всеукраїнське об'єднання «Свобода»: проблема легітимності боротьби за владу // Україна Модерна, 2013, No. 20, pp. 171-213.

Aslund, Anders. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington, DC: Peterson Institute, 2009.

Bakic, Jovo. Right-Wing Extremism in Serbia. International Policy Analysis. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung, 2013.

Beichelt, Timm; Worschech, Susann (eds.). Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2017.

Berman, Sheri. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // *World Politics*, 1997, No. 49(3), pp. 401-429.

Bertelsen, Olga (ed.). Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016.

Bezruk, Tetjana; Umland, Andreas. Der Fall Azov: Freiwilligenbataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 33-42.

Boyd, Richard. Uncivil Society: The Perils of Pluralism and the Making of Modern Liberalism. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

- Bustikova, Lenka.* Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical 'Freedom' Party? // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 239-256.
- Chambers, Simone; Kopstein, Jeffrey.* Bad Civil Society // *Political Theory*, 2001, No. 29(6), pp. 837-865.
- D'Anieri, Paul J. (ed.).* Orange Revolution and Aftermath: Mobilization, Apathy, and the State in Ukraine. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010.
- D'Anieri, Paul; Kuzio, Taras; Harasymiw, Bohdan; Ilnytskij, Oleh S.; Bredies, Ingmar; Umland, Andreas; Yakushik, Valentin (eds.).* Aspects of the Orange Revolution I-VI. 6 Vols. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007.
- Dyczok, Marta.* Ukraine: Movement without Change, Change without Movement. Abingdon: Routledge, 2000.
- Dymerskaya-Tsigelman, Liudmila; Finberg, Leonid.* Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy (Analysis of Current Trends in Antisemitism 14). Jerusalem: SICSA, 1999.
- Fedor, Julie ed.* Russian Media and the War in Ukraine // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 2015, No. 1(1), pp. 1-300.
- Fedorenko, Kostiantyn.* The Two Movements: Liberals and Nationalists during Euromaidan // *Ideology and Politics*, 2015, No. 1(5), pp. 4-35.
- Fedorenko, Kostiantyn; Umland, Andreas.* Zwischen Front und Parlament: Freiwilligenverbände und Parteien in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 163-176.
- Flikke, Geir; Kisselyov, Sergiy (eds.).* Beyond Recognition? Ukraine and Europe after the Orange Revolution. Oslo: NUSPI, 2006.
- Gomza, Ivan.* Elusive Proteus: A Study in the Ideological Morphology of the Organization of Ukrainian Nationalists // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 2-3, pp. 195-207.
- Gomza, Ivan; Zajackowski, Johann.* Black Sun Rising: Political Opportunity Structure Perceptions and Institutionalization of the Azov Movement in Post-Euromaidan Ukraine // *Nationalities Papers*, 2019, No. 47(5), pp. 774-800.
- Hanebrink, Paul.* A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.
- Hauter, Jakob.* Delegated Interstate War: Introducing an Addition to Armed Conflict Typologies // *Journal of Strategic Security*, 2019, No. 12(4), pp. 90-103.
- Heinemann-Grüder, Andreas.* Geiselnnehmer oder Retter des Staates? Irreguläre Bataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 51-80.
- Hosaka, Sanshiro.* Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War // *Nationalities Papers*, 2019, Volume 47, Special Issue 5, pp. 750-773.
- Kailitz, Steffen; Umland, Andreas.* Why Fascists Took Over the Reichstag but Have Not Captured the Kremlin: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia // *Nationalities Papers*, 2017, No. 45(2), pp. 206-221.
- Kopecky, Petr; Mudde, Cas, eds.* Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe. London: Routledge, 2012.
- Kowal, Pawel; Mink, Georges; Reichardt, Adam; Reichardt, Iwona (eds.).* Three Revolutions: Mobilization and Change in Contemporary Ukraine I-II. 2 vols. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2019.
- Kubicek, Paul.* What Happened to the Nationalists in Ukraine? // *Nationalism and Ethnic Politics*, 1999, No. 5(1), pp. 29-45.
- Kulyk, Volodymyr.* Ukrainian Nationalism since the Outbreak of Euromaidan // *Ab Imperio*, 2014, No. 3, pp. 94-122.
- Kuzio, Taras.* Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine Before and After Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // *Nationalities Papers*, 1997, No. 25(2), pp. 211-242.
- Likhachev, Viacheslav.* Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of "Svoboda." Kyiv: EAJC, 2013.
- Likhachev, Viacheslav.* Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 59-74.
- Likhachev, Viacheslav.* Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They Got There and What We Can Expect of Them // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 75-85.
- Likhachev, Viacheslav.* The 'Right Sector' and Others: The Behavior and Role of Radical Nationalists in the Ukrainian Political Crisis of Late 2013 – Early 2014 // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 257-271.
- Likhachev, Vyacheslav.* Far-right Extremism as a Threat to Ukrainian Democracy / Freedom House Nations in Transit Brief, May 2018.
- Luks, Leonid.* Vergeblicher Versuch, den Holocaust 'rational' zu erklären // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 2004, No. 8(1), pp. 301-309.
- Lushnycky, Andrej N.; Riabchuk, Mykola (eds.).* Ukraine on Its Meandering Path Between East and West. Bern: Peter Lang, 2009.
- Malyarenko, Tetyana; Galbreath, David J.* Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, No. 16(1), pp. 113-138.
- Marples, David R.; Mills, Frederick V. (eds.).* Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015.
- McFaul, Michael; Aslund, Anders (eds.).* Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.
- Mierzejewski-Voznyak, Melanie.* The Radical Right in Post-Soviet Ukraine. In Jens Rydgren, ed. *The Oxford Handbook of the Radical Right*, Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 608-629.
- Moser, Michael.* Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine Under President Viktor Yanukovich. 25 February 2010 – 28 October 2012. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2013.
- Mudde, Cas.* Warum ist der Rechtsradikalismus in Osteuropa so schwach? // *Osteuropa*, 2002, No. 52(5), pp. 626-630.
- Mykhnenko, Vlad.* Causes and Consequences of the War in Eastern Ukraine: An Economic Geography Perspective, *Europe-Asia Studies*, 2020.
- Nahaylo, Bohdan.* Ukraine / RFE/RL Research Report: The Politics of Intolerance, 1994, No. 3(16), pp. 42-49.
- Payne, Leigh A.* Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000.
- Pedahzur Ami; Weinberg, Leonard.* Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2001, No. 2(1), pp. 52-72.
- Piotrowski, Grzegorz.* Civil Society, Un-Civil Society and the Social Movements // *Interface: A Journal for and about Social Movements*, 2009, No. 1(2), pp. 166-189.
- Polyakova, A.* From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia // *Communist and Post-Communist Studies*, 2014, No. 47(2), pp. 211-225.
- Puglisi, Rosaria.* Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine / IAI Working Papers, 2015, No. 15(8).
- Rabe, Jan.* Rechtsextremismus in der Ukraine: Gruppierungen und ihre Aktivitäten im Überblick. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019.
- Ramet, Sabrina (ed.).* The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1999.

- Risch, William Jay. What the Far Right Does Not Tell Us about the Maidan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, No. 16(1), pp. 137-144.
- Rossoliński-Liebe, Grzegorz. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2014.
- Rudling, Per Anders. Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine. In Mammone, Godin, and Jenkins. Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe, 2012. Pp. 189-205.
- Rudling, Per Anders. Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition // *Science in Context*, 2019, No. 32, pp. 67-91.
- Rudling, Per Anders. The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth Making with Complications // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*, 2016, No. 5(1), pp. 26-65.
- Rudling, Per Anders. The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda. In Ruth Wodak and John E. Richardson, eds. Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text. London: Routledge, 2013. Pp. 228-255.
- Sergackova, Ekaterina. Freiwillig: Kleines Who's Who ukrainischer Bataillonskommandeure // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 23-32.
- Shekhovtsov, Anton. The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*, 2011, No. 63(2), pp. 203-228.
- Shekhovtsov, Anton. From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-Right Party Svoboda. In Wodak, Mral, and Khosravi-Nik, Right Wing Populism in Europe, 2013. Pp. 249-263.
- Shekhovtsov, Anton. Radikale Parteien, irreguläre Verbände: Ukrainische Milizen aus dem rechtsextremistischen Milieu // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 149-162.
- Shekhovtsov, Anton. The Ukrainian Far Right and the Ukrainian Revolution. In Irina Vainovski-Mihai, ed. N.E.C. Black Sea Link Program Yearbook 2014-2015. Bucharest: New Europe College, 2015. Pp. 216-237.
- Shekhovtsov, Anton; Polyakova, Alina. On the Rise: Europe's Fringe Right // *World Affairs*, No. 179(1), pp. 70-80.
- Shekhovtsov, Anton; Umland, Andreas. Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultranationalists in 1994-2009 // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 33-58.
- Shekhovtsov, Anton; Umland, Andreas. Ukraine's Radical Right // *Journal of Democracy*, 2014, No. 25(3), pp. 58-63.
- Shkandrij, Myroslav. Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929-1956. New Haven, CT: Yale University Press, 2015.
- Shukan, Ioulia. Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odessa (2014-2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2020, No. 11(3), pp. 71-104.
- Stepanenko, Viktor; Pylynskyi, Yaroslav (eds.). Ukraine after the Euromaidan: Challenges and Hopes. Bern: Peter Lang, 2015.
- Stojarová, Vera. The Far Right in the Balkans. Manchester: Manchester University Press, 2016.
- Struve, Kai. Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine. München: DeGruyter-Oldenbourg, 2015.
- Taras Kuzio. Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007.
- Toal, Gerard. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Umland, Andreas; Zaitsev, Oleksandr (eds.). The Ukrainian Radical Right in Past and Present: Studies in Ideology, Memory and Politics / Special Section of Communist and Post-Communist Studies, 2015, No. 48(2-3), p. 169-271.
- Umland, Andreas (ed). Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism // Special Issue of Russian Politics & Law, 2013, No. 51(5). C. 3-95.
- Umland, Andreas. A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5) pp. 86-95.
- Umland, Andreas. Der Begriff der 'unzivilen Gesellschaft' als Instrument der historischen und aktuellen Rechtsextremismusforschung // *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 2008, No. 21(4), pp. 63-67.
- Umland, Andreas. Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // *Ukraine-Analysen*, 2008, No. 41, pp. 7-10.
- Umland, Andreas. Does Yanukovich's Coalition Government Have a Popular Mandate? The 'Tushki' and Decline of Ukrainian Representative Democracy // *Foreign Policy Journal*, 27 March 2010. Mode of access: www.foreignpolicyjournal.com/2010/03/27/does-yanukovichs-coalition-government-have-a-popular-mandate/
- Umland, Andreas. How Moscow Is Subverting Ukraine's Bid for Freedom // *Foreign Policy*, 26 February 2016.
- Umland, Andreas. Irregular Militias and Radical Nationalism in Post-Euromaidan Ukraine: The Prehistory and Emergence of the 'Azov' Battalion in 2014 // *Terrorism and Political Violence*, 2019, No. 31(1), pp. 105-131.
- Umland, Andreas. Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland // *Osteuropa*, 2009, No. 59(11), pp. 109-120.
- Umland, Andreas. Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's Introduction // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 3-10.
- Umland, Andreas. The Right-Wing Extremisms of Post-Soviet Russia and Ukraine, 1991-2014: Hypotheses on Differences in Their Permutation and Performance / Presentation to the Danyliw Seminar on Contemporary Ukraine, University of Ottawa, 2 November, 2014.
- Umland, Andreas; Yurchuk, Yuliya, eds. Issues in the History and Memory of the OUN I-III // *Special sections of the Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 2017-2020, No. 3(2): pp. 115-290, No. 4(2), pp. 29-132, No. 6(1), pp. 185-311.
- Wilson, Andrew. Ukraine Crisis: What It Means for the West. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.
- Wilson, Andrew. Ukraine's Orange Revolution. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.
- Wood, Elizabeth A. et al. Roots of Russia's War in Ukraine. New York, NY: Woodrow Wilson Center Press, 2016.
- Yurchuk, Yuliya. Reclaiming the Past, Confronting the Past: OUN-UPA Memory Politics and Nation-Building in Ukraine (1991-2016). In Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila and Tatiana Zhurzhenko, eds. War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus. New York: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 107-137.
- Zaitsev, Oleksandr. Ukrainian Integral Nationalism in Quest of a 'Special Path' (1920s-1930s) // *Russian Politics & Law*, 2013, No. 5, pp. 11-32.
- Zajackowski, Johan. Homogenität und Fragmentierung: Ukrainische Freiwilligenbataillone im Wandel // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 81-102.

References:

- Aslund, Anders. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. Washington, DC: Peterson Institute, 2009.
- Bakic, Jovo. Right-Wing Extremism in Serbia. International Policy Analysis. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung, 2013.
- Balutenko, M., Pribylovskiy V. Kto yest' kto v politike na Ukraine: biograficheskiy sbornik (Who Is Who in Politics

- in Ukraine: Biographical Collection). Moscow, 2007. Pp. 141-143.
- Beichelt, Timm; Worschech, Susann (eds.). Transnational Ukraine? Networks and Ties that Influence(d) Contemporary Ukraine. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2017.
- Belitser Natal'ya. Vseukrainskoye ob'yedineniye «Svoboda» i yego elektorat, 2012-2013 (All-Ukrainian Association "Freedom" and Its Electorate, 2012-2013) // *Ideologiya i politika*, 2013, No. 2(4), pp. 8-92.
- Berman, Sheri. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic // *World Politics*, 1997, No. 49(3), pp. 401-429.
- Bertelsen, Olga (ed.). Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016.
- Bezruk, Tetjana; Umland, Andreas. Der Fall Azov: Freiwilligenbataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 33-42.
- Boyd, Richard. Uncivil Society: The Perils of Pluralism and the Making of Modern Liberalism. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.
- Bustikova, Lenka. Voting, Identity and Security Threats in Ukraine: Who Supports the Radical 'Freedom' Party? // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 239-256.
- Chambers, Simone; Kopstein, Jeffrey. Bad Civil Society // *Political Theory*, 2001, No. 29(6), pp. 837-865.
- D'Anieri, Paul J. (ed.). Orange Revolution and Aftermath: Mobilization, Apathy, and the State in Ukraine. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010.
- D'Anieri, Paul; Kuzio, Taras; Harasymiw, Bohdan; Ihnytzkyj, Oleh S.; Bredies, Ingmar; Umland, Andreas; Yakushik, Valentin (eds.). Aspects of the Orange Revolution I-VI. 6 Vols. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007.
- Dyczok, Marta. Ukraine: Movement without Change, Change without Movement. Abingdon: Routledge, 2000.
- Dymerskaya-Tsigelman, Liudmila; Finberg, Leonid. Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy (Analysis of Current Trends in Antisemitism 14). Jerusalem: SICSA, 1999.
- Fedor, Julie ed. Russian Media and the War in Ukraine // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 2015, No. 1(1), pp. 1-300.
- Fedorenko, Kostiantyn. The Two Movements: Liberals and Nationalists during Euromaidan // *Ideology and Politics*, 2015, No. 1(5), pp. 4-35.
- Fedorenko, Kostiantyn; Umland, Andreas. Zwischen Front und Parlament: Freiwilligenverbände und Parteien in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 163-176.
- Flikke, Geir; Kisselov, Sergiy (eds.). Beyond Recognition? Ukraine and Europe after the Orange Revolution. Oslo: NUSPI, 2006.
- Gomza, Ivan. Elusive Proteus: A Study in the Ideological Morphology of the Organization of Ukrainian Nationalists // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 2-3, pp. 195-207.
- Gomza, Ivan; Zajackowski, Johann. Black Sun Rising: Political Opportunity Structure Perceptions and Institutionalization of the Azov Movement in Post-Euromaidan Ukraine // *Nationalities Papers*, 2019, No. 47(5), pp. 774-800.
- Gorbach, D.; Petik, O. Azovskiy shlyakh: kak ul'trapravoye dvizheniye boretsya za mesto v politicheskom meynstrime Ukrainy (Azovskiy Shlyakh: How the Ultra-Right Movement Is Fighting for a Place in the Political Mainstream of Ukraine) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, No. 13(1), pp. 179-192.
- Gritsenko, A. Ukrainskiye svyazi Boyevoy organizatsii russkikh natsionalistov: kontakty i konteksty v do- i postmaydannoy Ukraine (Ukrainian Ties of the Combat Organization of Russian Nationalists: Contacts and Contexts in Pre- and post-Maidan Ukraine) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2015, No. 13(1), pp. 180-193.
- Hanebrink, Paul. A Specter Haunting Europe: The Myth of Judeo-Bolshevism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.
- Hauter, Jakob. Delegated Interstate War: Introducing an Addition to Armed Conflict Typologies // *Journal of Strategic Security*, 2019, No. 12(4), pp. 90-103.
- Heinemann-Grüder, Andreas. Geiselnahmer oder Retter des Staates? Irreguläre Bataillone in der Ukraine // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 51-80.
- Hosaka, Sanshiro. Welcome to Surkov's Theater: Russian Political Technology in the Donbas War // *Nationalities Papers*, 2019, Volume 47, Special Issue 5, pp. 750-773.
- Ishchenko, V. Uchastiye krayne pravyykh v protestnykh sobyitiyakh Maydana: Popytka sistematicheskogo analiza (Participation of the Extreme Right in the Protest Events of the Maidan: An Attempt of a Systematic Analysis) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, № 13(1), pp. 103-127.
- Kailitz, Steffen; Umland, Andreas. Why Fascists Took Over the Reichstag but Have Not Captured the Kremlin: A Comparison of Weimar Germany and Post-Soviet Russia // *Nationalities Papers*, 2017, No. 45(2), pp. 206-221.
- Kopecky, Petr; Mudde, Cas, eds. Uncivil Society? Contentious Politics in Post-Communist Europe. London: Routledge, 2012.
- Kowal, Pawel; Mink, Georges; Reichardt, Adam; Reichardt, Iwona (eds.). Three Revolutions: Mobilization and Change in Contemporary Ukraine I-II. 2 vols. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2019.
- Kubicek, Paul. What Happened to the Nationalists in Ukraine? // *Nationalism and Ethnic Politics*, 1999, No. 5(1), pp. 29-45.
- Kulyk, Volodymyr. Ukrainian Nationalism since the Outbreak of Euromaidan // *Ab Imperio*, 2014, No. 3, pp. 94-122.
- Kuzio, Taras. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine Before and After Independence: The Right and its Politics, 1989-1994 // *Nationalities Papers*, 1997, No. 25(2), pp. 211-242.
- Likhachev, V. Mesto antisemitizma v ideologii i propagande vseukrainskogo ob'yedineniya 'Svoboda' (The Place of anti-Semitism in the Ideology and Propaganda of the All-Ukrainian Association 'Freedom') // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2013, No. 9(1), pp. 111-134.
- Likhachev, Viacheslav. Right-Wing Extremism in Ukraine: The Phenomenon of "Svoboda." Kyiv: EAJC, 2013.
- Likhachev, Viacheslav. Right-Wing Extremism on the Rise in Ukraine // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 59-74.
- Likhachev, Viacheslav. Social-Nationalists in the Ukrainian Parliament: How They Got There and What We Can Expect of Them // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 75-85.
- Likhachev, Viacheslav. The 'Right Sector' and Others: The Behavior and Role of Radical Nationalists in the Ukrainian Political Crisis of Late 2013 – Early 2014 // *Communist and Post-Communist Studies*, 2015, No. 48(2), pp. 257-271.
- Likhachev, Viacheslav. Far-right Extremism as a Threat to Ukrainian Democracy / Freedom House Nations in Transit Brief, May 2018.
- Likhachev, Viacheslav. Ukrainskiye natsional-radikaly protiv proryssyskikh «separatistov»: ulichnaya voyna (fevral'-may 2014) (Ukrainian National Radicals Against Pro-Russian "Separatists": Street Warfare (February-May 2014)) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2016, No. 13(1), pp. 128-140.

Luks, Leonid. Vergeblicher Versuch, den Holocaust 'rational' zu erklären // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 2004, No. 8(1), pp. 301-309.

Lushynsky, Andriy N.; Riabchuk, Mykola (eds.) *Ukraine on Its Meandering Path Between East and West*. Bern: Peter Lang, 2009.

Malyarenko, Tetyana; Galbreath, David J. Paramilitary Motivation in Ukraine: Beyond Integration and Abolition // *Southeast European and Black Sea Studies*, 2016, No. 16(1), pp. 113-138.

Marples, David R.; Mills, Frederick V. (eds.) *Ukraine's Euromaidan: Analyses of a Civil Revolution*. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015.

McFaul, Michael; Ashund, Anders (eds.). *Revolution in Orange: The Origins of Ukraine's Democratic Breakthrough*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006.

Mierzejewski-Voznyak, Melanie. The Radical Right in Post-Soviet Ukraine. In Jens Rydgren, ed. *The Oxford Handbook of the Radical Right*, Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 608-629.

Miyssen, I. Kuznitsa modernizatsii na ozere Seliger: dvizheniye «Nashi», putinskiy patriotizm i Vserossiyskiy molodezhnyy obrazovatel'nyy forum 2005-2010 gg. (Forge of Modernization on Lake Seliger: The Nashi Movement, Putin's patriotism and the All-Russian Youth Educational Forum 2005-2010) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2012, No. 2, pp. 132-157.

Moser, Michael. Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine Under President Viktor Yanukovich. 25 February 2010 – 28 October 2012. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2013.

Mudde, Cas. Warum ist der Rechtsradikalismus in Osteuropa so schwach? // *Osteuropa*, 2002, No. 52(5), pp. 626-630.

Mykhnenko, Vlad. Causes and Consequences of the War in Eastern Ukraine: An Economic Geography Perspective, *Europe-Asia Studies*, 2020.

Nahaylo, Bohdan. Ukraine / RFE/RL Research Report: The Politics of Intolerance, 1994, No. 3(16), pp. 42-49.

Panina, N. Faktori natsional'noy identichnosti, tolerantnosti, ksenofobii i antisemitizma v sovremennoy Ukraine (Factors of National Identity, Tolerance, Xenophobia and Anti-Semitism in modern Ukraine) // *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2006, No. 1, pp. 26-38.

Paniotto, Vladimir. Dinamika ksenofobii i antisemitizma v Ukraine (1994-2007) (Dynamics of Xenophobia and Anti-Semitism in Ukraine (1994-2007)) // *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2008, No. 1, pp. 197-213.

Payne, Leigh A. *Uncivil Movements: The Armed Right Wing and Democracy in Latin America*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000.

Pedahzur Ami; Weinberg, Leonard. Modern European Democracies and Its Enemies: The Threat of the Extreme Right // *Totalitarian Movements and Political Religions*, 2001, No. 2(1), pp. 52-72.

Piotrowski, Grzegorz. Civil Society, Un-Civil Society and the Social Movements // *Interface: A Journal for and about Social Movements*, 2009, No. 1(2), pp. 166-189.

Polyakova, A. From the Provinces to the Parliament: How the Ukrainian Radical Right Mobilized in Galicia // *Communist and Post-Communist Studies*, 2014, No. 47(2), pp. 211-225.

Puglisi, Rosaria. Heroes or Villains? Volunteer Battalions in Post-Maidan Ukraine / IAI Working Papers, 2015, No. 15(8).

Rabe, Jan. *Rechtsextremismus in der Ukraine: Gruppierungen und ihre Aktivitäten im Überblick*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung, 2019.

Ramet, Sabrina (ed.). *The Radical Right in Central and Eastern Europe Since 1989*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1999.

Risch, William Jay. What the Far Right Does Not Tell Us about the Maidan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, No. 16(1), pp. 137-144.

Rossoliński-Liebe, Grzegorz. Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2014.

Rudling, Per Anders. Anti-Semitism and the Extreme Right in Contemporary Ukraine. In Mammone, Godin, and Jenkins. *Mapping the Extreme Right in Contemporary Europe*, 2012. Pp. 189-205.

Rudling, Per Anders. Eugenics and Racial Anthropology in the Ukrainian Radical Nationalist Tradition // *Science in Context*, 2019, No. 32, pp. 67-91.

Rudling, Per Anders. The Cult of Roman Shukhevych in Ukraine: Myth Making with Complications // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*, 2016, No. 5(1), pp. 26-65.

Rudling, Per Anders. The Return of the Ukrainian Far Right: The Case of VO Svoboda. In Ruth Wodak and John E. Richardson, eds. *Analyzing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*. London: Routledge, 2013. Pp. 228-255.

Sergackova, Ekaterina. Freiwillig: Kleines Who's Who ukrainischer Bataillonskommandeure // *Osteuropa*, 2015, No. 65(1-2), pp. 23-32.

Shekhovtsov, A. Palingeneticheskiy proyekt neoyevraziystva: idei vozrozhdeniya v mirovozzrenii Aleksandra Dugina (Palingenetic Project of neo-Eurasianism: Ideas of Revival in the Worldview of Alexander Dugin) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2009, No. 2, pp. 105-126.

Shekhovtsov, Anton. From Para-Militarism to Radical Right-Wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-Right Party Svoboda. In Wodak, Mral, and KhosraviNik, *Right Wing Populism in Europe*, 2013. Pp. 249-263.

Shekhovtsov, Anton. Radikale Parteien, irreguläre Verbände: Ukrainische Milizen aus dem rechtsextremistischen Milieu // *Osteuropa*, 2019, No. 69(3-4), pp. 149-162.

Shekhovtsov, Anton. The Creeping Resurgence of the Ukrainian Radical Right? The Case of the Freedom Party // *Europe-Asia Studies*, 2011, No. 63(2), pp. 203-228

Shekhovtsov, Anton. The Ukrainian Far Right and the Ukrainian Revolution. In Irina Vainovski-Mihai, ed. N.E.C. Black Sea Link Program Yearbook 2014-2015. Bucharest: New Europe College, 2015. Pp. 216-237.

Shekhovtsov, Anton; Polyakova, Alina. On the Rise: Europe's Fringe Right // *World Affairs*, No. 179(1), pp. 70-80.

Shekhovtsov, Anton; Umland, Andreas. Ukraine's Radical Right // *Journal of Democracy*, 2014, No. 25(3), pp. 58-63.

Shekhovtsov, Anton; Umland, Andreas. Ultraright Party Politics in Post-Soviet Ukraine and the Puzzle of the Electoral Marginalism of Ukrainian Ultranationalists in 1994-2009 // *Russian Politics and Law*, 2013, No. 51(5), pp. 33-58.

Shkandrij, Myroslav. *Ukrainian Nationalism: Politics, Ideology, and Literature, 1929-1956*. New Haven, CT: Yale University Press, 2015.

Shnirel'man, V. Yevraziya ili Yevropa? Rol' Ukrainy v yevraziyskom i Yevrazii v ukrainskom diskurse (Eurasia or Europe? The Role of Ukraine in Eurasian and Eurasia in Ukrainian Discourse) // *Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury*, 2009, No. 1.

Shukan, Ioulia. Defending Ukraine at the Rear of the Armed Conflict in Donbas: Wartime Vigilantism in Odessa (2014-2018) // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2020, No. 11(3), pp. 71-104.

Stepanenko, Viktor; Pylynskyi, Yaroslav (eds.). *Ukraine after the Euromaidan: Challenges and Hopes*. Bern: Peter Lang, 2015.

Stojárová, Vera. *The Far Right in the Balkans*. Manchester: Manchester University Press, 2016.

Struve, Kai. *Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine*. München: DeGruyter-Oldenbourg, 2015.

Taras Kuzio. Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007.

Toal, Gerard. Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Ukrainskiye pravyye ekstremisty vo vremya i posle vosstaniya 2013-2014 gg. (Ukrainian Right-Wing Extremists during and after the 2013-2014 Uprising) // Spetsseksiya zhurnala Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury (Special section of the journal Forum of Contemporary East European History and Culture), 2013, No. 13(1), pp. 103-206.

Umland, Andreas; Zaitsev, Olexandr (eds.). The Ukrainian Radical Right in Past and Present: Studies in Ideology, Memory and Politics / Special Section of Communist and Post-Communist Studies, 2015, No. 48(2-3), p. 169-271.

Umland, A. Dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya i radikal'nyy natsionalizm v poslemaydannoy Ukraine: nekotoryye osobennosti vozniknoveniya polka «Azov» (Volunteer Armed Formations and Radical Nationalism in post-Maidan Ukraine: Some Features of the Emergence of the Azov Regiment) // Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury, 2016, Vol. 13, No. 1, pp. 141-178.

Umland, A. Patologicheskiye tendentsii v russkom «neoyevraziystve»: o znachenii vzleta Aleksandra Duginia dlya interpretatsii obshchestvennoy zhizni sovremennoy Rossii (Pathological Tendencies in Russian «neo-Eurasianism»: on the Significance of Alexander Dugin's Take-off for the Interpretation of the Social Life of Modern Russia) // Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury, 2009, No. 2, pp. 127-143.

Umland, Andreas (ed). Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism // Special Issue of Russian Politics & Law, 2013, № 51(5). С. 3-95.

Umland, Andreas. A Typical Variety of European Right-Wing Radicalism? // Russian Politics and Law, 2013, No. 51(5) pp. 86-95.

Umland, Andreas. Der Begriff der 'unzivilen Gesellschaft' als Instrument der historischen und aktuellen Rechtsextremismusforschung // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen, 2008, No. 21(4), pp. 63-67.

Umland, Andreas. Die andere Anomalie der Ukraine: ein Parlament ohne rechtsradikale Fraktionen // Ukraine-Analysen, 2008, No. 41, pp. 7-10.

Umland, Andreas. Dobrovol'cheskiye vooruzhennyye formirovaniya i radikal'nyy natsionalizm v poslemaydannoy Ukraine: nekotoryye osobennosti vozniknoveniya polka 'Azov' (Volunteer Armed Formations and Radical Nationalism in Post-Maid Ukraine: Some Features of the Emergence of the Azov Regiment) // Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury, 2016, No. 13(1), pp. 141-178.

Umland, Andreas. Does Yanukovich's Coalition Government Have a Popular Mandate? The 'Tushki' and Decline of Ukrainian Representative Democracy // Foreign Policy Journal, 27 March 2010. Mode of access: www.foreignpolicyjournal.com/2010/03/27/does-yanukovichs-coalition-government-have-a-popular-mandate/

Umland, Andreas. How Moscow Is Subverting Ukraine's Bid for Freedom // Foreign Policy, 26 February 2016.

Umland, Andreas. Irregular Militias and Radical Nationalism in Post-Euromaidan Ukraine: The Prehistory and Emergence of the 'Azov' Battalion in 2014 // Terrorism and Political Violence, 2019, No. 31(1), pp. 105-131.

Umland, Andreas. Orange Revolution als Scheideweg: Demokratisierungsschub in der Ukraine, Restaurationsimpuls in Russland // Osteuropa, 2009, No. 59(11), pp. 109-120.

Umland, Andreas. Starting Post-Soviet Ukrainian Right-Wing Extremism Studies from Scratch: Guest Editor's

Introduction // Russian Politics and Law, 2013, No. 51(5), pp. 3-10.

Umland, Andreas. The Right-Wing Extremisms of Post-Soviet Russia and Ukraine, 1991-2014: Hypotheses on Differences in Their Permutation and Performance / Presentation to the Danyliw Seminar on Contemporary Ukraine, University of Ottawa, 2 November, 2014.

Umland, Andreas; Yurchuk, Yuliya, eds. Issues in the History and Memory of the OUN I-III // Special sections of the Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society, 2017-2020, No. 3(2): pp. 115-290, No. 4(2), pp. 29-132, No. 6(1), pp. 185-311.

Vasil'chenko, S. 'Svoboda' protiv vseh: kratkiy obzor rezul'tatov radikal'nykh pravyykh na vyborakh 1994-2012 ['Freedom' against All: a Brief Overview of the Results of the Radical Right in the 1994-2012 Elections] // Forum noveyshey vostochnoyevropeyskoy istorii i kul'tury, 2013, No. 9(1), pp. 64-92.

Wilson, Andrew. Ukraine Crisis: What It Means for the West. New Haven, CT: Yale University Press, 2014.

Wilson, Andrew. Ukraine's Orange Revolution. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.

Wood, Elizabeth A. et al. Roots of Russia's War in Ukraine. New York, NY: Woodrow Wilson Center Press, 2016.

Yurchuk, Yuliya. Reclaiming the Past, Confronting the Past: OUN-UPA Memory Politics and Nation-Building in Ukraine (1991-2016). In Julie Fedor, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila and Tatiana Zhurzenko, eds. War and Memory in Russia, Ukraine, and Belarus. New York: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 107-137.

Zaitsev, Olexandr. Ukrainian Integral Nationalism in Quest of a 'Special Path' (1920s-1930s) // Russian Politics & Law, 2013, No. 5, pp. 11-32.

Zajaczkowski, Johan. Homogenität und Fragmentierung: Ukrainische Freiwilligenbataillone im Wandel // Osteuropa, 2019, No. 69(3-4), pp. 81-102.

Бендза, Галина. УНА-УНСО: Нове обличчя? / Студії політологічного центру Генеза, 1997, No. 1, pp. 48-51.

Кулик В. Український націоналізм у незалежній Україні. Київ, 1999: НАУКМА.

Литовецький Святослав. Організація українських націоналістів (бандерівці): фрагменти діяльності та боротьби. Київ: Українська видавнича спілка, 2010.

Ліхачов, В'ячеслав. Від Майдану праворуч: Революція, війна і ультраправі в Україні (2013-2016 роки). Київ: Критика, 2020.

Нахманович, В. Феномен «Свободи»: Виборці радикальних націоналістів у дзеркалі соціології. Київ: КМІС/ВААД, 2016.

Панченко В.Г. Легалізація та діяльність ОУН в Україні протягом 1990-х рр. / Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2011. No. 30. Pp. 38-41.

Шеховцов, Антон. Всеукраїнське об'єднання «Свобода»: проблема легітимності боротьби за владу // Україна Модерна, 2013, No. 20, pp. 171-213.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10008

FAR-RIGHT IN UKRAINE BEFORE AND AFTER EUROMAIDAN: FROM ULTRANATIONALIST PARTY POLICY TO ETHNO-CENTRAL “NON-CIVIL” SOCIETY

Andreas L. Umland

*Institute of International Relations,
Prague, Czech Republi*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 12.06.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 01.09.2020</p>	<p>Abstract: Partisan-political ultranationalism was so far weak in post-Soviet Ukraine. The three main political forces, VO “Svoboda”, “Right Sector” and “National Corps”, despite the increased public awareness and growing nationalist sentiments among the population of Ukraine, remained politically marginalized after the 2013-2014 Euromaidan. Neither the loss of Crimea nor the war in Donbass increased the electoral support of radical nationalist groups. However, in the context of Russia’s ongoing “hybrid war” against Ukraine, far-right activists, sometimes associated with ultra-nationalist political parties, have gained more recognition in the Ukrainian public since 2014. The activities of anti-democratic non-governmental organizations and their periodic cooperation with the Ukrainian state require careful monitoring. This article provides an overview of the development of the right-wing radical political spectrum in Ukraine before and after the “Revolution of Dignity”.</p>
<p>About the author: Center for European Security, Institute of International Relations, Prague</p> <p>e-mail: andreas.umland@stanfordalumni.org</p>	
<p>Key words: Ukraine; nationalism; radicalism; parties; elections; extremism</p>	

Для цитирования: мланд А. Крайне правые в Украине до и после Евромайдана: от ультранационалистической партийной политики к этно-центристскому «негражданскому» обществу // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 89-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10008

For citation: Umland, Andreas L. Krayne pravyye v Ukraine do i posle Yevromaydana: ot ul'tranatsionalisticheskoy partiynopolitiki ketno-tsentristskomu «negrazhdanskomu» obshchestvu (Far-Right in Ukraine before and after Euromaidan: From Ultranationalist Party Policy to Ethno-Central “Non-Civil” Society) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 89-117.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10008

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009

«ТАЙВАНЬСКАЯ НАЦИЯ»: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ?

Андрей Дмитриевич Дикарев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Александр Владимирович Лукин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 сентября 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 октября 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты становления и развития национальной идентичности жителей Тайваня. Разбирается проблема соотношения «государственного мифа» и реальной политической практики на Тайване, освещен его уникальный исторический опыт в этом отношении. Анализ проведен с привлечением исторических данных об аналогичных процессах, связанных с образованием национальных государств в мире. Освещены эволюция взглядов различных политических сил в отношении статуса Тайваня в современном мире и возникновение национализма на острове. Рассматривается проблема соотношения этнических и политических факторов при самоидентификации жителей Тайваня. Приведены и проанализированы новейшие данные социологических опросов на острове, посвященных выявлению динамики самоидентификации тайваньцев, их партийных предпочтений и взглядов на состояние отношений острова с континентальным Китаем. Сделана попытка определить, какова корреляция между тайваньской идентификацией, желанием значительной части населения сохранить статус-кво в отношениях с КНР и поддержкой политической независимости Тайваня. На протяжении последних десятилетий отмечается практически неуклонный рост доли тех, кто идентифицирует себя как в качестве «тайваньцев». При этом укрепляется представление о том, что Тайвань является фактически независимым государством. Выделены внутренние и внешние факторы, влияющие на динамику идентичности и отношение тайваньцев к проблеме статуса Тайваня в последние два года.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-514-07003 «Проблемы развития российско-южноосетинских отношений и интеграционных инициатив в условиях экономических и дипломатических ограничений»</i></p>
<p>Об авторах: <i>Дикарев А.Д., к.и.н., ведущий научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России</i> e-mail: andreydikarev@yahoo.com <i>Лукин А.В., д.и.н. руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ; директор, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России</i> e-mail: avlukin@hse.ru</p>	
<p>Ключевые слова: политический статус Тайваня; национальное государство; КНР; тайваньская идентичность; самоидентификация; социологические опросы; сепаратизм и национализм; статус-кво; пандемия коронавируса</p>	

Словом «Тайвань» обозначаются различные понятия. В географическом смысле – это остров в Тихом океане. В политическом контексте этим термином могут обозначать провинцию КНР, провинцию Китайской Республики или некое политическое образование, которое, с точки зрения одних, представляет собой часть КНР,

а с точки зрения других – либо совпадает с государством, называемым «Китайская Республика», либо является его частью, либо вообще представляет собой отдельное государство. В большинстве случаев то, что конкретно подразумевается под «Тайванем», зависит от политической позиции говорящего. Далеко не все из тех, кто считают

Тайвань государственным образованием, смогут четко ответить на вопросы о его точном названии, границах и отношении к КНР. Но многие тайваньские политики часто специально трактуют эти непростые проблемы уклончиво, чтобы не спровоцировать острой реакции Пекина или не потерять поддержки какой-либо части собственного населения.

Цель данной статьи – не определение объективного статуса Тайваня в международной системе, но анализ процессов, происходящих в массовом сознании тайванцев, а также взглядов тайваньской элиты как примера создания и утверждения сепаратистской идеологии, которая может служить теоретическим обоснованием существования нового государственного образования. Создание подобного теоретического обоснования обычно предшествует возникновению независимых государств, этот процесс можно назвать складыванием государственного мифа. При этом создание такого мифа не всегда совпадает с политическим процессом становления собственно государства. Он может долгое время существовать в зрелом виде, но государство еще не появляется, так как политические условия для этого не созрели. Например, украинский государственный миф сложился еще до создания независимого украинского государства. Но в некоторых случаях политика обгоняет мифотворчество: например, государственные мифы в странах Центральной Азии стали складываться после создания самих государств, так как неожиданный распад СССР обогнал здесь идеологические процессы созревания национализма.

Само понятие национального государства исторически довольно новое. Считается, что международная система, основанная на суверенных государствах, возникла после Вестфальского мира (1648). Однако «суверенные» тогда не означало «национальные». Суверенные государства в качестве новой основы международной системы в то время противопоставлялись надгосударственным образованиям, основанным на общности династии или религии. Провозглашались верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость

в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории, то есть принцип государственного суверенитета не еще был связан с этничностью. Внутри государства сувереном чаще всего продолжал оставаться монарх.

На следующем этапе в результате Великой французской революции сувереном стала провозглашаться нация, противопоставлявшаяся монарху. Однако нация понималась не этнически, а как совокупность всех лиц, проживающих на территории суверенного государства. Именно эта совокупность под названием «нации» была провозглашена сувереном, источником власти, вместо суверена-монарха. Таким образом, мир стал рассматриваться как система суверенных государств, власть в которых принадлежит их жителям, гражданам или подданным, однако они все еще не обязательно должны были принадлежать к конкретному этносу.

Лишь в XIX веке, в связи с ростом национализма, возникла идея, что каждый этнос имеет право на свое государство. Она выразилась в теории «права нации на самоопределение», ставшей одним из принципов международного права. Ее истоки – в национальных движениях XIX века: греческой войне за независимость 1821-1829 гг. и более поздним восстаниям различных народов за отделение от Османской империи, венгерской революции 1848 г., польских восстаниях за отделение от России, движения за объединение Германии и Италии и т.д. Во всех этих случаях лозунги борьбы с религиозным угнетением использовались параллельно с лозунгами борьбы с гнетом национальным, причем национальный фактор выходил на первое место: выдвигалась идея о праве нации (этноса) образовать собственное государство.

Классический исследователь национализма Э. Кедури писал: «Национализм – доктрина, изобретенная в Европе в начале XIX века. Она претендует на то, чтобы дать критерий для определения единицы населения, которому подобает иметь правительство исключительно для себя, для легитимного осуществления власти в стране и правильной организации сообщества государств».

Согласно Кедури, эта доктрина провозглашает, что «человечество естественным образом разделено на нации, что нации имеют некоторые характеристики, которые можно установить, и что единственным легитимным типом управления является национальное самоуправление...¹. При этом, несмотря на то что в современном мире эта доктрина победила и считается самоочевидной, до конца XVIII века само понятие нации не заключало в себе того этнического значения, которое оно имеет сегодня. Это, кстати, подтверждается тем, что в языках, в которых слово «нация» вошло в обиход ранее распространения идеи национализма, например, в английском и французском, оно не имеет этнической коннотации. А в более «восточных» языках, например, в русском или китайском, национальность означает этничность. “Nationality” на английском означает гражданство, а «национальность» на русском или «民族» на китайском – этническую принадлежность. Поэтому «United Nations Organization» на русский язык правильно было бы переводить «Организация Объединенных Государств», на китайский язык она так и переводится – 联合国.

Существует несколько способов осуществления идеала национального государства. Во-первых, уже существующее государство может быть объявлено этническим, несмотря на свою полиэтничность. Например, Испания объявляется государством испанской нации (как, например, в период правления Ф. Франко), Турция – турецкой (как у младотурок), Россия – государством, где русский народ играет некую «государствообразующую» роль (хотя в Российской империи, например, вообще не было юридического понятия национальности). Во-вторых, национальное государство создается на основе ранее возникшего государственного мифа путем объединения отдельных существовавших частей – средневековых княжеств, частей других государств, населенных этнически близкими группами и т.п. Так были созданы современные Германия и Италия. Иногда объединению может

способствовать территориальное деление, учрежденное бывшей метрополией (Индия, Индонезия). В-третьих, новое национальное государство может возникнуть в результате успеха сепаратистского движения или распада крупного многонационального образования. Так в результате распада Австро-Венгрии возникли Австрия, Венгрия и Чехословакия, затем в свою очередь распавшаяся на Чехию и Словакию, Ирландия отделилась от Великобритании, Польша и Финляндия – от распавшейся Российской империи, постсоветские государства появились в результате распада СССР.

Возникновение Тайваня как особого политического образования соответствует несколько иной модели: разделению национального государства в результате гражданской войны или оккупации. В этом случае отделение не связано с национальным движением или мифом. Превратности международной политики разделяют страну сначала, а мифология начинает складываться потом, в уже отделившемся новом политическом образовании. Обычно ее разрабатывают силы, которым выгодно сохранять и консервировать отделение, для чего они начинают формировать национально-государственный миф. Однако далеко не всегда эти попытки имеют успех у населения. Например, две Германии, Восточная и Западная, отдельно существовали около 40 лет и с точки зрения международного права имели все признаки легитимных независимых государств. Но, несмотря на попытки лидеров ГДР убедить народ в существовании некоей «социалистической немецкой нации», успеха это проект не имел, и при первой политической возможности две части Германии объединились. Общенациональный миф оказался сильнее. Точно также, несмотря на длительное параллельное существование двух корейских государств, единый национальный миф и мечта об объединении Корейского полуострова настолько сильны, что никаких серьезных попыток создать миф о отдельных корейских нациях ни на Севере, ни на Юге даже не предпринимается. А вот в Австрии, несмотря на существовавшее до Второй мировой войны мощное движение за объединение с Германией, сосуществование

¹ Kedourie, Elie. *Nationalism*, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993. Pp. xviii, 154.

с Третьим рейхом вызвало такое разочарование, что сепаратистский государственный миф утвердился.

Чтобы разобраться в ситуации на Тайване, необходимо вкратце осветить его историю и рассмотреть эволюцию позиций различных политических сил в отношении его статуса.

Первоначально остров Тайвань был заселен племенами аборигенов, говоривших на языке австронезийской семьи. Приблизительно с XIII века на соседних Пескадорских островах (Острова Пэнху) начинают селиться китайские рыбаки, однако не многие из них добираются до Тайваня. С XVI века на острове появляется больше рыбаков и торговцев из соседней китайской провинции Фуцзянь, а также китайских и японских пиратов. В XVII веке за контроль над островом боролись испанцы и голландцы, затем власть захватил сторонник терявшей власть на материке династии Мин Чжэн Чэнгун, изгнавший с него голландцев. В 1683 г. войска Цинской династии захватили Тайвань и административно подчинили провинции Фуцзянь. В 1887 г. Тайвань был выделен в отдельную провинцию, называвшуюся Фуцзянь-Тайвань. В 1895 г., после поражения Китая в войне с Японией, Тайвань с Пескадорскими островами по Симонсекскому мирному договору отошел к Японии, причем японский суверенитет признавали все государства, в том числе и Цинская империя.

Во время Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции заключили договоренность о передаче Тайваня и Пескадорских островов Китайской Республике (КР) после поражения Японии. Эта договоренность была зафиксирована на Каирской мирной конференции 1943 г. и в Потсдамской декларации, подписанной в июле 1945 лидерами США, Великобритании и КР. Согласившись на безоговорочную капитуляцию, Япония выполнила условия Потсдамской декларации. Японские войска сдались войскам КР как представителям Чан Кайши – главнокомандующего союзными войсками на китайском театре военных действий. Гоминьдановский губернатор Тайваня Чэнь И объявил 25 октября 1945 года Днем Ретроцессии (возвращения) Тайваня.

Однако вопрос о том, признали ли США Тайвань частью КР, долгое время оставался неясным. Например, во время антиправительственных выступлений на Тайване в феврале 1947 г., жестоко подавленных гоминьдановскими войсками (так называемый «Инцидент 228»), генеральное консульство США в Тайбэе призывало свое правительство к интервенции от имени США или ООН на том основании, что Тайвань был лишь передан под административное управление КР, что не означало передачи суверенитета. Юридически же остров оставался частью Японии, оккупированной США. По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав на Тайвань и Пескадорские острова, однако в нем не говорилось о том, кому именно она передавала суверенитет над ними, так как существовала неясность, передавать его КР или КНР. Аналогичные формулировки были зафиксированы в договоре между Японией и КР 1952 г. Еще в 1971 г. Государственный департамент США фактически подтвердил свою позицию относительно неясности статуса Тайваня: «Так как Тайвань и Пескадоры не определены никакими существующими международными договоренностями, суверенитет над этой областью является нерешенным вопросом, который должен быть урегулирован будущим международным решением»².

В подписанном в 1972 году в Шанхае президентом США Р.Никсоном и Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем совместном заявлении, известном, как «Шанхайское коммюнике», США признали Тайвань частью Китая, но не КНР³. Такая формулировка соответствовала позиции как Пеки-

2 Starr, Robert I. (13 July 1971). Legal Status of Taiwan, US State Department. Mode of access: <https://www.taiwanbasic.com/nstatus/starr.htm> ; “John Tkacik on Taiwan: Taiwan’s Status Remains ‘unsettled’” // *Taipei Times, Sun*, Sep 30, 2007. Mode of access: 20121013235502/<http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2007/09/30/2003381074/2>

3 Joint Statement Following Discussions With Leaders of the People’s Republic of China Shanghai, February 27, 1972. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203>

на, так и Тайбэя, и лишь означала отказ от позиции «двух Китаев», то есть признания КНР и КР двумя разными странами. И лишь из совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979, в котором США признали правительство КНР единственным законным правительством Китая, можно сделать вывод, что, признавая Тайвань частью Китая, Вашингтон тем самым считает его частью КНР (хотя прямо и там об этом не сказано)⁴. Такой же позиции в настоящее время придерживается большинство государств мира.

Что касается позиций различных китайских сторон и политических сил, то они весьма противоречивы. Наиболее ясна позиция КНР. В Пекине всегда считали, что КНР является государством-правопреемником КР и со дня ее образования 1 октября 1949 года к ней перешел суверенитет над всей бывшей территорией КР, в том числе и над Тайванем. Согласно конституции КНР, «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики»⁵. Административно большую часть территории, контролируемой сегодня тайбэйским правительством, КНР считает своей провинцией Тайвань, а некоторые небольшие острова относит к своим провинциям Фуцзянь, Гуандун и Хайнань.

Гоминьдановцы, правившие на Тайване без перерыва с 1945 до 2000 г., считали себя правительством Китайской Республики (КР), которое в 1949 г. вынуждено было переехать на Тайвань в связи с тем, что материковая часть страны была охвачена «коммунистическим мятежом». Естественно, это правительство полагало, что обладает суверенитетом над всей территорией бывшей КР, в том числе и над Тайванем, хотя иногда и признавало, что этот факт не был признан никаким международным соглашением.

⁴ Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China, January 1, 1979. Mode of access: <http://www.taiwandocuments.org/communique02.htm>

⁵ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). Окно в Китай. Mode of access: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch0

Конституция КР принята в 1946 г., точно не определяет, что именно относится к ее территории. Однако принадлежность к ней Тайваня основывается на том, что правительство КР никогда не признавало Симоносекский договор, хотя и не оспаривало его. Таким образом, с точки зрения Гоминьдана, передача Тайваня КР в 1945 г. была и возвращением суверенитета над ним. Поначалу Гоминьдан строил планы вернуться на материк, однако, когда невозможность этого стала ясна, его представители начали выдвигать иные предложения. В 1991 г. президент Ли Дэньхуэй неофициально предложил не претендовать на материковую территорию, контролируемую правительством КНР. Однако эта позиция не была принята ни судебной системой, ни Национальной Ассамблеей КР, которая затем была распущена. Отвергли ее и в Пекине, так как по мнению правительства КНР изменение границ КР будет означать движение к независимости Тайваня, а в этом случае Пекин грозит установить над ним контроль силой.

1 августа 1992 г. тайваньский Совет по делам материка опубликовал следующую формулировку: «Обе стороны Тайваньского пролива согласны, что существует только один Китай. Однако две стороны пролива придерживаются различных мнений относительно того, что означает “один Китай”. Для Пекина “один Китай” означает “Китайская Народная Республика (КНР)”, а Тайвань после объединения должен стать ее “Специальным административным районом”. Тайбэй, с другой стороны, считает, что “один Китай” означает Китайскую Республику (КР), основанную в 1911 г., суверенитет которой де-юре распространяется на весь Китай. В настоящее время КР обладает юрисдикцией над [островами] Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу. Тайвань является частью Китая и материковый Китай также является частью Китая»⁶. Позднее в том же году на неофициальных переговорах представителей Тайваня и КНР эта формулировка была принята за основу так назы-

⁶ Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

ваемого «консенсуса 1992 г.», который до настоящего времени признается и КНР как основа для переговоров⁷. Ее смысл в том, что обе стороны согласны с существованием одного Китая, частями которого являются и Тайвань, и материк, но трактуют этот «Китай» по-своему. Конечно, Пекин отвергает тайбэйскую интерпретацию «одного Китая», он лишь соглашается вести переговоры и развивать неофициальные отношения с Тайванем, но только в случае признания Тайбэем принципа «одного Китая».

Гоминьдан, остающийся одной из двух наиболее влиятельных партий Тайваня и после демократизации, изначально разделял подход, зафиксированный в Конституции: КР – это государство, возникшее в Китае в 1911 г., оно унаследовало территорию Цинской империи, но в 1949 году уступило контроль над материковой частью Китая из-за коммунистического мятежа. Территория его – весь Китай, а жители – китайцы, граждане Китайской Республики. Однако после провала попыток вернуться на материк и в связи с ее явной нереалистичностью, эта позиция на практике несколько изменилась. В демократический период тайваньские лидеры, представлявшие Гоминьдан, во время пребывания у власти в целом придерживались консенсуса 1992 г. Правда, здесь случались и отклонения. Например, в конце своего правления в 1999 г. Ли Дэньхуэй выдвинул предложение фактически признать КНР и КР двумя странами и вести между ними переговоры на этой основе, что означало отход от «консенсуса 1992 г.» и сближение с позицией оппозиционных сторонников независимости⁸. Однако эти предложения были решительно отвергнуты Пекином

⁷ Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) *Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives*. London: Routledge, 2011. P. 54; Консенсус 1992 года стал основой для всех переговоров материковой части Китая и Тайваня // CNTV, 07.11.2015. Mode of access: <http://cctv.cntv.cn/2015/11/07/VIDE1446895931827820.shtml>

⁸ Ли Дэньхуэй. Позиция Тайваня. М., МГУ, 2000. С. 53. [Lee, Teng-Hui. *Taiwan's Viewpoint*. Moscow: MGU, 2000.]

икрупнейшими мировыми игроками, в результате чего от них пришлось отказаться и более Гоминьдан их не выдвигал⁹. При президенте Ма Инцзю, находившемся у власти с 2008 по 2016 гг., консенсус 1992 г. строго соблюдался, что дало возможность наладить неформальные связи с КНР по многим направлениям¹⁰. При этом представителями Тайваня «один Китай» иногда интерпретировался как КР, а иногда, чтобы еще меньше раздражать КНР – даже как некий идеальный Китай, который возникнет когда-то в будущем после объединения.

Вторая ведущая партия Тайваня, Демократическая прогрессивная (ДПП) вышла из тайваньского движения за независимость, активисты которого жестоко подавлялись во время диктатуры Гоминьдана, длившейся до конца 80-х годов XX века. Идеология борцов за независимость фактически была локализмом или тайваньским национализмом. Ее активисты еще в период диктатуры создавали миф о том, что коренные жители Тайваня – это не китайцы или не совсем китайцы (ханьцы), на Тайване в результате длительных исторических периодов, когда весь остров или его части находились под властью разных сил: местных племен аборигенов, испанцев, голландцев, китайских пиратов и японцев, в результате смешения всех этих элементов образовалась некая новая нация, отличная от ханьской, со своим языком, культурой и привычками. При этом в качестве особо позитивной часто особо выделяется период японской оккупации, когда тайваньская нация якобы окончательно сложилась¹¹. Политически Тайвань ни-

⁹ Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) *Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives*. London: Routledge, 2011. Pp. 60-61.

¹⁰ Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), *Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges*. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

¹¹ В соответствии с модными идеями британского историка Б. Андерсона в западной этнологии

когда не принадлежал Китаю, кроме периодов его «оккупации» Цинской империей и Гоминьданом, не являлся он и частью КР, так как до 1945 г. был колонией Японии, что признавала и Цинская империя, а затем формально не был передан под суверенитет КР. Таким образом, он был незаконно оккупирован войсками КР в 1945 г., а к КНР вообще не имеет никакого отношения¹².

Подобных позиций придерживалась ДПП, будучи в оппозиции. Еще в резолюции ее съезда, состоявшегося в 1991 г., говорилось о необходимости проведения референдума о независимости Тайваня. Однако для прихода к власти их пришлось модифицировать по двум причинам. Во-первых, странно бороться за власть в Китайской Республике в соответствии с ее конституцией, легитимность которых не признаешь. Во-вторых, активная политика по осуществлению программы приобретения формальной независимости, например, ее провозглашение или даже изменение границ КР, могла вызвать вторжение войск КНР, что спровоцировало бы войну в регионе с неясным исходом. Ва-

шингтон, не желавший воевать за Тайвань с КНР, но в обычное время предоставлявший ему гарантии безопасности, не позволил бы этого сделать.

В результате, в принятой в 1999 г. «Резолюции относительно будущего Тайваня» была выдвинута идея о том, что Тайвань под именем Китайской Республики уже является независимым государством, референдум о независимости не требуется, а, наоборот, изменение этого независимого статуса потребует референдума¹³. Таким образом, ДПП признала и существование КР, идентифицировав ее с Тайванем, и ее конституцию, но в границах, реально контролируемых правительством в Тайбэе¹⁴. Именно в этом последнем пункте и состоит отличие ее позиции от позиции Гоминьдана.

Смягчение позиции помогло кандидатам от ДПП дважды быть избранными на пост президента КР: Чэнь Шуйбяню, правившему с 2000 по 2008 гг. и Цай Инвэнь, которая находится у власти с 2016 г. до настоящего времени. Тем не менее, даже в смягченном виде, позиция ДПП отвергает идею «одного Китая» и «консенсус 1992», что ведет к серьезному сокращению связей с материком в период ее правления¹⁵. Принципиально эта позиция не изменилась до сегодняшнего дня. Тем не менее, недовольные таким «соглашательством» сепаратисты вышли из ДПП и организовали Партию тайваньской независимости, которая особым влиянием не пользуется.

также распространено представление о «креольском» (смешанном) характере китайского национализма. М.Браун приходит к выводу о том, что с 1987 г. (после отмены чрезвычайного положения) тайваньская идентичность является амальгамой китайского, аборигенного и японского компонентов. Brown, M. *Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities*. California University, 2004. См. также: Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010. С. 129. [Kuznetsov, A.M. *Ethno-national policy and modern problems of nation-building in China*. Vladivostok: Izd-vo DVGU. 2010.]

¹² Fleischauer, Stefan. *Taiwan's Independence Movement*. in: Gunter Schubert (ed.), *Routledge Handbook of Contemporary Taiwan*. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016; Барышников В.Н. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване // *Краткие сообщения ИНАЗ*. 1963. No.56. С. 119-129. [Baryshnikov, V.N. *The role of Liao Wen-yi's Group in the US Aggressive Plans in Taiwan* // *Kratkie soobshcheniia INAZ*, 1963, No. 56, pp. 119-129.]; Shi Ming, *Taiwanren sibai nian shi* [Four hundred years of history of the Taiwanese]. 1962; repr., Taipei: Huacao wenhua, 1998.

¹³ Fleischauer, S. *Taiwan's Independence Movement*, in: Schubert G. (ed.). *Routledge Handbook of Contemporary Taiwan*. Abingdon, Oxon & New York: Routledge, 2016.

¹⁴ Duchâtel, Mathieu. *The DPP's Cross Strait Policy under Tsai Ying-wen and the 2012 Elections in Taiwan*, Project paper, Track Two Dialogue on EU-China-Relations and the Taiwan Question, Wujiang, 23-24 June 2011, P. 4. Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/Taiwan2ndTrack_Duchatel_2011.pdf

¹⁵ Китай остановил коммуникации с Тайванем из-за «Консенсуса 1992 года» (China Stops Communication Mechanism with Taiwan) // РИА «Новости». 25.06.2016. Mode of access: https://ria.ru/20160625/145150_7696.html

Таким образом, на Тайване фактически отсутствует единая позиция относительно того, что собой представляет государственное образование, руководство которого находится в Тайбэе, каковы его название и границы, кто его жители, к какому этносу принадлежат и на каком языке разговаривают (диалекте китайского или каком-то особом тайваньском). Представители различных политических сил, приходя к власти, интерпретируют эти вопросы по-разному, а их практическая политика сводится к тому, что при власти Гоминьдана упор делается на единство китайской нации, изучение истории, культуры и достижений всего Китая, в то время как при ДПП система образования ориентируется на изучение истории и культуры преимущественно Тайваня, связи с материком сокращаются, и вся государственная идеология строится на восприятии КНР как другой страны, а материковых китайцев – как другой нации. Жители же Тайваня могут выбрать для себя любую интерпретацию, и чаще всего она определяется политическими взглядами

Тайваньская идентичность: некоторые теоретические подходы

Если обратиться к истокам формирования «тайваньской идентичности», то можно сделать вывод, что на начальном, «протестном» этапе своего существования она носила именно «этнический» характер¹⁶. По мнению большинства тайваньских специалистов, «этническая идентичность» не только может передаваться из поколения в поколение, но и образовываться/приобретаться под влиянием внешней среды (в этнологии это называется инструменталистским подходом¹⁷). При этом другие ученые полагают,

что «этническое сознание тайваньцев в процессе сначала японизации, а затем «ханнизации» все более ослабевало¹⁸.

Главным фактором формирования современной тайваньской «этнической идентичности» была монополизация власти партией гоминьдан в период 1945-87 гг. и ее попытка политическими методами обеспечить управление группы населения, прибывшей с материка и находящейся в меньшинстве («外省人»), большинством жителей Тайваня, живших там до 1945 г. («本省人»)¹⁹. В начальный период тайваньской самостоятельности, после ликвидации японского колониального господства, Гоминьдан пытался навязать Тайваню китайскую идентичность, чтобы облегчить тем самым авторитарное правление и получить поддержку дискурса воссоединения нации. Но в своей реальной политике Гоминьдан различал жителей материка, прибывших из Китая после Второй мировой войны, и местных тайваньцев, чьи предки иммигрировали на Тайвань ранее.

Поэтому этнический подход к идентичности стал связываться с дискриминационной политикой, разного рода привилегиями для «жителей материка». После 1987 года стало возможным свободное обсуждение этих вопросов и жители Тайваня начали долгие дебаты по поводу своей национальной идентичности, проходившие на фоне дальнейшего вытеснения Китайской Республики с официальной международной арены.

представляет этнос как конструкт, создаваемый искусственно, прежде всего властными элитами.

¹⁶ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

¹⁷ Инструменталистскому подходу (этническая идентичность- сознательный выбор индивида) противостоит конструктивизм, который

¹⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005. [Moskalev, A.A. *Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu* (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.]

¹⁹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

Идентичность в основном измеряется и определяется двояко. Во-первых, это самоидентификация: человек может идентифицировать себя как «китайца»²⁰ или принять альтернативную местную идентичность. Во-вторых, идентичность косвенно (но только косвенно!) может проявляться при выяснении отношения индивида к политической системе и статусу своего региона, в случае с Тайванем альтернатива очевидна: надлежит предварительно выяснить, что именно опрошенный считает предпочтительным для Тайваня – объединение или независимость? Предполагается, что поддержавший объединение с большей вероятностью считает себя китайцем.

Следует пояснить: ученые отмечают, что значение понятия «китайцы» не является постоянным, оно явно эволюционирует, становясь менее этническим и более политическим, отчасти потому, что Пекин стремился контролировать и монополизировать определение понятия «китайцы» в стране и за рубежом. В результате все больше респондентов считают, что «китайская» идентификация ассоциируется теперь с Китайской Народной Республикой. Жители Тайваня принадлежат преимущественно к ханьскому этносу, признают свои китайские корни, но это далеко не тождественно «общекитайской» идентичности.

Таким образом, вот уже на протяжении трех десятилетий после отмены военного положения параллельно демократизации в обществе идет процесс, который иногда рассматривается аналитиками как открытая борьба за тайваньскую идентичность.

Этнологи-китаеведы задаются вопросом, можно ли назвать «тайваньскую идентичность» «национальной идентичностью» или это всего лишь одна из региональных идентичностей, характерных как для Китая, так и для других стран мира, и в качестве которой «тайваньское самосознание» воспринимается правительством Китайской Народной Республики (КНР), отстаивающим

²⁰ В опросах политологического характера – «чжунгожэнь», 中国人 (гражданин или житель Китая без этнической окраски), этнографического – «хуажэнь», 华人 (китаец по этнической принадлежности и культуре).

принцип «одного Китая»²¹? И не являются ли тайваньцы примером «воображаемого сообщества»²², в лучшем случае – регионального, рамки которого ограничиваются территорией самого Тайваня и нескольких групп островов, находящихся под юрисдикцией КР?

Ряд тайваньских исследователей выдвигает предположение, что национальная идентичность может укрепляться только при создании демократических институтов²³. Этот вывод остается дискуссионным применительно к другим странам, но, возможно, имеет основания в случае с Тайванем, как показывают приводимые ниже результаты социологических опросов.

Самоидентификация тайваньцев в зеркале социологии

Центр электоральных исследований тайваньского университета Чжэнчжи ежегодно проводит обследования, направленные на выяснение политических взглядов тайваньцев, их отношения к национальной идентификации, независимости и объединению, партийных предпочтений. В июне 2019 года были проведены очередные опросы. Выяснилось, в частности, кем называют себя респонденты: тайваньцами (тайваньжэнь) или же китайцами (чжунго-

²¹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of «Taiwanese Identity») // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

²² Здесь имеется в виду понятие, введенное Б. Андерсоном, отметившим исключительную трудность адекватного определения основных терминов этнологии. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.; N.Y., 2006.

²³ Syaru, Shirley Lin. Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong. December 20, 2018. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/analyzing-the-relationship-between-identity-and-democratization-in-taiwan-and-hong-kong-in-the-shadow-of-china/>

жэнь). Вот что показали ответы на этот вопрос в сравнении с ответами, полученными в 2018 году²⁴.

На вопрос кем вы себя считаете – 58,5% опрошенных заявили, что они тайваньцы (на 4% больше, чем в 2018 г.) 34,7 % назвали одновременно и китайцами, и тайваньцами, что чуть меньше чем годом ранее (38,2%). Совсем небольшое число респондентов считают себя только китайцами (3,5% против 3,7% в 2018 г.). Затруднились с ответом около 3% опрошенных, что также чуть меньше, чем в 2018 г – 3,6%.

Интересно, что резкий рост тайваньской идентификации в последние три года начался после четырехлетнего периода медленного последовательного падения этого показателя от пиковых значений (60,6 %) в 2014 году, в разгар Движения подсолнухов, направленного против политики Гоминьдана. К 2020 году, судя по всему, тенденция не просто сохранилась, но резко усилилась. «Тайваньцев» социологи насчитывают уже 67%, «двойственно идентифицирующихся» – 27,5%, «китайцев» – 3%. Скорее всего, это можно трактовать как реакцию на менее «мирную» риторику о «воссоединении» со стороны КНР в последнее время, в частности, во время сессии ВСНП весной 2020 г.

Следующий важный вопрос – какова корреляция между тайваньской самоидентификацией и поддержкой политической независимости Тайваня. Подавляющее число опрошенных (более 86%), выбирая между «независимостью или объединением» давно и стабильно предпочитают статус-кво в тех или иных его формах, то есть политическая неопределенность пока что устраивает большинство населения. Это говорит, на наш взгляд, о том, что жители острова хорошо понимают опасность резких телодвижений на этом самом опасном минном поле.

²⁴ В пояснительном тексте к этим обследованиям (Russel, Hsiao. *New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute, 02/08/2019, Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>*) некоторые цифры по непонятной причине чуть отличаются от тех, что отражены на графике в источнике. Мы придерживаемся данных источника. (Mode of access: <https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>)

Но будет ли и как именно меняться ориентация большинства тайваньцев на статус-кво, если новое китайское руководство с самого начала «эпохи Си Цзиньпина» проявляет признаки нетерпения, заявляя, что «вопрос о разделенности нельзя вечно передавать из поколения в поколение»²⁵? Сепаратистский дискурс остается, судя по преобладанию настроений «статус-кво», в значительной степени в меньшинстве. Именно поэтому, по мнению Ж.-П. Кабестана, тайваньская идентичность и тайваньский национализм на данном этапе не являются синонимами поддержки независимости²⁶.

Вывод этот был сделан 15 лет назад, но принятие в КНР в марте 2005 г. Закона о противодействии расколу государства (反分裂国家法), статья 8 которого подтверждает угрозу применения силы²⁷, подстегнуло националистические настроения и привело, по некоторым оценкам, к пятикратному росту поддержки независимости. Этот новый закон главным образом способствовал укреплению тайваньского консенсуса как реакции на упорный отказ Китая признать разделение китайской нации на два отдельных государства и сохранение вплоть до нашего времени Китайской Республики, которая была основана в 1912 году на части национальной территории.

Каковы последние тенденции? Из опросов 2019 г. (в скобках – результаты 2018 г.) следует, что из тех, кто поддерживает статус-кво 30,6% (33,4%) предпочитают, чтобы дилемма «независимость или объединение» была как-то решена будущими поколениями. 26,9% (24%) не определили свое отношение. 19,9% (15,1%) предпочитают движение в сторону независимости, 8,7% (12,8%) – в сторону объединения при сохра-

²⁵ Речь Си Цзиньпина на Форуме АПЕС в Индонезии 6 октября 2013 г. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asia-apec-china-taiwan/chinas-xi-says-political-solution-for-taiwan-cant-wait-forever-idUSBRE99503Q20131006>

²⁶ Cabestan, Jean-Pierre. *Specificities and Limits of Taiwanese Nationalism Mode of access: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.286>*

²⁷ Закон дает право властям применить «немирные средства и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

нении статус-кво. 6,3% (6,6%) предпочли не отвечать на этот вопрос. 5,8% (5%) опрошенных предпочли бы видеть Тайвань независимым как можно скорее и только 1,7% (3,1%) хотели бы видеть Китай единым как можно скорее.

Что касается партийных предпочтений опрошенных, то 42,5% (49,1%) называют себя независимыми, либо не считают нужным отвечать на этот вопрос. Любопытно, что «партийность» опрошенных выросла в количественном выражении в случае как с гоминьданом (27,6% в 2019 г. и 25,4% в 2018 г.), так и ДПП (24,5% против 20,1% в 2018 г.) Сторонниками Партии новой власти являются 4,7% (4,5%). Другие партии имеют менее 1% сторонников среди опрошенных²⁸.

* * *

Рассматривая показатели идентичности на более протяженном отрезке времени, можно отметить практически неуклонный рост самоидентификации населения острова в качестве «тайваньцев». Особенно наглядно эта тенденция предстает на графике, который фиксирует динамику показателя самоидентификации за все время ежегодных (за исключением 1993 г.) наблюдений: с 1992 по 2020 год²⁹.

Только в течение трех лет (до 1995 г.) число тех, кто называл себя «только китайцем» превышало число назвавшихся «тайваньцами». В этот период значительное большинство (свыше 45%) относили себя одновременно к китайцам и тайваньцам. Лишь около 20% в это время считали себя только «тайваньцами».

Ситуация начинает кардинально меняться с 1996 года, когда Ли Дэньхуй избирается президентом и начинает продвигать концепцию «Китайской Республики на

Тайване». Доля «тайваньцев» практически неуклонно растет, приближаясь к 40% и обретает новую динамику с 2000 года, когда к власти впервые приходит представитель ДПП. В этот период рост едва заметен и происходит стабилизация на уровне около 45% доли как «тайваньцев», так и «тайваньцев-китайцев».

Интересно, что с приходом к власти гоминьдановца Ма Инцзю в 2008 году эти кривые расходятся. Доля «тайваньцев» растет, а «тайваньцев-китайцев» падает примерно в той же пропорции. Доля же «однозначных» «китайцев» сходит почти на нет, равно как и тех, кто не отвечал на данный вопрос социологов. (с 10,5% до 4% к 2008 г.). Очевидно, что за это время как минимум половина «колеблющихся» определила свое отношение к данному вопросу. При этом есть основания утверждать, что позиции ведущих тайваньских партий по вопросу самоидентификации и независимости вполне определенно сближаются. Население острова одновременно консолидируется вокруг состояния статус-кво, сохраняя вместе с тем ориентацию на ту или иную политическую партию.

Период 2014-2018 на графике выделяется, в это время доля называющих себя «тайваньцами» неожиданно обрела нисходящий тренд. С чем это могло быть связано? Некоторые комментаторы полагали, что эту тенденцию закрепили выборы мэров городов 2018 года. ДПП на них победила лишь в 6 городах, тогда как гоминьдан – в 15-ти. ДПП проиграла даже в Гаосюне, где в течение 20 лет мэрами были ее сторонники.

Кроме того, в 2018 г. состоялся референдум, одним из пунктов которого было предложение о замене весьма неуклюжего названия «Китайский Тайбэй» на международных спортивных соревнованиях на «Тайвань». Отклонение этого предложения большинством в 55% голосов привело некоторых комментаторов к заключению, что и требования большей автономии от Китая в тайваньском обществе ослабевают вкупе с национальной самоидентификацией. Думается, такие заключения все же недооценивают общую долгосрочную тенденцию «тайванизации» Тайваня, что подтверждают данные рассмотренного выше лонгитюдно-

²⁸ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute, 02/08/2019, Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

²⁹ 臺灣民眾臺灣人/中國人認同趨勢分佈 (1992年06月~2020年06月) (Тенденции распределения самоидентификации населения Тайваня [по принципу] тайваньцы/китайцы). Mode of access: <https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>

го обследования, проводимого с целью выяснения электоральных предпочтений тайваньцев.

Выводы таковы: более 90% тайваньских граждан считают себя полностью или хотя бы частично, тайваньцами³⁰. Укрепляется также представление о том, что Тайвань есть независимое государство, отдельное от Китая. Около 70% тайваньцев теперь считают Тайвань и Китай двумя отдельными государствами и только 20% рассматривают две стороны тайваньского пролива как части единого государства. Коротко говоря, на Тайване доминирует идентификация, в центре которой Тайвань, а не Китай.

* * *

В июле 2019 года были опубликованы результаты еще одного любопытного обследования, которое проводилось спонсируемым правительством Фондом поддержки национальной демократии *Taiwan Foundation for Democracy (TFD)*. Жителей острова опрашивали на предмет их желания сопротивляться китайскому вторжению с континента. 57,4 % ответили, что в случае атаки со стороны Китая в ответ на провозглашение независимости готовы к участию в боевых действиях по обороне Тайваня. Это на 2,4% больше, чем в 2018 г. Тех же, кто не рассчитывает активно сопротивляться – 31%, что меньше чем в 2018 г (35,9%).

Более подробные результаты опроса 2018 года относительно готовности тайваньской молодежи воевать были опубликованы на семинаре в тайваньском Институте глобальных проблем. Два вопроса на одну и ту же тему были сформулированы с разными акцентами. Первый звучал так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если континентальный Китай применит силу для воссоединения?» Более 70% респондентов моложе 39 лет ответили на этот прямой вопрос утвердительно, и только 26,5% – отрицательно.

³⁰ По другим данным, мнение о том, что Тайвань и Китай – это одно государство, в 2010 г. разделяли более 30%, в 2017 г. – чуть более 20% жителей острова. См.: Wang, T.Y. Declining Taiwanese Identity? Mode of access: <https://theasiadialogue.com/2019/02/08/declining-taiwanese-identity/>

Для людей старше 40 лет пропорция немного иная: 66,1 % на 24,9%.

Интересны ответы на аналогичный вопрос, подразумевающий что противостояние инициирует не КНР, а Тайвань. Он звучит так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если тот формально провозгласит независимость, что приведет к применению континентальным Китаем силы против Тайваня». Результаты были в принципе сходными, но ожидаемо чуть более скромными. Утвердительно ответили 63,4% и только 32,6% – отрицательно. У респондентов старшей возрастной группы пропорция более ровная – 49,9% на 39,2%³¹.

Результаты еще одного опроса показывают, что две трети граждан Тайваня поддерживают независимость Тайваня, если военного конфликта удастся избежать, но тех, кто предпочтет этот вариант, будучи уверенным в резкой реакции Пекина, гораздо меньше, чуть более 30%. Эта более или менее стабильная примерно с 2005 года пропорция между теми, кто осознает разницу между независимостью, достигнутую военным, либо мирным путем», говорит, по мнению обозревателя, о коллективной рациональности тайваньцев³².

Из вышеприведенных данных можно сделать вывод о том, что уверенность Пекина и некоторое беспокойство Вашингтона о том, что тайваньцы не пойдут воевать за свою страну, не имеют под собой достаточных оснований. Большинство тайваньцев собираются дать в том или ином виде отпор агрессии с континента. Китай наращивает кампанию в пользу «воссоединения», но параллельно растет и склонность тайваньцев сопротивляться такому развитию событий³³.

В более узких и специализированных исследованиях делается попытка объяснить

³¹ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

³² Wang, T.Y. Declining Taiwanese Identity? Mode of access: <https://theasiadialogue.com/2019/02/08/declining-taiwanese-identity/>

³³ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

мотивацию к той или иной идентификации в разных поколениях. Предполагается, в частности, что молодежь с большей вероятностью склонна идентифицировать себя как тайваньцы вследствие ее большей политизированности и неприятия воссоединения с Китаем, в то время как пожилые люди склонны считать себя тайваньцами благодаря этническим связям и историческим воспоминаниям. Межпоколенные различия внутри тайваньской идентичности не только объясняют, почему эта идентичность стала более востребована в обществе, но и показывают, как формируется новая тайваньская нация³⁴.

Программа изучения азиатской безопасности Университета Дьюка отслеживает самоидентификацию жителей острова по пяти возрастным группам с 2002 года. Опрос 2017 года показал, что самая молодая когорта, в возрасте менее 30 лет, имела самый высокий процент респондентов, идентифицирующих себя только как «тайваньцы» (71,2%). В этой когорте также самая низкая доля тех, кто считает себя только «китайцами» (2,5%).

Тайваньский фонд «За демократию» также отслеживает политические взгляды по возрастным группам с 2011 года. Опрос 2018 года показывает, что самое молодое поколение имело самый высокий уровень поддержки независимости и самый низкий уровень поддержки немедленного или окончательного объединения. Не менее важно и то, что тайваньцы в возрасте до 40 лет гораздо более оптимистично настроены в отношении демократического развития Тайваня, чем старшее поколение. Опросы показывают, что, обладая относительно более выраженным чувством идентичности, молодые тайваньцы вместе с тем вполне прагматичны и поддерживают расширение экономических отношений с КНР³⁵.

³⁴ Lee, K.-C.; Yang W.-Y. Old Taiwanese vs. New Taiwanese: Exploring the Generational Difference of Taiwanese Identity. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/318586117_Old_Taiwanese_vs_New_Taiwanese_Exploring_the_Generational_Difference_of_Taiwanese_Identity

³⁵ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Пандемия и другие новейшие тенденции

Согласно новейшим опросам тайваньского Фонда общественного мнения, уже 54% респондентов выступают за скорейшее объявление независимости от Китая, лишь 23,4% поддерживают статус-кво, 12,5% приветствуют скорейшее объединение с Китаем. Более углубленный анализ мнений тех, кто поддерживает статус-кво, позволяет утверждать, что более 64% респондентов – сторонники независимости (которое, по их мнению надлежит провозгласить прямо сейчас или позже), тогда как только 18% поддерживают объединение, как пишет Джеймс Холмс в статье в журнале «Нэшнл интерест», опубликованной 5 июля 2020 г.³⁶

За последние 30 лет это самый высокий уровень поддержки курса на независимость. Изменения весьма резкие, если не сказать, пугающие. Напугать они могут не только наблюдателей и пекинское руководство, но и миролюбиво настроенных островитян. Ведь положение статус-кво объединяло подавляющее большинство жителей Тайваня, как правило, менее 10% избирателей проявляли «радикальные настроения», то есть выступали за немедленную независимость или немедленное объединение. 80% же вполне устраивало состояние, при котором решение вопроса откладывалось на неопределенный срок.

Каковы причины такого внезапного всплеска настроений в пользу независимости? «Всплеск» в социологическом плане подразумевает, что кривая, отражающая настроение тайваньцев, должна раньше или позже, пойти вниз. Поэтому одно из объяснений такого резкого изменения в общественных настроениях – пандемия коронавируса, с которой Тайвань справился сравнительно быстро и эффективно, чему в немалой степени способствовал географический фактор – островное положение Тайваня. Логика сторонников такого объяснения такова: респонденты, опрошенные в текущем году, бо-

³⁶ Holmes, James. China and Taiwan Could Be Headed Towards a Showdown. What Should America Do? July 5, 2020. Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/china-and-taiwan-could-be-headed-towards-showdown-what-should-america-do-164164>

лее решительно выступают за фактический суверенитет острова как гарантию того, что тайваньские власти смогут и в дальнейшем эффективно контролировать границы и противостоять трансграничной инфекции.

Другие аналитики такое объяснение изменений настроения тайваньцев считают недостаточным, при всей важности и очевидности фактора пандемии. Предполагается, что определяющим фактором современного состояния общественного мнения на Тайване являются внешне- и внутривнутриполитические демарши Пекина последнего времени (включая участвовавшие маневры авиации и флота вокруг Тайваня и принятие закона о безопасности Гонконга).

В результате радикальные западные и тайваньские эксперты считают смертельной угрозой политическому строю Тайваня отнюдь не пандемию, а действия КНР. К такому выводу их подвигают, разумеется, события в Гонконге, за которыми внимательно следят на Тайване, не без основания полагая, что сегодняшняя участь Гонконга завтра будет уготована Тайваню, если он воспримет концепцию «одна страна, две системы», которая была положена в основу соглашения с Гонконгом при присоединении этой территории к Китаю.

Поэтому зафиксированные в 2020 году изменения в настроениях тайваньцев вполне могут оказаться не временным всплеском в условиях всемирного форс-мажора, а тектоническим сдвигом, кардинально меняющим ландшафт общественного мнения. Этот вывод можно будет верифицировать, когда пандемия в мире сойдет на нет.

Заключение

Вопреки формальной непризнанности Тайваня как отдельного государства, тайваньцы все в большей степени демонстрируют признаки отдельной нации, имеющей связи различной степени плотности с другими частями общекитайской нации, особенно на континенте (в КНР).

На протяжении последних лет в Китае параллельно развиваются два процесса: тяготение к объединению китайской нации и созданию единого китайского государства,

которое является унитарным и с точки зрения политического строя несет все больше авторитарных черт. Таковым государством является нынешняя КНР, не допускающая мыслей о федерации и тем более самоопределении какой-либо из его частей. С другой стороны, процесс обретения национальной идентичности продолжается в некоторых частях территории Китая (Тибет, Синьцзян, Гонконг), где нарастает стремление к автономии или даже независимости, понимаемое в другом политическом дискурсе как сепаратизм.

Общекитайская идентичность, которую предлагает Пекин как основу для объединения, удовлетворяет все меньшую часть населения острова и ее сохранение представляется там маловероятной. Более вероятно длительное сохранение смешанной идентичности («я признаю себя одновременно тайванцем и китайцем»).

Можно ли заключить, как это делают некоторые эксперты на основании последних опросов, что тайваньцы «понимают независимость как панацею не только от заразных болезней, но и от возможной агрессии КНР?»³⁷. Думается, что нет. Скорее всего, сторонники независимости в большинстве своем просто не считают угрозой большой китайско-тайваньской войны реальной, а политическая элита продолжает рассчитывать на «американский зонтик». В любом случае, следует согласиться с тем, что тайваньский национализм все еще находится в процессе становления, а идентичность тайваньской нации еще не вошла в сознание всех тайваньцев³⁸.

³⁷ Green, Michael; Medeiros, Evan. Is Taiwan the Next Hong Kong? China Tests the Limits of Impunity Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2020-07-08/taiwan-next-hong-kong>

³⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005. [Moskalev, A.A. Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.]

Литература:

Барышников В.Н. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване // Краткие сообщения ИНАЗ. 1963. № 56. С. 119-129.

Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39.

Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010.

Ли Дэньхуэй. Позиция Тайваня. М., МГУ, 2000.

Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005.

Brown, M. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities. California University, 2004.

Fleischauer, Stefan. Taiwan's Independence Movement. in: Gunter Schubert (ed.), Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016.

Kedourie, Elie. Nationalism, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993.

Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // *Global Taiwan Institute*, 02/08/2019. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the "One China" Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

Syaru, Shirley Lin. Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong. December 20, 2018. Mode of access:

Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives. London: Routledge, 2011.

Kedourie, Elie. Nationalism, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993.

Kuznetsov, A.M. Ethno-national policy and modern problems of nation-building in China. Vladivostok: Izd-vo DVGU. 2010.

Lee, Teng-Hui. Taiwan's Viewpoint. Moscow: MGU, 2000.

Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

Moskalev, A.A. Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.

Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // *Global Taiwan Institute*, 02/08/2019. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the "One China" Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

Syaru, Shirley Lin. Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong. December 20, 2018. Mode of access:

Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives. London: Routledge, 2011.

References:

Baryshnikov, V.N. The role of Liao Wen-yi's Group in the US Aggressive Plans in Taiwan // *Kratkie soobshcheniia INAZ*, 1963, No. 56, pp. 119-129.

Brown, M. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities. California University, 2004.

Fleischauer, Stefan. Taiwan's Independence Movement. in: Gunter Schubert (ed.), Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016.

Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.

“TAIWAN NATION”: FROM MYTH TO REALITY?

Andrey D. Dikarev

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Alexander V. Lukin

*National Research University Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 13.09.2020 <i>Accepted:</i> 05.10.2020</p>	<p>Abstract: The article studies the theoretical and practical aspects of the development of Taiwan’s residents’ national identity. The analysis is based on the results of recent opinion polls which studied the trends in identity change of the Taiwanese people, their preferences and views on relations with mainland China. An attempt was made to establish a correlation between the changing identity, the wish of the majority of the population to maintain the status quo in relations with the PRC and the level of support of the political independence of Taiwan. The article shows that the share of those in Taiwan who identify as “Taiwanese” has been increasing over the last decades. At the same time, the belief that Taiwan is an independent state has also been strengthening. The authors analyse the internal and external factors that influenced the dynamics of identity change and the attitudes towards the problems of the status of Taiwan on the island over the last two years.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with the support of the RFBR grant 20-514-07003 «Problems of the development of Russian-South Ossetian relations and integration initiatives in the conditions of economic and diplomatic restrictions»</p>
<p>About the authors: <i>Andrey D. Dikarev</i>, Candidate of History, Leading Researcher, Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University e-mail: andreydikarev@yahoo.com <i>Alexander V. Lukin</i>, Doctor of History, Head of the Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics; Director, Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University e-mail: avlukin@hse.ru</p>	
<p>Key words: political status of Taiwan; nation state; PRC; Taiwanese identity; opinion polls; separatism; status quo; Covid 19 pandemic</p>	

Для цитирования: Дикарев А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 118-133.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009

For citation: Dikarev, Andrey D.; Lukin, Alexander V. «Tayvan’skaya natsiya»: ot mifa k real’nosti? (“Taiwan Nation”: From Myth to Reality?) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 118-133.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10010

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЛОББИЗМА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВЕНСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ МОДЕЛЕЙ

Павел Сергеевич Каневский

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 июля 2020 <i>Принята к печати:</i> 13 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Данная статья посвящена развитию лоббизма в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), ставших членами Европейского союза. Это важная и в то же время малоисследованная составляющая политических систем данного региона. Рассматриваемые в данной статье модели лоббизма в Словении и Польше отчетливо показывают, что единой траектории развития лоббистских отношений в постсоциалистических странах не существует. Показано, что на характер взаимодействий между группами интересов и органами власти прямо влияют следующие факторы: динамика и состояние системы групп интересов, особенности сложившегося механизма взаимодействия между группами интересов и органами власти, европеизация политики, а также нюансы государственного регулирования лоббизма. Автор приходит к нескольким основным выводам: 1) Хотя обе страны унаследовали традицию неформальных контактов в процессе принятия решений, корпоративистская модель взаимодействия групп интересов и органов власти в Словении привела к становлению более прочной и стабильной системы групп интересов, чем в Польше, которая сразу пошла по пути неолиберальных преобразований; 2) Европеизация политики по-разному отразилась на состоянии лоббистских отношений на национальном уровне, способствуя их развитию в случае Словении и оказав незначительный эффект в случае Польши; 3) Хотя основное количество лоббистских контактов происходит в недрах исполнительной власти, основными посредниками между группами интересов и властью в обеих случаях являются политические партии, 4) Ни одну из рассматриваемых стран нельзя назвать идеальной моделью с точки зрения регулирования лоббизма, однако Словения продвинулась дальше Польше, используя более прозрачную систему регистрации и отчетности для лоббистов и официальных лиц, а также регулируя ряд косвенных форм лоббизма; вместе с тем, в обеих странах основная часть лоббистских отношений остается в тени, а регулирование, направленное только на профессиональных лоббистов, не является достаточно эффективным.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент кафедры политологии и социологии политических процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru</p>	
<p>Ключевые слова: лоббизм; группы интересов; постсоциалистические политические системы; европеизация политики; корпоративизм; плюрализм; регулирование лоббизма</p>	

В последнее десятилетие в рамках европейской политической компаративистики активно разрабатывается направление, посвященное группам интересов и лоббизму в различных странах Евросоюза. При этом, в рамках данного направления отдельно развивается проблематика лоббизма в постсоциалистических странах. Это связано с тем, что с начала XXI века в странах Централь-

ной и Восточной Европы (ЦВЕ) происходит бурное развитие института лоббизма, который, в силу политико-культурных особенностей, отличается от западных аналогов. В своих работах европейские исследователи пытаются понять, какие факторы влияют на взаимоотношения между группами интересов и органами власти, каким образом политическая система реагирует на развитие

института лоббизма, почему одни страны более успешно справляются с институционализацией лоббизма, нежели другие¹.

Данная статья представляет собой попытку внести вклад в данную дискуссию и посвящена развитию институт лоббизма в двух постсоциалистических государствах – Словении и Польши. Данные модели демонстрируют, что на фоне общих проблем, связанных с политическим наследием постсоциалистических стран, взаимодействие групп интересов и органов власти имеет как общие, так и отличительные черты. Это связано с институциональным и политико-культурным контекстом, в условиях которого происходило развитие лоббистских отношений.

Сравнительный анализ групп интересов в политике, применяемый в данной статье, совмещает классическую модель Г. Алмонда и методологию Д. Финк-Хафнер. Главный принцип сравнительного групп интересов,

предложенный Г. Алмондом, можно свести к следующей формуле – взаимодействие групп интересов и органов власти зависит от того, какую форму принимает процесс артикуляции интересов в разных политических системах, как эти интересы переносятся в политические и государственные структуры, а затем превращаются в конкретные решения². Для Г. Алмонда определяющим фактором взаимодействия между организованными группами и органами власти всегда была система групп интересов. К 1970-80-м гг., Г. Алмонд, вместе с коллегами компаративистами Дж. Пауэллом, К. Стромом, Р. Далтоном, вводит классическую типологию систем групп интересов, подразделяя их на плюралистические, демократические корпоративистские и управляемые³. Чтобы понять суть этого взаимодействия, по мнению Г. Алмонда, необходимо проследить каким образом устроены взаимоотношения групп интересов с политическими партиями и исполнительной ветвью власти. Несмотря на то, что со времен появления работ Г. Алмонда прошло много времени, суть методологии не устарела, однако в современных условиях ее необходимо модернизировать. В частности, ряд авторов, занимающихся изучением лоббизма в ЦВЕ в контексте процессов демократизации и европеизации, рассматривают наднациональный уровень Евросоюза как новый институциональный элемент, который оказывает значительное влияние на развитие лоббизма в постсоциалистических странах⁴. Наконец, важнейшим показателем

¹ McGrath, C. The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*, 2008, No. 8, pp. 15-32; Sallai, D. European Union Lobbying and the Golden Cage of Post-Socialist Network Capitalism in Hungary // *Journal of Common Market Studies*, 2013, Vol. 51, No. 5, pp. 948-964; Fink-Hafner, D. Interest Representation in Post-communist Parliaments over Two Decades // *Legislative Studies*, 2011, Vol. 17, No. 2, pp. 215-233; Millar, C.; Koppl, P. Perspectives, Practices and Prospects of Public Affairs in Central and Eastern Europe: a Lobbying Future Anchored in an Institutional Context // *Journal of Public Affairs*, 2014, Vol. 14, No. 1, pp. 4-17; Holman, C.; Luneburg, W. Lobbying and Transparency: A Comparative Analysis of Regulatory Reform // *Interest Groups & Advocacy*. 2012, Vol. 1., No. 1, pp. 75-104; Kavoliunaite-Ragauskiene, E. How to Define a Lobbyist: Experience of Poland and Lithuania // *Croatian and Comparative Public Administration*, 2017, Vol. 17, No. 1, pp. 29-56; Rees, N.; Paraskevopoulos, C. Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / *Adapting to EU Multi-Level Governance*. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006, 336 p.; Blavoukos, S.; Pagoulatos, G. Enlargement Waves and Interest Group Participation in the EU Policy-Making System: Establishing a Framework of Analysis // *West European Politics*, 2008, Vol. 31, No. 6, pp. 1147-1165.

² Almond, G. A Comparative Study of Interest Groups and the Political Process // *The American Political Science Review*. 1958, Vol. 52, No. 1, p. 272.

³ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 136-138 [Almond, G.; Powell, J.; Strom, K.; Dalton, R. *Sravnitel'naia politologiia segodnia*. Mirovoi obzor. Moscow, 2002, pp. 136-138.]

⁴ Rees, N.; Paraskevopoulos, C. Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / *Adapting to EU Multi-Level Governance*. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006. 336 p.; Fink Hafner, D.; Hafner Fink, M.; Novak, M. Europeanisation as a Factor of National Interest Group Political –

развития института лоббизма является регулятивная среда, которая в каждом случае имеет свои особенности. В конечном счете, сравнительный анализ института лоббизма, предлагаемый в данной статье, будет опираться на четыре основные переменные: 1) Система групп интересов, 2) Механизм взаимодействия между группами интересов, партиями и исполнительной ветвью власти, 3) Европеизация политики, 4) Особенности государственного регулирования лоббизма.

Тернистый путь лоббизма в постсоциалистических странах

Хотя изучение групп интересов является классической темой для политической науки, лоббизм долгое время ассоциировался исключительно с плюралистической традицией изучения политического процесса в США и, отчасти, в прочих англо-саксонских странах. В странах континентальной западной Европы взаимодействие групп интересов и органов власти развивалось преимущественно в рамках корпоративизма, то есть вертикально интегрированной системы представительства интересов, в которой групповые интересы агрегировались головными ассоциативными объединениями. Однако процессы глобализации, либерализации и интеграции конца XX – начала XXI вв. способствовали постепенному проникновению плюралистических тенденций во все большее количество политических систем. Это означало, что активных групп интересов стало больше, они активнее начали взаимодействовать с центрами принятия решений, они стали более независимыми от традиционных институтов представительства, включая партии и корпоративистские объединения. Одновременно с распространением группового плюрализма начались процессы институционализации лоббизма. Не считая классические модели США и Канады, основная волна институционализации лоббизма пришлась на первые два десятилетия XXI века. Если в 2000 г. принятые на государственном уровне правила лоббист-

ской деятельности существовали только в 3 политических системах, сегодня речь идет о 16 системах, включая наднациональный уровень Евросоюза.

Вместе с тем, распад социалистического блока в ЦВЕ привел к формированию систем нового, переходного типа, в которых группы интересов быстро стали одним из центральных элементов политического процесса. Более того, страны ЦВЕ оказались одними из лидеров новой волны институционализации лоббизма. В силу расширения Евросоюза на восток, бывшие социалистические страны интегрировались в единую правовую систему, которая в том числе способствовала развитию дискуссии о лоббизме и поиске инструментов для его легального признания и регулирования. Среди стран ЦВЕ, вступивших или собиравшихся вступить в Евросоюз, законы о лоббизме были приняты в Литве (2001 г.), Польше (2005 г.), Венгрии (2006 г., отменен в 2011 г.), Словении (2010 г.), в разное время обсуждались проекты законов в Чехии, Словакии, Болгарии, Румынии, которые до настоящего момента не нашли окончательной поддержки законодателей. Принятие законов в Литве, Польше, Венгрии и Словении было связано с тремя основными причинами. Во-первых, по разным внутривнутриполитическим причинам активизировалась дискуссия о необходимости повышения прозрачности в процессе взаимодействия групп интересов и государства. Во-вторых, данные страны, в силу европейской ориентации, демонстрировали таким образом свою приверженность западным принципам открытости политического процесса. В-третьих, процесс европеизации политики привел к тому, что группы интересов оказались вписаны в общеевропейский контекст принятия решений, который создал для них новый уровень взаимодействия с наднациональными органами власти.

В то же время, системы групп интересов постсоциалистических стран заметно отличались от западных образцов, так как исторически они не принадлежали ни к плюралистической, ни к корпоративистской традиции. В течении десятилетий социалистического периода данным странам была присуща управляемая система групп инте-

Cultural Change: The Case of Interest Groups in Slovenia // *East European Politics and Societies*, 2015, No. 29, pp. 287-305.

ресов. Согласно Г. Алмонду, управляемым системам были свойственны четыре базовые характеристики: «каждый сектор общества был представлен одной группой; членство в группах часто являлось принудительным; каждая группа имела иерархическую структуру; группы контролировались правительством или его органами в целях мобилизации поддержки политического курса»⁵. Последняя характеристика была наиболее важной, так как именно мобилизация была средством поддержки господствующей идеологии, а группы интересов существовали в первую очередь для того, чтобы облегчать контроль правительства над обществом. В качестве стержня данных систем выступали коммунистические партии, которые монополично контролировали все разрешенные групповые объединения. Поэтому артикуляция интересов носила скорее номинальный характер, так как группы не имели возможности самостоятельной артикуляции, она должна была быть полностью вписана в политику партии и не противоречить программам правительств.

Несмотря на то, что система групп интересов находилась под жестким контролем государства, отношения между группами и органами власти часто налаживались в обход официальных каналов. Однако управляемым системам также было присуще отсутствие прозрачности в процессе принятия решений, вследствие чего взаимодействие групп интересов и государства в целом происходило посредством неформальных связей. Протолоббистские отношения в социалистических странах не обязательно равнялись подкупу и коррупции, главной их характеристикой был именно теневой характер. В свою очередь, непрозрачность, часто переходящая в секретность, была благодатной почвой для развития коррупционных связей и клиентелизма.

Данная традиция в значительной степени была унаследована новыми режимами, которые оказались не в состоянии искоре-

нить неформальные отношения в процессе принятия решений. В этом отношении, лоббизм и прозрачность стали практически антонимами в постсоциалистических странах, что напрямую отразилось на легитимности института лоббизма. В некоторых странах наблюдается попытка уйти от негативно-го имиджа лоббизма через введение новых терминов, таких как связи с органами государственной власти (*government relations*). В ряде стран лоббизм осуществляется под крылом PR фирм и отделов, что еще больше запутывает ситуацию с понятийной точки зрения. В то же время в странах центральной и восточной Европы не получили распространения такие термины как публичные дела (*public affairs*), либо представительство групповых интересов, которые используются в западных странах для того, чтобы подчеркнуть, что лоббизм равняется не столько частным, сколько общественным интересам и, таким образом, вписан в каркас демократической системы.

Отсутствие политико-культурной базы для развития лоббизма в западном понимании сказалось и на регулятивной среде. По словам К. Миллар и П. Коппля, «пути регулирования лоббизма в постсоциалистических странах оказались тернистыми как с точки зрения охвата, так и с точки зрения эффективности»⁶. В этом отношении примечателен Венгрии, которая на сегодняшний день является единственной страной в мире, которая пошла на отмену принятого ранее закона о лоббизме, что привело к резкому откату в процессе повышения политической прозрачности и росту неформальных лоббистских практик.

Как показало исследование Д. Финк-Хафнер, эффективность регулирования лоббизма в ЦВЕ зависит также от степени централизации политического процесса и стабильности парламента. Сильная президентская власть и централизация процесса принятия решений в постсоциалистических странах являются причиной развития

⁵ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 140 [Almond, G.; Powell, J.; Strom, K.; Dalton, R. *Sravnitel'naia politologija segodnia*. Mirovoi obzor. Moscow, 2002. P. 140.]

⁶ Millar, C.; Koppl, P. Perspectives, Practices and Prospects of Public Affairs in Central and Eastern Europe: a Lobbying Future Anchored in an Institutional Context // *Journal of Public Affairs*, 2014, Vol. 14, No. 1, p. 12.

неформальных, теневых лоббистских отношений⁷. Системы со стабильным и не подверженным частым кризисам парламентом, напротив, способствуют повышению прозрачности в процессе принятия решений и созданию более эффективной регулятивной среды.

Другая проблема состояла в отсутствии четких этических стандартов для лоббистов и лиц, принимающих решения. «Регистрация и прозрачность лоббистов могут быть эффективными только в том случае, если все стороны лоббистских отношений отталкиваются от установленных этических принципов»⁸. Иными словами, постсоциалистические страны пошли по пути легализации лоббизма без проработки более широкой нормативной и этической базы.

Несмотря на трудности развития лоббизма, нельзя отрицать, что он стал важнейшим элементом политического процесса и процесса принятия решений. Однако то, каким образом лоббизм оказался в итоге вписан в политические системы, зависит от множества факторов, которые будут рассмотрены далее применительно к двум похожим и в то же время различным моделям Словении и Польши.

Словения

С самого начала независимости, словенские политики рассматривали развитие лоббизма как естественное продолжение процесса демократизации. Это было связано с быстро развивающимся гражданским обществом, принципами корпоративизма и социального государства и умеренными реформами, благодаря которым удалось избежать неолиберальных шоков, переживаемых соседями по бывшему социалистическому лагерю. Вследствие этого, исследователи уже в 1990-е гг. отмечали, что «Словения движется быстрее к созданию развитой системы групп интересов и политике, осно-

ванной на консультациях, чем другие постсоциалистические страны»⁹.

Словения часто рассматривается как один из наиболее успешных примеров институционализации лоббизма среди постсоциалистических стран. Принятые сегодня в Словении принципы прозрачности и регулирования лоббизма отвечают многим стандартам, рекомендованным международными организациями. В частности, Transparency International (TI) в своем сравнительном исследовании моделей лоббизма в Европейских странах, поставил Словению на первое место с точки зрения прозрачности правил и открытости государства для групп интересов. В анализе организации сказано, что «в Словении действует относительно хороший закон о регулировании лоббизма»¹⁰. К аналогичным выводам пришла Еврокомиссия, которая указывает на успехи институционализации лоббизма в стране¹¹. Как получилось, что Словения оказалась одним из лидеров по регулированию лоббизма в ЦВЕ и в какой степени страна смогла в действительности сломить негативное наследие управляемых систем прошлого?

Чтобы понять, почему Словения выделяется из всех прочих постсоциалистических стран, необходимо проследить, каким образом развивалась ее система групп интересов. В отличие от остальных стран ЦВЕ, Словения стала фактически единственной постсоциалистической страной, в которой корпоративизм стал стержнем системы групп интересов в переходный период. Все остальные страны ЦВЕ, включая балтийские государства и страны Вишеградской группы, на фоне быстрой либерализации

⁷ Fink-Hafner, D. Interest Representation and Post-Communist Parliaments over Two Decades // *The Journal of Legislative Studies*, 2011, Vol. 17, No. 2, p. 228.

⁸ Ibid. P. 12.

⁹ Fink-Hafner, D. Organized Interests in the Policy-Making Process in Slovenia // *Journal of European Public Policy*, 1998, Vol. 5, No. 2, p. 298.

¹⁰ Lifting the Lid on Lobbying: Slovenia Call for Transparent And Ethical Lobbying. Transparency International, 2014. P. 13.

¹¹ См.: Annex – Slovenia. Report on the Fight against Corruption in the EU. European Commission. Brussels, 2014, p. 8-9. Mode of access: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/corruption/anti-corruption-report/docs/2014_acr_slovenia_chapter_en.pdf

пошли по пути создания более свободной и в то же время хаотичной системы групп интересов, и при этом продолжали испытывать воздействие со стороны клиентелистских и неформальных практик недавнего прошлого. В этом смысле, Словения оказалась интересным примером среди постсоциалистических государств, так как страна долгое время крайне осторожно шла по пути либерализации, сохраняя при этом явную социальную ориентацию в государственной политике.

Хотя у словенского корпоративизма не было политической опоры в виде сильной социал-демократической партии, новые партии долгое время выстраивала аккуратный баланс между нарождавшимся частным сектором и мощным профсоюзным движением, которое государству не могло игнорировать в силу того, что профсоюзы активно поддерживали демократические реформы. М. Станоевич пишет, что «словенский неокорпоративизм содержал в себе все ключевые характеристики схожих систем, которые развились в европейских демократических капиталистических обществах после Второй мировой войны»¹². Благодаря корпоративизму, в условиях экономического роста была создана система политических обменов, которые сбалансировали интересы частного сектора и наемных работников. Однако корпоративизм начал постепенно утрачивать влияние после вступления страны в Евросоюз и особенно после перехода на евро. Неолиберальные реформы, последовавшие за евроинтеграцией, привели к тому, что система групп интересов стала более плюралистической. Это, в свою очередь, сместило центр тяжести в системе групп интересов с корпоративистских структур на группы интересов частного сектора. Однако, благодаря наследию корпоративизма, сильного профсоюзного движения и тем институциональным рамкам, на создание которых они повлияли, переход к рыночной экономике был постепенным и организованным¹³. Это объясняет относительную стабильность и бесконфликтность словенской системы групп интересов.

¹² Stanojevic, M. Slovenia: Neo-corporatism under the Neo-liberal Turn // *Employee Relations*, 2018, Vol. 40, No. 4, p. 720.

¹³ Ibid. P. 722.

Вместе с тем, словенскую систему групп интересов нельзя назвать равномерной и инклюзивной. Крупные группы интересов, представляющие финансово-экономический сектор, энергетику, здравоохранение, за счет тесных контактов с политическими партиями и бюрократией пользуются привилегированным доступом к центрам принятия решений. Неправительственные организации имеют значительно меньше влияния, что связано не столько с неразвитостью гражданского общества, сколько с нежеланием государства работать с гражданским сектором.

Другой отличительной характеристикой является то, что европеизация политики оказала значительное влияние на развитие лоббистских отношений на национальном уровне, что, как будет показано далее на примере Польши, не всегда имело место в постсоциалистических странах. Исследование, проведенное Д. Финк-Хафнер, М. Хафнер-Финк и М. Новак показало, что в период с 1996 по 2012 гг. система групп интересов и институт лоббизма претерпели качественные и количественные изменения в первую очередь благодаря процессам европеизации. Групп, продвигающих свои интересы в национальных органах власти, не только стало больше, но они стали гораздо более активными по сравнению с 1990-ми гг. «В 2012 г. группы интересов стали гораздо более интернационализированными, в основном благодаря связям со структурами и прочими группами интересов в ЕС»¹⁴. При этом авторы подчеркивают, что «увеличение влияния на национальном уровне находится в прямой взаимосвязи с ростом количества международных связей на уровне ЕС... Иными словами, чем выше степень европеизации групп интересов, тем более активными они становятся на национальном уровне»¹⁵. Хотя на январь

¹⁴ Fink-Hafner, D.; Hafner-Fink, M.; Novak, M. Europeanisation as a Factor of National Interest Group Political-Cultural Change: The Case of Interest Groups in Slovenia // *East European Politics and Societies and Cultures*, 2015, Vol. 29, No. 1, p. 300.

¹⁵ Ibid. P. 300.

2019 г. в европейском реестре прозрачности¹⁶ было зарегистрировано 70 словенских групп интересов, это говорит не столько о малой лоббистской активности в Брюсселе, сколько о том, что система групп интересов в принципе не является масштабной в 2-миллионном государстве¹⁷. Парадокс заключается в том, что европеизация не сделала словенские групп интересов более весомыми на уровне Евросоюза, однако она привела к качественным изменениям лоббистских отношений на национальном уровне, так как группы интересов стали частью общеевропейских сетей влияния.

На особенности словенской модели лоббизма в значительной степени повлияла структура политической системы. Согласно конституции 1991 г., Словения является республикой со смешанной формой правления, в которой сильный парламент сосуществует с относительно слабым президентом. Это предопределило высокую роль политических партий и парламента в процессе выстраивания отношений с группами интересов. Национальная ассамблея и Национальный совет (нижняя и верхняя палаты) являются важными объектами влияния для групп интересов, так как обладают широкими возможностями по изменению законов, а также обширным правом вето. Однако центральным элементом лоббистского механизма остается исполнительная ветвь и государственная бюро-

кратия, так как процесс принятия решений в большинстве случаев инициируется исполнительной властью, прежде всего, министерствами. Это делает средний уровень бюрократии первичным объектом лоббирования, в определенном смысле даже более важным, чем уровень министров или премьер-министра, которые относительно редко самостоятельно выходят с законодательными предложениями.

Однако правительственная бюрократия находится под сильным влиянием правящих партий, которые в значительной степени контролируют повестку дня и процесс принятия решений. В докладе ПИ отмечается также негативная роль словенских партий в политическом процессе. Полнота власти, которой они обладают, позволяет им «осуществлять прямое влияние на рекрутирование, управление и функционирование органов власти на государственном и региональном уровне»¹⁸. Огромная роль политических партий делает их основными посредниками между группами интересов и центрами принятия решений.

Относительно развития система групп интересов и сильная законодательная ветвь власти стали двигателем дискуссии о регулировании лоббизма в начале XXI в., которая закончилась принятием в 2010 г. закона «О честности и предотвращению коррупции». Была введена система регистрации лоббистов, а политики, что редкость для мировой практики, начали отчитываться о контактах с лоббистами, предоставляя общественности информацию о том, какие вопросы обсуждались¹⁹. Особенностью словенского реестра является то, что регистрации подлежат индивидуальные лоббисты, которые должны раскрывать свои имена, адреса, а также данные о клиентах, чьи интересы они представляют, полученных вознаграждениях и пожертвованиях в фонды политических партий, а также называть органы власти, с которыми они входят

¹⁶ Добровольный реестр групп интересов, действующий на уровне органов власти Евросоюза, который ведется с 2011 г. совместно Европейским парламентом и Европейской комиссией. Данные, вносимые в реестр, включают в себя основную информацию о группе интересов, список законопроектов, на которые группа оказывала влияние, количество выделяемых средств из фондов Евросоюза и пр. Только зарегистрированные представители групп интересов имеют право доступа в здание Европарламента. Европарламент не раз выступал с предложениями сделать регистрацию в реестре обязательной для всех групп интересов, однако данную позицию до сих пор не разделяют в Еврокомиссии.

¹⁷ TransparencyRegister.EuropeanCommission.Mode of access: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/reportControllerPager.do>

¹⁸ Lifting the Lid on Lobbying: Slovenia Call for Transparent And Ethical Lobbying. Transparency International. 2014. P. 13.

¹⁹ См.: Mulcahy, S. Lobbying in Europe. Hidden Influence, Privileged Access. Transparency International, 2015. P. 29.

в контакт²⁰. Таким образом, словенское регулирование направлено одновременно на лоббистов-консультантов и на лиц, принимающих решения, что является редким методом двойного контроля и должно способствовать большей прозрачности в процессе принятия решений.

Помимо этого, для словенских чиновников и политиков была введена уникальная для постсоциалистических стран система регулирования «вращающихся дверей». Официальные лица не имеют права заниматься политическим консультированием в течении двух лет после ухода с работы. Помимо этого, Ассоциацией лоббистов Словении были разработаны кодексы поведения для лоббистов, которые носят рекомендательный характер как для профессиональных лоббистов, так и для групп интересов в целом. Вторым важным достижением с точки зрения косвенного регулирования лоббизма стали законы «О политических партиях» и «О выборах и референдумах», принятые в 2013 г. Данные законы были направлены на запрет финансирования политических партий со стороны частных организаций и, таким образом, снизили взаимозависимость партий и групп интересов.

Несмотря на значительные для ЦВЕ успехи, регулятивная среда в Словении по-прежнему является далекой от идеала. Согласно Т1, основная проблема кроется в том, что «существующая система не предоставляет достаточной информации о лоббистских контактах... Хотя существует реестр лоббистов и система отчетности, все еще наблюдается недостаток прозрачности на всех стадиях процесса принятия решений, особенно на стадии подготовки законопроектов»²¹. Исследование Т1 показало, что в 2013 г. из 830 зарегистрированных контактов лоббистов с представителями власти только 26 пришлось на профессио-

нальных лоббистов²². В национальном реестре на январь 2019 г. было зарегистрировано лишь 73 лоббиста. При этом, по оценкам, в Словении существует около профессиональных 200-300 лоббистов и лоббистских фирм²³, большинство из которых не желают выходить из тени.

Кроме этого, законодательство, посвященное лоббизму, является перегруженным и малопонятным для большинства объектов и субъектов лоббизма. В законе оговариваются пожертвования в фонды партий, однако финансирование партий в целом остается в тени, хотя существуют очевидные связи между политическими партиями и частным сектором. «Вращающиеся двери» (обмен кадрами между политической системой, крупным бизнесом и консалтинговыми фирмами) регулируются строгими временными рамками, но в реальности надзорные органы не справляются с мониторингом реальных лоббистских практик бывших политиков и чиновников. Кроме того, неясным остается вопрос о том, каким образом эксперты и группы советников влияют на процесс принятия решений, так как они не подпадают под существующие юридические рамки. Вместе с тем, кодексы поведения, прописанные ассоциацией лоббистов, не поддерживаются эффективными механизмами их внедрения, вследствие чего группы интересов в большинстве случаев не имеют или имеют плохо разработанные собственные кодексы.

Таким образом, несмотря на успехи в формализации лоббистских практик, значительная часть реального взаимодействия между группами интересов и органами власти в Словении все еще находится в тени. Пример Словении показывает, что реализация даже хорошо прописанного на бумаге закона о регулировании лоббизма может тормозиться из-за сохраняющегося влияния неформальных практик и недостатка государственного внимания и ресурсов к проблеме. Плюрализация системы групп интересов и интенсификация лоббистских контактов

²⁰ См.: Holman, C.; Luneburg, W. Lobbying and Transparency: A Comparative Analysis of Regulatory Reform // *Interest Groups & Advocac*, 2012, Vol. 1, No. 1, p. 93-94.

²¹ Lifting the Lid on Lobbying: Slovenia Call for Transparent And Ethical Lobbying. Transparency International, 2014. P. 7.

²² Ibid. P. 27.

²³ См.: Register lobistov. Komisija za preprečevanje korupcije RS. Mode of access: <https://www.kpk-rs.si/nadzor-in-preiskave-2/lobiranje-2/register-lobistov/>

ведут к активному развитию института лоббизма в Словении. Учитывая существующие «серые зоны» в действующем регулировании, при дальнейшей плюрализации их будет становиться только больше, что потребует от государства принятия новых мер, направленных на повышение прозрачности и инклюзивности института лоббизма.

Польша

Генезис политической системы и системы групп интересов в Польше является одним из наиболее известных и хорошо изученных среди постсоциалистических стран. Процесс трансформаций, который был запущен в 1980-е гг. с началом массового протестного движения, характеризовался доминированием интересов профсоюзов, которые концентрировались вокруг «Солидарности». Возникавшие в конце 1980-х гг. новые группы гражданского общества также были обязаны своим существованием поддержкой со стороны «Солидарности». Однако по мере того как Польша входила в новый этап развития в начале 1990-х гг., «Солидарность» быстро утратила свою социальную базу и влияние на политический процесс, а система групп интересов стала более плюралистической и одновременно конфликтной. Наиболее явно это проявилось в многочисленных расколах внутри профсоюзного движения. По словам С. Краули и Д. Оста, «надежды на то, чтобы быть двигателем трансформаций и проводником реформ разбились о невозможность контролировать социальные протесты, ставшие результатом шоковой терапии»²⁴.

Одно из ключевых отличий польской системы групп интересов от рассмотренной выше словенской заключается в том, что там, где Словения смогла удержать соотношение интересов профсоюзов и нарождающегося бизнеса в 1990-е гг., в Польше начался стремительный процесс дезинтеграции и делигитимации профсоюзов. По мнению Р. Хребенара и Б. Моргана, система групп интересов развивалась в условиях, когда «функции

партий, групп интересов и социальных движений не были четко разделены, что привело к неупорядоченному процессу артикуляции интересов»²⁵. Система групп интересов в Польше состоит преимущественно из профсоюзов, бизнес-групп, профессиональных ассоциаций, католической церкви и аффилированных с ней структур, неправительственного сектора, а также групп, представляющих регионы. При этом, несмотря на то, что удалось сохранить отдельные элементы диалога между профсоюзами и бизнесом, это не привело к созданию полноценной корпоративистской институциональной базы. Напротив, Д. Бол и Б. Гресковиц относят Польшу к «вишеградскому неолиберальному» типу капиталистических систем ЦВЕ, подчеркивая, что вступление в Евросоюз и необходимость настройки финансовой системы под требования Брюсселя, не способствовали нахождению баланса между наемными работниками и работодателями²⁶.

То, что объединяет польскую модель со словенской, это низкая роль негосударственного сектора в системе групп интересов. Несмотря на богатую историю становления польского гражданского общества, «подавляющее большинство неправительственных организаций являются слабыми и не играют какой-либо существенной роли в процессе принятия решений»²⁷. Причиной является непроработанная законодательная база относительно НПО, налоговая зарегулированность и отсутствие институциональной базы для взаимодействия органов власти и неправительственных организаций.

Другой важной характеристикой процесса принятия решений в Польше является то, что органы власти крайне редко прибегают к экспертному мнению в ходе прора-

²⁴ Crowley, S.; Ost, D. *Workers after Workers' States: Labor and Politics in Post-communist Eastern Europe*. Oxford, 2001. P. 85.

²⁵ Hrebena, R.; Morgan, B. *Lobbying in America: A Reference Handbook*. ABC-CLIO, 2009. P. 87.

²⁶ Bohle, D.; Greskovits, B. *The State, Internationalization, and Capitalist Diversity in Eastern Europe // Competition & Change*, 2007, Vol. 11, No. 2, pp. 110, 112.

²⁷ Rees, N.; Paraskevopoulos, C. *Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / Adapting to EU Multi-Level Governance*. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006. P. 194.

ботки решений. В этом польская модель разительно отличается от западных примеров, где экспертная информация является одной из наиболее важных составляющих взаимодействия групп интересов и органов власти. «Нет никаких данных о том, что фабрики мысли и какие-либо другие эксперты привлекаются к серьезному сопровождению процесса принятия решений»²⁸. В основном государство опирается на мнение политиков, чиновников и государственных аналитиков, что является типичным случаем для постсоциалистических стран, в которых централизация процесса принятия решений приводит к замыканию на органах власти.

Вступление в Евросоюз имело в целом неоднозначный эффект на институт лоббизма в Польше. С одной стороны, польские группы интересов являются наиболее активными лоббистами своих интересов на уровне Евросоюза среди постсоциалистических стран. На январь 2019 г. в европейском реестре было представлено 226 групп интересов, что выше, чем среди какой-либо другой страны члена Евросоюза из ЦВЕ²⁹. Польша является важным центром сельского хозяйства, крупнейшей экономикой среди постсоциалистических стран, имеет тесные связи с Германией и Францией, что делает ее важным субъектом продвижения собственных интересов на наднациональном уровне в Брюсселе. С другой стороны, европеизация оказала весьма ограниченный эффект на внутренний рынок лоббизма в Польше. Многим польским группам интересов проще взаимодействовать с органами власти Евросоюза, чем со своим собственным государством. Проблема заключается в том, что, в отличие от Словении, где европеизация стала относительно гармоничным элементом политического процесса, польский политический оказался расколотым по отношению к Брюсселю, что привело к усилению евроскептицизма. Неолиберальный курс и необходимость соответствия жестким финансовым крите-

риям Евросоюза привели к тому, что задачи государства стали все чаще расходиться с позицией Евросоюза. Особенно ярко это прослеживается с 2015 г., когда тон в политике задает консервативная партия «Право и справедливость». В то же время, как верно отмечает Г. Ясецки, главным препятствием европеизации политики в Польше является «доминирующая роль государства в процессе принятия решений, клиентелизм, слабые институциональные возможности»³⁰. В конечном счете, это сказывается и на группах интересов, так как зависимость от государства сковывает их потенциал развития на уровне Евросоюза.

Особенности политической системы также являются важным фактором развития польского института лоббизма. Согласно конституции 1997 г., Польша является Польша является полупрезидентской республикой, в которой президент является главой государства, а премьер-министр главой правительства. Члены правительства выбираются из числа партии или партийной коалиции, имеющей большинство в парламенте. Законодательная власть сконцентрирована в двухпалатном парламенте, состоящем из Сейма (нижняя палата) и Сената (верхняя палата), которые избираются всенародным голосованием по пропорциональной и мажоритарной системе соответственно. Именно партии определяют расклад политических сил в стране, хотя партийная система является расколотой. По словам К. Ясецкого, польская «партийная система характеризуется доминированием политических партий из различных секторов политической системы, общества и экономики, в которой ведущей силой являются государственные компании (железнодорожная и авиационная отрасли, энергетические компании, СМИ, почта и пр.)»³¹. При этом особенностью

²⁸ Ibid. P. 194.

²⁹ См.: Transparency Register. European Commission. Mode of access: <http://ec.europa.eu/transparencyregister/public/consultation/reportControllerPager.do>

³⁰ Rees, N.; Paraskevopoulos, C. Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / Adapting to EU Multi-Level Governance. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006. P. 189.

³¹ Jasiński K. Regulating lobbying in Poland: Background, scope and expectations. Council of Europe, 2006. P.2. URL: <https://www.coe.int/t/dg1/legalcooperation/economiccrime/cybercrime/>

на ведение реестра лоббистов, ежегодные доклады представителей власти о лоббистских контактах, существующие нормы не позволяют понять, где и как именно лоббисты осуществляют влияние. К тому же, согласно докладу Европарламента, количество зарегистрированных лоббистов явно не соответствует реальному рынку лоббистских услуг³⁶.

Другой проблемой нового закона стало то, что крайне нечетко прописано, что считать собственной лоббистской деятельностью. В законе сосуществуют два разных определения лоббизма, который подразделяется на лоббистскую деятельность в широком смысле слова и на профессиональную лоббистскую деятельность. Лоббистская деятельность в широком смысле подразумевает «любой вид действий, осуществляемых в допустимых правовых рамках, который ведет к оказанию влияния на органы власти в законотворческом процессе»³⁷. В свою очередь, профессиональной считается «лоббистская деятельность, приносящая прибыль и осуществляемая в интересах третьей стороны с целью продвижения данных интересов в законотворческом процессе»³⁸. Данные определения не раз подвергались критике как слишком размытые. По выражению Г. Маковского, «первое определение является чересчур широким, второе – слишком узким»³⁹.

Главная проблема заключается в том, что профессиональная лоббистская деятельность крайне медленно приживается в Польше,

что роднит ее со словенской моделью. Хотя в официальном реестре каждый год регистрируется более 20 лоббистов, уровень их вовлеченности в реальную лоббистскую деятельность остается невысокой. «В 2014 г. только 35 лоббистов были вовлечены во взаимодействие с членами парламента и только 22 лоббиста заявили о действиях, предпринятых в Сейме. В общей сложности, только 9 лоббистов приняли участие в 31 заседании комитетов в Сейме и в 5 заседаниях комитетов в Сенате»⁴⁰. Двойное определение лоббизма приводит к тому, что закон фактически признает существование двух типов лоббистов – группы интересов в широком смысле и профессиональных лоббистов – однако регулирование направлено только на последних. В итоге, действующее законодательство не привело к созданию четких и понятных лоббистских каналов. Опрос среди представителей групп интересов показал, что только 6,7% считают, что существует четкая институциональная база для взаимодействия с органами власти⁴¹.

В Польше, также как и в Словении, существуют правила отчетности не только для профессиональных лоббистов, но и для представителей исполнительной власти. Согласно закону, «министерства обязаны публиковать в открытом доступе любые документы, связанные с подготовкой законопроектов. Соответственно те, кто заинтересован в участии в законодательном процессе, в первую очередь, профессиональные лоббисты, должны предоставить соответствующим министерствам декларации о намерениях, в которых должно быть подробно описано, какой интерес планируется продвигать»⁴². Однако данное правило приводит к обратному эффекту, так как представители власти отказываются иметь дело с профессиональ-

³⁶ Lobbying Regulation Framework in Poland. Briefing. European Parliament. 2016. Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI\(2016\)595848_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/595848/EPRS_BRI(2016)595848_EN.pdf)

³⁷ Kavoliunaite-Ragauskiene, E. How to Define a Lobbyist: Experience of Poland and Lithuania // *Croatian and Comparative Public Administration*, 2017, Vol. 17, No. 1, p. 45.

³⁸ Ibid. P. 45.

³⁹ Makowski, G. Regulation of lobbying in Poland. 2009, Europeum, Institute for European Policy. Mode of access: https://www.researchgate.net/profile/Grzegorz_Makowski2/publication/281372519_Regulation_of_Lobbying_in_Poland/links/55e42fd508aecb1a7cc9f0f8/Regulation-of-Lobbying-in-Poland.pdf

⁴⁰ Kavoliunaite-Ragauskiene, E. How to Define a Lobbyist: Experience of Poland and Lithuania // *Croatian and Comparative Public Administration*, 2017, Vol. 17, No. 1, p. 48.

⁴¹ См.: McGrath, C. The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*, 2008, No. 8, p. 16.

⁴² Mulcahy, S. Lobbying in Europe. Hidden Influence, Privileged Access. Transparency International, 2015. p. 29.

ными лоббистами, потому что это вынуждает их предоставлять обществу значительную часть информации. Учитывая крайне негативное отношение публики к лоббизму, мало официальных лиц хотят публично признавать факт взаимодействия с лоббистами. В итоге модель лоббистов-посредников, которую польские законодатели позаимствовали из американского опыта, практически не работает, а группы интересов и власть предпочитают взаимодействовать друг с другом напрямую, минуя официально разрешенные каналы взаимодействия.

Польский пример демонстрирует, что попытка регулирования лоббизма в условиях сохраняющихся неформальных практик взаимодействия, доминирования государственных структур в процессах подготовки и принятия решений, низкого уровня доверия населения государству не отвечает институциональным и социальным условиям. Несмотря на прогресс в сфере разработки антикоррупционных норм, создание поведенческих кодексов для лоббистов, общество продолжает рассматривать лоббизм как неформальный институт. Однако сами представители власти мало делают, чтобы изменить данный имидж, отказываясь взаимодействовать с профессиональными лоббистами и предпочитая прямые, неформальные контакты с группами интересов.

Заключение

Проведенный анализ двух постсоциалистических моделей лоббизма позволяет сделать несколько основных выводов:

1) Развитие лоббистских отношений в постсоциалистических странах происходило в крайне сжатые сроки, когда институты демократии и представительства не были до конца отлажены, вследствие чего неформальные отношения между группами интересов и государством в значительной степени сохранили свое влияние в процессе принятия решений. В то же время, пример Словении показывает, что практика корпоративистских соглашений переходного периода, привела к становлению более гармоничной системы групп интересов и более эффективной институционализации лоббизма.

Неолиберальная политика Польши, напротив, способствовала многочисленным расколам и конфликтности в системе групп интересов. Отличительной чертой обеих систем групп интересов является слабость неправительственного сектора.

2) Европеизация политики по-разному сказалась на развитии института лоббизма в двух странах. В Словении европеизация не сделала национальные группы интересов более влиятельными на наднациональном уровне Евросоюза, однако она придала динамику развитию лоббистских отношений внутри страны, существенно повлияв на политическую культуру групп интересов. Польские группы интересов, напротив, активно стремятся взаимодействовать с европейскими органами власти, однако это мало влияет на внутренний рынок лоббизма, так как государство является недостаточно открытым для группового влияния.

3) Неформальные отношения в процессе принятия решений остаются общей проблемой для всех постсоциалистических стран, Словения и Польша в этом смысле не являются исключением. Даже в условиях существующего государственного регулирования лоббизма, группы интересов предпочитают пользоваться преимущественно теневыми каналами для взаимодействия с органами власти.

4) В обеих рассмотренных моделях центром лоббистских отношений является исполнительная власть, однако в качестве главных посредников между группами интересов и государством выступают политические партии, которые создают часто негласные альянсы с наиболее влиятельными организованными группами. Профессиональные лоббисты так и не стали главными субъектами лоббизма, что подтверждается низким уровнем контактов зарегистрированных лоббистов с представителями власти.

5) Хотя ни одну из стран нельзя назвать идеальной моделью с точки зрения регулирования лоббизма, Словения продвинулась в этом вопросе значительно дальше Польши. Словенское законодательство является более прозрачным и строгим, обязывая лоббистов подробно отчитываться о своей деятельности. Помимо этого, в Словении

существуют регулирование «вращающихся дверей» и ограничения пожертвований в фонды партий. В Польше, несмотря на ведение реестра лоббистов и отчетность лиц, принимающих решения, регулирование является менее прозрачным и не позволяющим оценить реальное взаимодействие между группами интересов и органами власти. Вместе с тем, регулирование и в Словении, и в Польше направлено исключительно на лоббистов-консультантов и не затрагивает встроенных лоббистов.

Литература:

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 136-138 [Almond, G.; Powell, J.; Strom, K.; Dalton, R. *Sravnitel'naia politologiia segodnia. Mirovoi obzor. Moscow, 2002, pp. 136-138.*]

Almond, G. A Comparative Study of Interest Groups and the Political Process // *The American Political Science Review*. 1958, Vol. 52, No. 1.

Blavoukos, S.; Pagoulatos, G. Enlargement Waves and Interest Group Participation in the EU Policy-Making System: Establishing a Framework of Analysis // *West European Politics*, 2008, Vol. 31, No. 6, pp. 1147-1165.

Bohle, D.; Greskovits, B. The State, Internationalization, and Capitalist Diversity in Eastern Europe // *Competition & Change*, 2007, Vol. 11, No. 2.

Crowley, S.; Ost, D. *Workers after Workers' States: Labor and Politics in Post-communist Eastern Europe*. Oxford, 2001.

Fink-Hafner, D. Interest Representation in Post-communist Parliaments over Two Decades // *Legislative Studies*, 2011, Vol. 17, No. 2, pp. 215-233.

Fink-Hafner, D. Organized Interests in the Policy-Making Process in Slovenia // *Journal of European Public Policy*, 1998, Vol. 5, No. 2.

Fink-Hafner, D.; Hafner-Fink, M.; Novak, M. Europeanisation as a Factor of National Interest Group Political-Cultural Change: The Case of Interest Groups in Slovenia // *East European Politics and Societies and Cultures*, 2015, Vol. 29, No. 1.

Gwiazda, A. *Democracy in Poland: Representation, Participation, Competition and Accountability since 1989*. Routledge, 2015.

Holman, C.; Luneburg, W. Lobbying and Transparency: A Comparative Analysis of Regulatory Reform // *Interest Groups & Advocacy*. 2012, Vol. 1., No 1, pp. 75-104.

Hrebear, R.; Morgan, B. *Lobbying in America: A Reference Handbook*. ABC-CLIO, 2009.

Kavoliunaite-Ragauskieni, E. How to Define a Lobbyist: Experience of Poland and Lithuania // *Croatian and Comparative Public Administration*, 2017, Vol. 17, No. 1, pp. 29-56.

McGrath, C. The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*, 2008, No. 8, pp. 15-32.

Millar, C.; Koppl, P. Perspectives, Practices and Prospects of Public Affairs in Central and Eastern Europe: a Lobbying Future Anchored in an Institutional Context // *Journal of Public Affairs*, 2014, Vol. 14, No. 1, pp. 4-17.

Mulcahy, S. *Lobbying in Europe. Hidden Influence, Privileged Access*. Transparency International, 2015.

Rees, N.; Paraskevopoulos, C. *Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / Adapting to EU Multi-Level Governance*. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006, 336 p.

Sallai, D. European Union Lobbying and the Golden Cage of Post-Socialist Network Capitalism in Hungary // *Journal of Common Market Studies*, 2013, Vol. 51, No. 5, pp. 948-964.

Stanojevic, M. Slovenia: Neo-corporatism under the Neoliberal Turn // *Employee Relations*, 2018, Vol. 40, No. 4.

References:

Almond, G. A Comparative Study of Interest Groups and the Political Process // *The American Political Science Review*. 1958, Vol. 52, No. 1.

Almond, G.; Powell, J.; Strom, K.; Dalton, R. *Sravnitel'naia politologiia segodnia. Mirovoi obzor. Moscow, 2002, pp. 136-138.*

Blavoukos, S.; Pagoulatos, G. Enlargement Waves and Interest Group Participation in the EU Policy-Making System: Establishing a Framework of Analysis // *West European Politics*, 2008, Vol. 31, No. 6, pp. 1147-1165.

Bohle, D.; Greskovits, B. The State, Internationalization, and Capitalist Diversity in Eastern Europe // *Competition & Change*, 2007, Vol. 11, No. 2.

Crowley, S.; Ost, D. *Workers after Workers' States: Labor and Politics in Post-communist Eastern Europe*. Oxford, 2001.

Fink-Hafner, D. Interest Representation in Post-communist Parliaments over Two Decades // *Legislative Studies*, 2011, Vol. 17, No. 2, pp. 215-233.

Fink-Hafner, D. Organized Interests in the Policy-Making Process in Slovenia // *Journal of European Public Policy*, 1998, Vol. 5, No. 2.

Fink-Hafner, D.; Hafner-Fink, M.; Novak, M. Europeanisation as a Factor of National Interest Group Political-Cultural Change: The Case of Interest Groups in Slovenia // *East European Politics and Societies and Cultures*, 2015, Vol. 29, No. 1.

Gwiazda, A. *Democracy in Poland: Representation, Participation, Competition and Accountability since 1989*. Routledge, 2015.

Holman, C.; Luneburg, W. *Lobbying and Transparency: A Comparative Analysis of Regulatory Reform // Interest Groups & Advocacy*. 2012, Vol. 1., No 1, pp. 75-104.

Hrebear, R.; Morgan, B. *Lobbying in America: A Reference Handbook*. ABC-CLIO, 2009.

Kavoliunaite-Ragauskieni, E. How to Define a Lobbyist: Experience of Poland and Lithuania // *Croatian and Comparative Public Administration*, 2017, Vol. 17, No. 1, pp. 29-56.

McGrath, C. The Development and Regulation of Lobbying in the New Member States of the European Union // *Journal of Public Affairs*, 2008, No. 8, pp. 15-32.

Millar, C.; Koppl, P. Perspectives, Practices and Prospects of Public Affairs in Central and Eastern Europe: a Lobbying Future Anchored in an Institutional Context // *Journal of Public Affairs*, 2014, Vol. 14, No. 1, pp. 4-17.

Mulcahy, S. *Lobbying in Europe. Hidden Influence, Privileged Access*. Transparency International, 2015.

Rees, N.; Paraskevopoulos, C. *Europeanization of Policy-Making and Domestic Governance Structures in*

Regional Policy: Cohesion and CEE Countries / Adapting to EU Multi-Level Governance. Ed. by Paraskevopoulos C., Getimis P., Rees N. London, 2006, 336 p.

Sallai, D. European Union Lobbying and the Golden Cage of Post-Socialist Network Capitalism in Hungary //

Journal of Common Market Studies, 2013, Vol. 51, No. 5, pp. 948-964.

Stanojevic, M. Slovenia: Neo-corporatism under the Neo-liberal Turn // *Employee Relations*, 2018, Vol. 40, No. 4.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10010

LOBBYING DEVELOPMENT IN POST-SOCIALIST COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION: COMPARATIVE ANALYSIS OF SLOVENIAN AND POLISH MODELS

Pavel S. Kanevsky

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.07.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 13.09.2020</p>	<p>Abstract: In order to promote industrialization and improve the living standards of the population in the Sub-Current article is dedicated to lobbying development in post-socialist EU member states from Central and Eastern Europe. This is an important and at the same time insufficiently studied aspect of political systems in CEE. Models of lobbying in Slovenia and Poland that are analyzed in the article, demonstrate that there is no single vector of lobbying development in post-socialist countries. It is shown that interaction between interest groups and decision makers is influenced by following factors: dynamics and state of interest group systems, mechanism of interaction between interest groups and decision makers, Europeanization of politics, and particularities of lobbying regulation. Author comes to several conclusions: 1) Both countries have inherited tradition of informal political relations, but there is difference between corporatist model in Slovenia that resulted in more stable interest group system and Polish neoliberal model that gave birth to more conflict driven interest group system; 2) Europeanization of politics had different impact on the state of lobbying on national level, fostering its development in Slovenian case and having little impact in Poland; 3) Although majority of lobbying is happening in the executive branch, parties are the main mediators between interest groups and decision making; 4) Neither of analyzed countries are ideal in terms of lobbying regulation. However, Slovenia did progress further in comparison with Poland, using more transparent registration and reporting for lobbyists and officials and also regulating indirect forms of lobbying; at the same time most of lobbying takes places in shadows while regulation aimed only at professional consultants is not efficient enough.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology of Political Processes, Lomonosov Moscow State University</p> <p>e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru</p>	
<p>Key words: lobbying; interest groups; post-socialist political systems; Europeanization of politics; corporatism; pluralism; regulation of lobbying</p>	

Для цитирования: Каневский П.С. Развитие института лоббизма в постсоциалистических странах Евросоюза: сравнительный анализ словенской и польской моделей // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 134-148.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10010

For citation: Kanevsky, Pavel S. Razvitiye instituta lobbizma v postsotsialisticheskikh stranakh Yevrosoyuza: sravnitel'nyy analiz slovenskoy i pol'skoy modeley (Lobbying Development in Post-Socialist Countries of the European Union: Comparative Analysis of Slovenian and Polish Models // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 134-148.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10010

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛЬШЕ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Игорь Юрьевич Окунев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Юлия Сергеевна Горелова

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Екатерина Евгеньевна Груздева

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 20 апреля 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Данная статья посвящена теме парламентских выборов в Польше. Выдвигается гипотеза, что в Польше существуют устойчивые региональные кластеры электорального поведения. В исследовании прослеживается закономерность между образованием региональных кластеров и рядом факторов, таких как их близость к границам других государств, идеологическая ориентация выдвигаемых партиями программ, традиции политической культуры, сложившейся в регионах, а также деление регионов на городские и сельские. В исследовании используется индекс пространственной автокорреляции Морана для описания эффекта соседства. С помощью этого индекса рассчитаны локальные индикаторы пространственной автокорреляции. Построены картограммы расположения кластеров по результатам парламентских выборов 2007-2019 гг., что позволило рассмотреть их пространственные изменения в перспективе. Новизна работы заключается в использовании математического метода пространственной автокорреляции в изучении электорального поведения и рассмотрении результатов не только с точки зрения их процентного соотношения, но и с точки зрения эффекта соседства. В результате проведения исследования сделан вывод о том, что некоторые региональные кластеры остаются стабильными образованиями на протяжении всех четырех рассмотренных электоральных циклов, однако подвергаются незначительным изменениям. Большинство из этих кластеров находятся в сельской местности; города, как правило, не входят в устойчивые кластеры, образуя обособленные центры, отличающиеся разнообразием в электоральных предпочтениях граждан. На протяжении четырех рассмотренных электоральных циклов наблюдается тенденция сокращения пространственной зависимости между результатами голосования в округах и стабильностью региональных кластеров в Польше.</p>
<p>Об авторах: <i>Окунев И.Ю.</i>, к.полит.н., в.н.с., директор Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ, МГИМО МИД России e-mail: iokunev@mgimo.ru <i>Горелова Ю.С.</i>, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ, МГИМО МИД России e-mail: g.julis@mail.ru <i>Груздева Е.Е.</i>, стажер-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ, МГИМО МИД России e-mail: gruzdeva.ekaterina@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: индекс Морана; региональные кластеры; пространственная автокорреляция; электоральная география; Польша; парламентские выборы; электоральное поведение</p>	

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, граничащих с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»

Дизайн исследования

Данное исследование, проведенное на основе результатов выборов в Польше, является частью масштабного научного проекта, которое проводится Центром пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО МИД России. Целью данного проекта является выявление устойчивых тенденций трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией. Выдвигается гипотеза, согласно которой близость к Российской Федерации усиливает позиции более лояльных России политических сил в пограничном регионе вне зависимости от их идеологической окраски, а также внешнеэкономической ориентации и доли русского населения в таком регионе. Предметом исследования являются 11 государств, включая Польшу. В рамках проекта сравниваются электоральные циклы этих стран по выборам в национальный парламент с 2007 по 2021 гг.

Принципы и закономерности голосования в различных регионах определяют политические стратегии партий. Результаты выборов определяются не только партийной программой, агитацией, личными качествами кандидатов, но и сформировавшимися традициями голосования и сложившейся политической культурой.

Рассмотрев выборы в высший орган законодательной власти Польши и проанализировав картограммы, составленные на основе индикатора локальной автокорреляции, мы заметили определенную закономерность результатов выборов, зависящую от соседства избирательных округов. Мы выдвигаем гипотезу, что соседние регионы влияют на выбор друг друга и образуют региональные кластеры пространственной автокорреляции. Они являются достаточно устойчивыми образованиями, но их существование и устойчивость зависят от ряда факторов. Появление региональных кластеров партий, состоящих из избирательных округов и оказывающих взаимное влияние на результаты выборов у “соседей”, выявляет необходимость изучения закономерностей, по которым эти группы регионов

образуются. Важными вопросами для исследования являются с одной стороны, стабильность некоторых кластеров, выражаемая в их неизменном территориальном составе в определенном промежутке времени; с другой стороны, подвижность других кластеров и причины их неустойчивости. Проблема существования устойчивых кластеров может определить стратегию партийной агитации во время выборов и приоритетные направления, необходимые для включения в программу партии.

В исследовании использованы данные парламентских выборов за 2007-2019 год, что обуславливает его актуальность. Особенно показательны результаты последних выборов, позволяющие сделать выводы о современных тенденциях голосования. Примечательно, что локальные индикаторы пространственной автокорреляции, рассчитанные на основе данных голосования в 2019 году, имеют общую тенденцию к снижению, что говорит об активизации электоральных процессов и об изменении традиционных принципов голосования. Это дает широкое пространство для дальнейших исследований.

Новизна исследования заключается в методе анализа электоральных данных. Математический метод пространственной автокорреляции позволяет с большей точностью определить расположение кластеров и сделать на основе индекса Морана выводы о происходящих изменениях. Метод позволяет с большей точностью по сравнению с качественным исследованием определить, на что следует обратить внимание исследователю, однако должен использоваться в совокупности с качественными данными для более точной интерпретации наблюдаемых явлений. Для этого, помимо обработки и анализа данных, в работе используются данные полевых исследований, полученных в ходе научной экспедиции Центра пространственного анализа международных отношений в приграничные воеводства Польши. Цель экспедиции – изучение электорального поведения жителей. Основным методом экспедиции стало включенное наблюдение с последующим картографированием результатов по GPS-координатам с расчетом частотности пространственного распре-

ления релевантных наблюдений. Также был проведен ряд глубинных интервью с представителями различных политических сил, академической среды и общественных организаций, в частности, Общества сотрудничества Польша-Восток.

Обзор литературы

Результаты выборов, закономерности формирования региональных кластеров и предпочтения населения – традиционные объекты изучения электоральной географии. В 1979 году П. Тейлор и Р. Джонстон издали книгу «География выборов», в которой была представлена теория социальных расколов, связанных с социальной и территориальной структурой общества¹. Авторы проанализировали взаимосвязь результатов голосования с влиянием эффекта соседства. Книга стала основоположницей данного направления в рамках политической географии.

Изучением электоральной географии как одного из направлений политической географии занимается ряд отечественных учёных. Р.Ф. Туровский анализировал различия уровня поддержки левых и правых партий в городах и сёлах². А.С. Ахременко исследовал возможности применения пространственного анализа как метода изучения политической географии³. В статье “География элек-

торальной культуры и целостность России” Д.М. Орешкин на примере итогов выборов в Государственную Думу 1999 г. и выборов Президента в 2000 г. исследовал региональные различия политических культур в России⁴. Н.В. Петров выделял несколько округов со сходным электоральным поведением в России и исследовал их⁵. В.А. Колосов изучал влияние приграничного положения регионов на их развитие⁶. Проект А. Сидоренко – “Электоральная география 2.0” сосредоточен на изучении влияния пространства на электоральное поведение граждан в регионах России и во многих странах мира⁷.

Электоральная география Польши была предметом изучения таких ученых, как Барвинского⁸, Ясьевича⁹, Ковальско-

следований // Полит. наука. 2009. №1. С. 32-59. [Akhremenko, A.S. Prostranstvenny i elektoral'nyi analiz: kharakteristika metoda, vozmozhnosti krossnatsional'nykh sravnitel'nykh issledovaniy (Spatial Electoral Analysis: Characterization of the Method, Possibilities of Cross-National Comparative Studies) // *Polit. nauka*, 2009, No. 1, pp. 32-59.]

⁴ Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и целостность России // *Полис*. 2001. № 1. С. 73-93. [Oreshkin, D.B. Geografia elektoral'noi kul'tury i tselostnost' Rossii (The Geography of Electoral Culture and the Integrity of Russia) // *Polis*, 2001, No. 1, pp. 73-93.]

⁵ Петров Н.В. Электоральный ландшафт: географический и политологический // *Полис*. 2000. № 2. С. 107-110. [Petrov, N.V. Elektoral'nyi landshaft: geograficheskii i politologicheskii (Electoral Landscape: Geographical and Political) // *Polis*, 2000, No. 2, pp. 107-110.]

⁶ Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с. [Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva (Russian Borderland: Neighborhood Challenges) / pod red. V.A. Kolosova. Moscow: IPMatushkina I., 2018. 562 p.]

⁷ Электоральная география 2.0 // Польша. Парламентские выборы. Mode of access: <https://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/p/poland/polska-parlamentskie-vybory-2019.html>

⁸ Barwiński, M. Influence of Former Political Borders on Election Results in Poland. Paper presented at the conference “Borders capes: spaces in conflict/symbolic places/networks of peace”, Trento, June 11-14, 2006.

⁹ Jasiewicz, K. “The Past Is never Dead”: Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // *East European Politics and Societies*, 2009, No. 23, pp. 491-508.

¹ Taylor, P.; Johnston R. *The Geography of Elections*. Harmondsworth: PenguinBooks, 1979, p. 528.

² Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // *Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология. № 3'96 (17). С. 37-52. [Turovskii, R.F. Politicheskoe rassloenie rossiiskikh regionov (istoriia i faktory formirovaniia) (Political Stratification of Russian Regions (History and Formation Factors) // *Partiino-politicheskie elity i elektoral'nye protsessy v Rossii. Kruglyi stol biznesa Rossii. Analiticheskie obozreniia Tsentra kompleksnykh sotsial'nykh issledovaniy i marketinga. Serii: politologiia. No. 3'96 (17), pp. 37-52]**

³ Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных ис-

го¹⁰, Зарицкого и Новака¹¹. Вопрос взаимосвязи электорального поведения граждан и существования региональных кластеров проанализирован в докладе «Электоральная география и выборы в Польше», который был представлен Чрезвычайным и Полномочным Послом Польши в России Влодзимежем Марчиняком во время седьмого заседания междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития» в 2017 году. В докладе большое внимание было уделено политической регионализации Польши и её влиянию на результаты выборов. В. Марчиняком был сделан вывод о том, что исторические и демографические особенности отдельных районов влияют на политическую позицию их жителей¹².

Зависимость территориального фактора и уровня поддержки партий, которые выступают за поддержание отношений с Российской Федерацией, проанализирована в статье К. Женготы «Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше». Сделан вывод о том, что степень поддержки политических партий, в программах которых содержится стремление активно участвовать в отношениях с Россией, различается¹³.

В статье И.Н. Тарасова, и Е.С. Фидря «География электоральной волатильности в Варминьско-мазурском воеводстве Польши» сделан вывод о том, что в Польше существуют устойчивые региональные кластеры, которые первоначально сформировались под влиянием территориального фактора, однако различия в политических предпочтениях, существующих в них, сохранились на протяжении нескольких электоральных циклов¹⁴.

В нашем исследовании мы предпринимаем попытку математические проверить базовые гипотезы, выдвинутые польскими политгеографами.

Избирательная и партийная система Польши.

Законодательную власть в Республике Польше осуществляет двухпалатный Парламент, состоящий из Сейма и Сената. Согласно Конституции, Сейм состоит из 460 депутатов, избираемых на 4 года. Сенат состоит из 100 человек, которые также избираются на 4 года. Выборы в Сейм являются всеобщими, равными, прямыми и проводятся тайным голосованием. Гражданин Польши, который достиг 18-летнего возраста, имеет право голосовать на выборах. Любой гражданин, достигший возраста 21 года и имеющий право голоса, может быть избранным в Сейм.

Выборы проводятся в нерабочий день. Национальная избирательная комиссия

¹⁰ Kowalski, M. Geografia wyborcza Polski. Przestrzenne zróżnicowanie zachowań wyborczych Polaków w latach 1989-1998 (Poland's Electoral Geography. Spatial Diversity of Poles' Voting Behavior in 1989-1998) // *Geopolitical Studies*, 2000, Vol. 7, Warszawa.

¹¹ Zarycki, T.; Nowak, A. Hidden Dimensions: The Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland // *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, No. 33, pp. 331-354.

¹² Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше / VII заседание междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития». 2018. Режим доступа: <https://social.hse.ru/news/212672030.html> [Marchiniak, V. Elektoralnaia geografiia i vybory v Pol'she (Electoral Geography and Elections in Poland. VII meeting of the interdisciplinary seminar "Challenges of Social Development"). Modeofaccess: <https://social.hse.ru/news/212672030.html>]

¹³ Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и каче-

ственный анализ // Балт. рег. 2019. Т. 11, № 3. С. 125-141. [Zhengota, K. Pol'sko-rossiiskie otноsheniia v programmakh vybrannykh pravyyk politicheskikh partii v Pol'she. Kolichestvennyi i kachestvennyi analiz (Polish-Russian Relations as Reflected in the Programmes of Right-Wing Political Parties in Poland: a Quantitative and Qualitative Analysis) // *Balt. Reg.*, 2019, Vol. 11, No. 3, pp. 125-141.]

¹⁴ Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши // Балт. рег. 2016. Т. 8, №4. С. 78-89. [Tarasov, I.N., Fidria, E.S. Geografiia elektoranoi volatil'nosti v Varmin'sko-Mazurskomvoe vodstve Pol'shi (Geography of Electoral Volatility in the Warmia and Mazury Voivodeship of Poland) // *Balt. reg.*, 2016, Vol. 8, No. 4, pp. 78-89.]

устанавливает агрегированные результаты голосования по всей стране и определяет, какие избирательные комиссии преодолели избирательный барьер. Он составляет 5% для партий и 8% для коалиций. Если ни один из соответствующих субъектов не набрал необходимого количества голосов для преодоления барьера, то «порог» снижается до 3% и 5% соответственно. Право баллотироваться также признано за представителями общественных организаций, представляющих национальные меньшинства. Для них существует квота – одно место в Сейме. После этого окружные избирательные комиссии проводят распределение мест пропорционально между списками избирательных округов, и места получают кандидаты из списка в соответствии с общим числом голосов, поданных за него. Избирательная система в Польше – пропорциональная с индивидуальным выбором. Это значит, что избиратель должен выбрать из партийного списка конкретную фамилию. Мандаты, таким образом, распределяются в округах, а не на национальном уровне.

Согласно Конституции Польши в этом государстве закреплён принцип многопартийности. Фактически политическая система сконцентрирована вокруг двух партийных образований, все остальные партии носят временный характер и условно разделены на «правые» и «левые».

Большинство голосов на последних выборах в Сейм Польши 2019 года получила либерально-консервативная политическая партия «Право и справедливость» (ПиС). Не последним элементом программы партии является вопрос польско-российских отношений. При этом стоит отметить категоричность в высказываниях по отношению к России. В программе ПиС от 2014 года было установлено, что существуют явные противопоказания к сотрудничеству с Россией, связанные с несоблюдением этим государством элементарных принципов международного права.

Второй партией по количеству мест в парламенте стала либерально-консервативная политическая партия «Гражданская платформа» (ГП). Различия между правыми партиями заключается в

отношении к Евросоюзу. ГП ориентирована на Запад, в то время как ПиС проявляет скептицизм.¹⁵ Так как ПиС занимает лидирующие позиции в Парламенте, евроскептицизм отчетливо проявляется в политике Польши.

Социал-демократическая партия «Союз демократических левых сил» (СДЛС) на выборах в Сейм 2019 года получила третье место по количеству мандатов. Эта партия в своей политике сохраняет прокоммунистические принципы. Остальные места были распределены между центристской политической партией «Польская крестьянская партия» (ПКП), которая входит в Европейскую народную партию, и крайне правой партией Януша Корвина-Миккэ «KORWiN».

С 14 по 20 октября 2019 года исследовательский коллектив провел научную экспедицию в приграничные воеводства Польши с целью изучения электорального поведения жителей. В экспедиции приняли участие И.Ю. Окунев, А.О. Доманов, В.В. Виноградов и Л.С. Жирнова. Они посетили более сорока населённых пунктов Поморского, Варминьско-Мазурского и Подляского воеводств, в том числе такие крупные города, как Гданьск, Гмина, Сопот, Ольштын, Эльблонг, Мальборк, Бартошице, Белосток и Сувалки. В ходе экспедиции было собрано более 700 агитационных материалов на парламентских выборах в приграничных с Россией регионах Польши, включая 23 материала, содержащих отсылку к России. В выборку попали материалы, размещённые на центральных площадях сорока населённых пунктов разного масштаба и специализации. На основе координат расположения агитационных материалов были созданы картограммы частотности распределения агитации вдоль границы с Россией. По результатам анализа исследователи зафиксировали значимое увеличение агитации по мере движения на восток за крайне правую коалицию «Конфедерация» (единственную политическую силу не эксплуатировавшую антироссийскую риторику и поэтому по-

¹⁵ Zarycki, T.; Nowak, A. Hidden Dimensions: The Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland // *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, No. 33, pp. 331-354.

зиционировавшуюся СМИ чуть ли не пропутинской). По-видимому, это отражает ожидание большей поддержки данной коалиции среди людей живущих ближе к России и сильнее вовлеченных в приграничное сотрудничество. Однако результаты выборов, несмотря на действительно зафиксированную нами в ходе экспертных интервью большую ориентацию на сотрудничество с Россией в данных регионах, показали традиционную разнонаправленность электорального выбора жителей приграничных воеводств: Белосток остается оплотом консерваторов, Гданьск – более либерален, в Ольштыне – сильнее по сравнению с остальной страной позиции левых и аграриев. Так, было обнаружено только два гомогенных пространственных кластера агитационных материалов: за «Право и справедливость» на западе от Белостока и за «Народную коалицию» вокруг Ольштына (метод LISA, рассчитанный для смежности по метрике до 50 км). Это означает, что большая ориентация электората на сотрудничество с Россией не связано с усилением их поддержки крайне правых.

Пространственный анализ

Пространственный анализ базируется на тезисе о том, что явление, которое свойственно для одной анализируемой единицы, имеет влияние на соседнюю. В данном случае рассматривается пространственная автокорреляция по итогам выборов. Каждый избирательный округ является пространственной единицей анализа. Они образуют некие кластеры по принципу пространственной автокорреляции.

Таким образом, в данной статье выдвигается гипотеза о том, что результаты выборов обусловлены пространственным фактором. Для определения степени пространственной автокорреляции в статье использован *Индекс Морана, учитывающий эффект соседства*. Его демонстрируют картограммы различных партий на выборах в Сейм Польши с 2007-2019 год. Помимо него мы рассчитали *локальные индикаторы пространственной автокорреляции (Local Indicators of Spatial Association, LISA)*.

Индекс Морана похож на линейный коэффициент корреляции Пирсона, однако учитывает эффект соседства. Использовалась следующая формула:

$$I = \frac{N}{W} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - x') - (x_j - x')}{\sum_j (x_i - x')}$$

где i, j – единицы, x_i и x_j – значения в i -й и j -й единице, x' – выборочное среднее значение по всем единицам, w_{ij} – вес пространственной связи между i -й и j -й единицей, N – количество единиц, W – сумма пространственных весов.

В результате были получены диаграммы рассеяния Морана, на которых по оси x откладывается значение в каждой территориальной единице, по оси y – ее пространственный лаг, который представляет собой средневзвешенное значение по всем соседям. На диаграммах рассеяния Морана пунктирными линиями отмечаются средние значения по обеим осям, а наклонной – линейная регрессия этих значений.

Индекс Морана оценивает пространственную автокорреляцию для всей совокупности данных, однако для задач исследования было важным взвесить пространственную автокорреляцию между соседними единицами. Для этого производился расчет локальных индикаторов пространственной автокорреляции. Данный метод позволяет выявить четыре локальных кластера: *high-high* – кластер пространственной автокорреляции высоких значений, *low-low* – кластер пространственной автокорреляции низких значений, *high-low* – ячейки высоких значений в кластере низких значений и *low-high* – ячейки низких значений в кластере высоких значений.

Для расчета использовалась следующая формула:

$$L = \frac{N}{\sum_j \sum_i w_{ij}} \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (z_i - z')(z_j - z')}{\sum_i (z_i - z')^2}$$

где N – количество ячеек, z_i – рассчитываемый показатель для ячейки i , а w_{ij} – оценка пространственных весов, отражающая, являются ли i и j соседями, такой, что если

не являются, он равен 0, а если являются равен λ_i , где λ_i – это число соседей ячейки i .

Показатели локальных индикаторов пространственной автокорреляции картографировались для стран с показателем уровня значимости p -value меньше 0,05. Для анализа использовалась матрица соседства по принципу смежности (правило ферзя с соседством только первого порядка).

С 2007 по 2015 год пространственная зависимость избирательных округов оставалась стабильной и довольно высокой для правых партий. Результаты выборов в Польше до 2019 во многом зависели от исторически сложившейся региональной диверсификации. Стабильность и традиционность в электоральном распределении замечает и Зарицкий¹⁶. Он отмечает дифференциацию страны на восток, более сельский, поддерживающий социально ориентированные партии и выступающий за широкое вмешательство государства в экономику, и запад, который является “более городской и, следовательно, экономически более либеральной”¹⁷ частью страны.

Исторически Польши была поделена между соседними государствами: Австрийской империей, Российской империей и Пруссией. В связи с этим на каждой из территорий, бывших в составе этих государств, сохранились социально-культурные обычаи, вероятно, до сих пор влияющие на политическую культуру и идеологические предпочтения электората. Об историческом наследии Пруссии, Австрийской и Российской империи в политической и электоральной культуре Польши пишет Т. Зарицкий¹⁸. Историческое разделение Польши объясняет разнообразие традиций политического участия граждан в зависимости от геополитического расположения региона их проживания. Например, в Галиции в 1870-х гг. было введено неравное (только для мужчин), но общее избирательное право. То есть, выходцы из этого региона принимают участие в выборах уже несколько поколений, даже переселившись в бывшую Пруссию. Более

того, в Галиции наиболее низкий уровень преступности, законопослушность, социальная ответственность, что, с точки зрения “правых” партий, связано с высоким уровнем религиозности. В связи с этим регион можно оценить как наиболее «проевропейский». Однако столь позитивную интерпретацию также можно связать с идеализацией наследия Австрийской империи¹⁹.

В Пруссии также с 1871 года введено всеобщее голосование, до этого граждане избирательно с 1850-х гг. участвовали в выборах в Сейм. Высокий уровень среднего образования в Пруссии повлиял на формирование высокой политической культуры участия, но демократизация в этом регионе проходила медленнее, чем в Австрии, но стремительнее, чем в России.

Выходцы из регионов бывшей Российской Империи имеют сравнительно более низкую политическую культуру участия, так как избирательное право появилось только в 1905 и не было всеобщим, и более низкий уровень образования, который оставался проблемой здесь вплоть до 1945 года.

На выборах 2019 года в Сейм Польши индекс Морана у лидирующих партий “ПиС” и “ГП” снижается. У “ПиС” индикатор снизился с 0.614 в 2015г. до 0.501 в 2019 г., а у “ГП” с 0.596 в 2015 г. до 0.372 в 2019 г. У ПКП индикатор снизился с 0.332 в 2015 г. до 0.192 в 2019 г.

Из приведенных данных следует вывод: граничащие регионы перестают оказывать взаимное влияние. Таким образом, выдвинутая ранее в докладе Влодзимежа Марчиняка “Электоральная география и выборы в Польше 2001-2015” гипотеза о том, что политические регионы определяют политическое поведение, не подтвердилась на выборах 2019 года²⁰.

¹⁹ Bialasiewicz, L. Back to Galicia Felix. In Hann, C.M. and Magocsi, P.R. (eds.): *Galicia: a Multicultural Land*. 2005, Toronto, 160-184.

²⁰ Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше / VII заседание междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития». 2018. Режим доступа: <https://social.hse.ru/news/212672030.html> [Marchiniak, V. *Elektoral'naiageografiaviybory v Pol'she* (Electoral Geography and Elections in Poland. VII meeting of the interdisciplinary seminar “Challenges of Social

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid

¹⁸ Ibid

Правые партии получают по-прежнему большинство голосов, но это уже не связано со сложившимися традициями голосования. Рост популярности партии “ПиС” во всех избирательных округах зависит от общенациональных настроений, а не от локальных особенностей. Пространственная корреляция традиционно “правых” избирательных округов ослабляется. С партией левого толка “СДЛС” ситуация иная: ее кластеры пространственной корреляции укрепляются, так как на выборах 2019 года индекс Морана вырос до 0.411, тогда как в 2015 г. он составил 0.356.

Появившаяся на политической арене крайне правая партия Януша Корвина-Миккэ не может быть описана с точки зрения индекса Морана, так как принимает участие в выборах только с 2015 года, и округа не образуют устойчивые кластеры. Данные по ней не имеют существенного значения для исследования.

У партии “ПиС” обнаруживается два устойчивых в течение нескольких электоральных циклов кластера на юго-востоке и северо-западе (см. Рис. 1).

Рисунок 1.

Диаграмма пространственной автокорреляции ПИС 2019 гг.

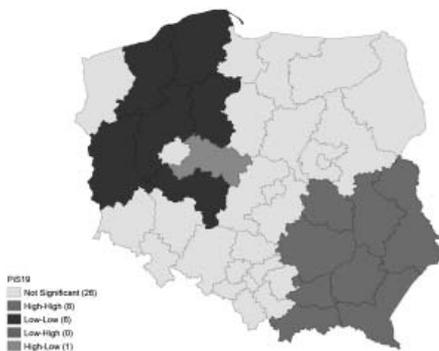

Рис. 1. Map of spatial clusters of PIS 2019

Они остаются неизменными на выборах 2019 года, однако в кластер на северо-западной границе Польши, где популярность “ПиС” ниже, перестают входить два избирательных округа – Щецин и Конин. При этом в Конине есть статистическое ожидание низких показателей голосования,

Development”). Mode of access: <https://social.hse.ru/news/212672030.html>

но на выборах 2019 года по отношению к соседям оно было высоким. В Варшаве и Лодзе граждане отдают меньше голосов за “ПиС”. Наблюдается отрицательная динамика набранных голосов ежегодно в этих избирательных округах. Город Познань, являющийся крупным торговым, промышленным и образовательным центром на западе не входит в этот кластер на протяжении рассматриваемых четырёх электоральных циклов. На юго-западе, где наблюдается высокий процент голосов за лидирующую партию, кластер не изменялся в течение наблюдаемых циклов. Это может быть связано с тем, что в него входят воеводства “восточной стены” – Люблинское и Подкарпатское, где длительное время существовали проблемы безработицы, преступности, развития частной инициативы и привлечения инвестиций. Эти регионы являются преимущественно сельскохозяйственными и промышленными, тогда как сфера услуг в них развита слабо. Заметим, что в кластер высоких показателей входит значительная часть территорий Галиции, что говорит о преемственности и стабильности электоральных традиций. Антикommунистическую направленности и “крен вправо” бывших австрийских территорий отмечает и Т. Зарыцкий.²¹

Устойчивость преимущественно сельского кластера, в котором большинство поддерживает правую партию, и менее устойчивого городского кластера, в котором процент голосов за “ПиС” ниже, говорит о двух основных выводах. Во-первых, в сельской местности кластеры более устойчивы, чем в городской, что объясняется, с одной стороны, низкой политической культурой традиционного типа, преобладающей на бывших российских территориях и распространяющейся на австрийских “соседей”; с другой стороны, австрийской “правотой”, распространяющейся на бывшие российские воеводства. Взаимное влияние воеводств на границе российских и австрийских территорий подтверждает гипотезу о

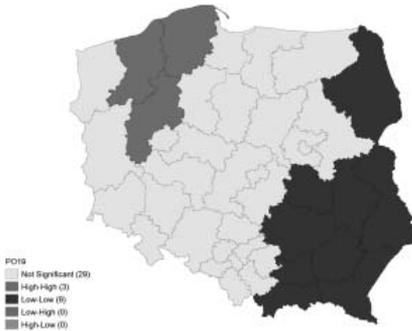
²¹ Zarycki, T. Nowak A. Hidden dimensions: the stability and structure of regional political cleavages in Poland // *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, No. 33, pp. 331-354.

пространственной корреляции. Во-вторых, устойчивость кластера зависит от экономического положения округов, входящих в него. Промышленные районы менее заинтересованы в победе правых, потому что мода на либерализм превалирует среди городского населения.

Гипотеза, согласно которой кластеры теряют свою устойчивость, подтверждается на примере партии “ГП” (см. Рис. 2).

Рисунок 2.

Карта пространственных кластеров ГП 2019 г.

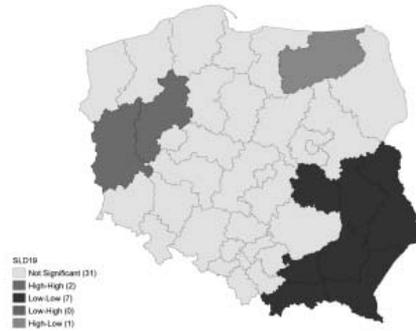
Pic. 2. Map of spatial clusters of GP 2019

На востоке относительно устойчивый, но постоянно уменьшающийся в предыдущие электоральные циклы, кластер низкого показателя голосования, сократился на выборах 2019 года еще значительно. В него не вошел граничащий с Варшавой Шедлиц, что, возможно, произошло под влиянием столицы, которая за последние четыре цикла голосования ни разу не вошла в данный кластер. Кластер высокого показателя голосования этой партии значительно уменьшился на последних выборах. В целом можно сделать вывод о том, что партия теряет свои лидерские позиции, получая в 2019 году 50% от результата 2011 года.

Кластер высокой пространственной автокорреляции низких показателей левой партии “СДЛС” располагается на территории Галиции и постепенно увеличивается, захватывая бывшие территории Российской империи (см. Рис. 3).

Рисунок 3.

Карта пространственных кластеров СДЛС 2019 г.

Pic. 3. SDLSspatialclustermap 2019

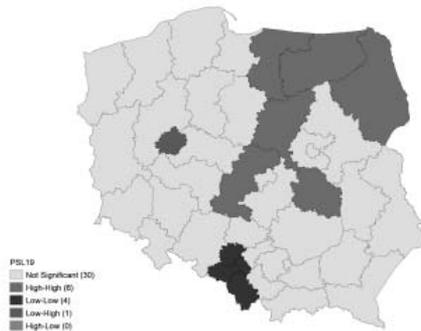
На выборах 2015 и 2019 года он продолжает расти. Можно предположить, что увеличение кластера связано с высоким влиянием традиционных “правых” территорий Галиции на территории Российской империей, на которых исторически не было развито электоральное участие.

На выборах 2019 года на границе с Россией в Варминско-Мазурском княжестве впервые наблюдаются высокие показатели голосования при статистическом ожидании низких. Чтобы ответить на вопрос, связан ли этот феномен с территориальной близостью к России, необходимо проследить динамику голосования в нескольких избирательных циклах.

В западной части кластер пространственной автокорреляции с высокими показателями постоянно меняет местоположение и закономерную зависимость между граничащими округами проследить сложно.

Рисунок 4.

Карта пространственных кластеров ПКП 2019 г.

Pic. 4. Map of spatial clusters of PCP 2019

ПКП имеет низкий индекс Морана, значительно уменьшившийся на выборах 2019 года (см. Рис. 4). Партию поддерживает стабильный кластер, находящийся на территории, входившей в Австрийскую империю. Существует также постоянно изменяющийся в последние четыре электоральных цикла кластер высокого показателя голосования. Он располагался преимущественно вдоль восточной границы Польши, но по результатам последних выборов сместился к центральной части страны и вдоль всей протяженности границы с Россией. Варшава, как и в случае с “ГП”, не подвергается зависимости от соседних округов и не входит в кластер. Напротив, в 2007 и 2011 гг. в Варшаве наблюдался более низкий статистический показатель автокорреляции, несмотря на то что ожидаем был более высокий.

Города в Польше, как правило, не входят в какие-либо кластеры, потому что в них представлены граждане разных политических взглядов. В сравнении с остальными избирательными округами, большое количество голосов крайне правой партии KORWiN отдаётся именно в городах. Сравнительно высокий процент голосов относительно остальных округов партия получает в таких городах как Варшава, Жешув, Краков, Бельско-Бяла, Катовице, Гливице, Вроцлав, Зеленая Гора, Гдыня, Гданьск (см. Рис. 5).

Рисунок 5.

Картограмма пространственного распределения голосов KORWiN 2019 г.

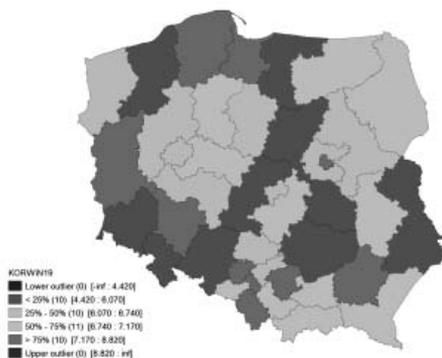

Fig. 5. 2019 KORWiN Spatial Voice Distribution Cartogram

Выводы

В ходе электорального исследования парламентских выборов в Польше было замечено, что некоторые избирательные округа образуют кластеры партий, сохраняющиеся в течение нескольких циклов. Однако индекс Морана по основным польским партиям, прошедшим в парламент, показывает тенденцию к сокращению пространственной зависимости.

Из этого следует первый вывод о том, что граничащие регионы имеют тенденцию к сокращению влияния на выбор друг друга.

Местности, где кластеры остаются неизменными или подвергаются незначительным изменениям, сохраняя образующие регионы в своем составе, преимущественно являются сельскими. Это можно объяснить более низкой электоральной культурой (в случае с бывшими территориями Российской империи) и культурно-идеологическими традициями (Галиция). Электорату сельской местности проще проголосовать, “как голосуют соседи”, и не изучать детально программы политических партий. Более развитые районы западной Польши имеют тенденцию к менее активной поддержке правых партий, так как в этой местности превалирует мода на либерализм. Города в Польше, как правило, не входят в какие-либо кластеры, потому что в них представлены граждане разных политических взглядов. Согласно установленным в исследовании данным, “ПиС” постепенно становится общегражданской партией, в то время как “ГП” трансформируется в региональную. Подтверждение этой гипотезе нашлось при анализе выборов в Сейм в 2019 году.

Некоторые кластеры остаются стабильными, некоторые – появляются эпизодически. Согласно проанализированным данным, существует общая тенденция к снижению пространственной автокорреляции, что говорит о снижении роли традиций в политической культуре граждан, а также о необходимости изменения политического курса и агитации электората, который, по всей вероятности, начал сильнее проявлять гражданскую позицию и склоняться на сторону умеренно-правых партий значительно, чем это было ранее.

Литература:

Ахременко А.С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросс-национальных сравнительных исследований // Полит. наука. 2009. № 1. С. 32-59.

Женгота К. Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ // Балт. рег. 2019. Т. 11, № 3. С. 125-141.

Марчиняк В. Электоральная география и выборы в Польше / VII заседание междисциплинарного семинара САЕ «Вызовы социального развития». 2018. Режим доступа: <https://social.hse.ru/news/212672030.html>

Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и целостность России // Полис. 2001. № 1. С. 73-93.

Петров Н.В. Электоральный ландшафт: географический и политологический // Полис. 2000. № 2. С. 107-110.

Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина И.И., 2018. 562 с.

Тарасов И.Н., Фидря Е.С. География электоральной волатильности в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши // Балт. рег. 2016. Т. 8, №4. С. 78-89.

Туровский Р.Ф. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования) // Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология. № 3'96 (17). С. 37-52.

Bialasiewicz, L. Back to Galicia Felix. In Hann, C.M. and Magocsi, P.R. (eds.): Galicia: a Multicultural Land. 2005, Toronto, pp. 160-184.

Jasiewicz, K. "The Past Is never Dead": Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // *East European Politics and Societies*, 2009, No. 23, pp. 491-508.

Kowalski, M. Geografia wyborcza Polski. Przestrzenne zróżnicowanie zachowań wyborczych Polaków w latach 1989-1998 (Poland's Electoral Geography. Spatial Diversity of Poles' Voting Behavior in 1989-1998) // *Geopolitical Studies*, 2000, Vol. 7, Warszawa.

Taylor, P.; Johnston R. The Geography of Elections. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

Zarycki, T. Nowak A. Hidden Dimensions: The Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland // *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, No. 33, pp. 331-354.

References:

Akhremenko, A.S. Prostranstvennyi elektoral'nyi analiz: kharakteristika metoda, vozmozhnosti krossnatsional'nykh sravnitel'nykh issledovaniy (Spatial Electoral Analysis: Characterization of the Method, Possibilities of Cross-National Comparative Studies) // Polit. nauka, 2009, No. 1, pp. 32-59.

Bialasiewicz, L. Back to Galicia Felix. In Hann, C.M. and Magocsi, P.R. (eds.): Galicia: a Multicultural Land. 2005, Toronto, pp. 160-184.

Jasiewicz, K. "The Past Is never Dead": Identity, Class, and Voting Behavior in Contemporary Poland // *East European Politics and Societies*, 2009, No. 23, pp. 491-508.

Kowalski, M. Geografia wyborcza Polski. Przestrzenne zróżnicowanie zachowań wyborczych Polaków w latach 1989-1998 (Poland's Electoral Geography. Spatial Diversity

of Poles' Voting Behavior in 1989-1998) // *Geopolitical Studies*, 2000, Vol. 7, Warszawa.

Marchiniak, V. Elektoral'naia geografia i wybory v Pol'she (Electoral Geography and Elections in Poland. VII meeting of the interdisciplinary seminar "Challenges of Social Development"). Mode of access: <https://social.hse.ru/news/212672030.html>

Oreshkin, D.B. Geografiiaelektoral'noikul'turyitselostnost' Rossii (The Geography of Electoral Culture and the Integrity of Russia) // Polis, 2001, No. 1, pp. 73-93.

Petrov, N.V. Elektoral'nyi landshaft: geograficheskii i politologicheskii (Electoral Landscape: Geographical and Political) // Polis, 2000, No. 2, pp. 107-110.

Rossiiskoe pogranich'e: vyzovy sosedstva (Russian Borderland: Neighborhood Challenges) / pod red. V.A. Kolosova. Moscow: IP Matushkina I.I., 2018. 562 p.

Tarasov, I.N., Fidria, E.S. Geografia elektoral'noi volatil'nosti v Varmin'sko-Mazurskom voevodstve Pol'shi (Geography of Electoral Volatility in the Warmia and Mazury Voivodeship of Poland) // *Balt. reg.*, 2016, Vol. 8, No. 4, pp. 78-89.

Taylor, P.; Johnston R. The Geography of Elections. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

Turovskii, R.F. Politicheskoe rassloenie rossiiskikh regionov (istoriia i faktory formirovaniia) (Political Stratification of Russian Regions (History and Formation Factors)) // Partiino-politicheskie elity i elektoral'nye protsessy v Rossii. Krugly stol biznesa Rossii. Analiticheskie obozreniia Tsentra kompleksnykh sotsial'nykh issledovaniy i marketinga. Serii: politologiya. No. 3'96 (17), pp. 37-52.

Zarycki, T. Nowak A. Hidden Dimensions: The Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland // *Communist and Post-Communist Studies*, 2000, No. 33, pp. 331-354.

Zhengota, K. Pol'sko-rossiiskie otnosheniia v programmakh vybrannykh pravykh politicheskikh partii v Pol'she. Kolichestvennyi i kachestvennyi analiz (Polish-Russian Relations as Reflected in the Programmes of Right-Wing Political Parties in Poland: a Quantitative and Qualitative Analysis) // *Balt. Reg.*, 2019, Vol. 11, No. 3, pp. 125-141.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10011

REGIONAL DISPARITIES OF ELECTORAL BEHAVIOUR IN POLAND: COMPARATIVE SPATIAL ANALYSIS

Igor Yu. Okunev
MGIMO University,
Moscow, Russia

Julia S. Gorelova
MGIMO University,
Moscow, Russia

Ekaterina E. Gruzdeva
MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: This article refers to the topic of parliamentary elections in Poland. The authors maintain the hypothesis that more and less stable regional clusters of electoral behavior, which undergo some changes over time, exist in Poland. The study traces a pattern between the formation of regional clusters and a number of factors, such as their proximity to the borders of other states, ideological orientation of the party programs, the traditions of political culture that have developed in the regions and the division of regions into urban and rural. The study uses Moran's index to describe the neighborhood effect. Local clusters of spatial association were calculated by means of local Moran's index. Maps of cluster locations were constructed on the basis of the results of the 2007-2019 parliamentary elections. This allowed us to consider their spatial changes in perspective. The novelty of the work consists in use of the mathematical method of spatial autocorrelation in electoral study and consideration of the results both from the point of view of the percentage ratio and neighborhood index. It was concluded that some regional clusters remain stable throughout four electoral cycles, however, they undergo minor changes. Most of these clusters are located in rural areas. As a rule, cities are not included in stable clusters, they form separate centers, distinguished by the variety of the electoral preferences of citizens. The four analyzed electoral cycles show a tendency of reduction of the spatial dependence between the results of voting in constituencies and stability of regional clusters in Poland.</p> <p><i>Acknowledgements: the study was carried out in the framework of the Russian Science Foundation grant No. 19-78-10004 "Transformations of electoral behavior in the regions of foreign countries bordering on the Russian Federation: a comparative spatial analysis"</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Igor Yu. Okunev</i>, Candidate of Political Science, Professorial Research Fellow, Director at the Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: iokunev@mgimo.ru</p> <p><i>Julia S. Gorelova</i>, Intern Researcher at the Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: g.julis@mail.ru</p> <p><i>Ekaterina E. Gruzdeva</i>, Intern Researcher at the Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: gruzdeva.ekaterina@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>Moran's index; regional clusters; spatial autocorrelation; electoral research; Poland; parliamentary elections; electoral behaviour</p>	

Для цитирования: Окунев И.Ю., Горелова Ю.С., Груздева Е.Е. Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 149-160.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10011

For citation: Okunev, Igor Yu.; Gorelova, Julia S.; Gruzdeva, Ekaterina E. Regional'nyye osobennosti elektoral'nogo povedeniya v Pol'she: opyt sravnitel'nogo prostranstvennogo analiza (Regional Disparities of Electoral Behaviour in Poland: Comparative Spatial Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 149-160.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10011

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10012

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ГИБРИДНАЯ ВЛАСТЬ В ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Рецензия на книгу:
Graz, J.-C. The Power of Standards.
Hybrid Authority and the Globalisation of Services.
Cambridge University Press, 2019. 268 p .

Никита Олегович Юдин

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 20 августа 2020</p> <p>Принята к печати: 4 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Рецензия на книгу: Graz, J.-C.. The Power of Standards. Hybrid Authority and the Globalisation of Services. Cambridge University Press, 2019. 268 p.</p>
<p>Об авторе: аспирант, кафедра мировых политических процессов; эксперт, Отдел диссертационных процессов, МГИМО МИД России</p> <p>e-mail: yudin.n.o@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: ТНК; гибридная власть; глобальное управление; стандарты; бизнес-процесс; либерализм; капитализм; суверенитет</p>	

В современной международной системе, особенно после окончания холодной войны, частные субъекты и транснациональные рыночные силы стали доминировать в условиях глобализации либерализма. Суверенное государство уступило и продолжает уступать свои некогда суверенные владения в основном частным субъектам, и возникли новые негосударственные частные субъекты, чтобы бросить вызов господству субъектов частного рынка. Границы государственной власти оспариваются по крайней мере тремя основными формами возникающих частных властей, включая рыночный авторитет, моральный авторитет и незаконный авторитет. Примеры институциональной рыночной власти включают установление стандартов *Open Source Initiative* и множество стандартов и нормативных условий, определенных корпоративными неправительственными

организациями (НПО) и сетями транснациональных корпораций (ТНК). Новое транснациональное гражданское общество формирует очаг транснационального давления с целью защиты и отстаивания интересов тех, кто находится в невыгодном положении, лишен гражданских прав или маргинализован в результате процесса экономической глобализации и транснационального принятия решений¹. Появление транснациональных организаций гражданского общества (ОГО) и сетей неправительственных субъектов, чтобы взять на себя огромную власть ТНК и их правительственных союзников, является долгожданным событием в продолжающемся росте негосударственных

¹ Hall, R.B. Private Authority: Non-State Actors and Global Governance // *Harvard International Review*, 2005, Vol. 27, No. 2, pp. 66-70.

субъектов в глобальном управлении. ТНК являются основным субъектом хозяйственных взаимоотношений в мире, осуществляя, в большинстве своем, все разновидности международных коммерческих операций.

Ученые и критики часто сетуют на то, что корпорации правят миром, но преобладающие мнения о глобальном управлении подразумевают почти противоположное: с теориями, выдвинутыми национальными правительствами, межправительственными и неправительственными организациями, может показаться, что почти все, кроме корпораций, пишут правила, регулирующие границы. В данной книге Грацом исследуются различные способы, которыми транснациональные корпорации формировали глобальное управление, с привлечением внимания к контурам и ограничениям корпоративной власти². Корпорации могут рассматриваться по-разному как спонсоры, ингибиторы и прямые поставщики глобального управления. К примеру, они высупали в роли спонсоров неолиберальных торговых правил, ингибиторов некоторых трудовых и экологических режимов, а также поставщиков частных стандартов в области финансов, безопасности, устойчивости и прав человека. У многих исследователей может возникнуть соблазн сосредоточиться только на одной из этих ролей или предположить объединенное корпоративное доминирование, но важно бороться со всеми тремя и исследовать условия, при которых корпоративные действия являются более или менее унифицированными и решающими.

Данная масштабность привела к тому, что интенсивность государственного влияния на мировой производственный экономический сегмент постепенно сокращается, ведущая роль переходит к корпоративному сектору, который в диалоге о стратегии промышленного национального развития занимает определяющую позицию³. В результате

происходит поступательное разделение общих и частных (специфических) функций управления, т.е. разграничение и отдаление характеристик деятельности госслужащего и частного менеджера. Также данный процесс активно способствует вовлечению представителей бизнеса в политическую сферу. Это проявляется в огромном влиянии крупных международных компаний на экономическое развитие, финансовую, налоговую, банковскую сферы значительного ряда стран, а в конечном итоге, на всю мировую систему. Экономическое господство позволяет бизнесу формировать мировую политическую стратегию, зачастую в ущерб национальным интересам, снижая тем самым государственный суверенитет.

Значение и уровень воздействия ТНК на внешнеполитическую деятельность страны необходимо оценивать в контексте тех масштабных изменений, которые происходят в международном политическом мире. Она зависит от большого количества факторов и условий, пренебрегать которыми нельзя. Одним из определяющих является процесс превращения мира в единую глобальную систему. При таких обстоятельствах страна не может осуществлять традиционно сложившуюся политическую деятельность. Все большее значение имеют международные образования государственного и негосударственного типа, транснациональные корпорации, образованные в процессе интеграции и выступающие в качестве главных акторов мировой политики. Грац анализирует ТНК в двух аспектах – в качестве рычага для проведения своей политики странами-лидерами на международном уровне, а также как участника международного сотрудничества, в индивидуальном плане оказывающего воздействие на формирование политической стратегии отдельных государств. Как правило, наиболее часто им присуща первая функция.

В этом случае те финансовые средства, которые вкладываются корпорацией в экономику развивающихся стран, увеличение ее влияния на территории этих держав, являются главным рычагом подчинения высококоразвитыми государствами (как в экономике, так и в политике) развивающихся стран.

² Graz, J.-C. *The Power of Standards: Hybrid Authority and the Globalisation of Services*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 268 p.

³ Bartley, T. *Transnational Corporations and Global Governance // Annual Review of Sociology*, 2018, Vol. 44, No. 11, pp. 145-165.

Иностранные инвестиции для них являются своеобразной кабалой, которая заставляет подчиняться воле инвестора, лишает их национальной независимости, возможности проводить свой политический курс. Внедрение и расширение иностранного капитала в экономическом секторе формирует олигархию, имеющую решающее слово при осуществлении внутренней и внешней политики этого государства. В данном случае утверждается тот факт, что транснациональная корпорация имеет возможности воздействовать как на государственный управленческий аппарат, так и на отдельных личностей, от которых зависит принятие важных и кардинальных решений.

По моему мнению, было бы нерационально сводить гибридную силу стандартов в глобальной политической экономике к неоднозначным критериям, придающим полномочия их трансграничным усилиям по созданию и регулированию рынков. Новые формы коллективных действий и международного авторитета, а также более широкое и разрозненное влияние негосударственных субъектов на мировой арене следует рассматривать как многомерное явление, имеющее множество материальных и символических аспектов. Ответ на вопрос о том, кто что стандартизирует и где, предполагает понимание того, как неопределенность наделяет властью новых участников и новые проблемы в суверенных пространствах. В своих ранних исследованиях по отступлению от государства Сьюзен Стрейндж предположила, что «между двумя крайностями негосударственных властей, приветствуемых и противостоящих штатам, лежат определенные негосударственные органы власти, отношение которых к правительствам является переменным или неоднозначным»⁴. В своих заключительных замечаниях она общеизвестно отождествила появление негосударственных субъектов на арене глобальной политики с проблемой Пиноккио: в недоумении, когда его поймают без каких-либо дополнительных указаний, чтобы направлять его. Отсутствие четкого опре-

деления негосударственных субъектов в мировой политике привело, по ее словам, к «ветхому собранию конфликтующих источников власти», из-за чего особенно трудно решить, «где лежат верность, лояльность, идентичность»⁵. По словам Катлера, именно эти конфликтующие источники власти создают новую форму частной власти в международных делах. Катлер подчеркивает, в частности, политическую значимость правовых доктрин, которые искажают статус субъекта права: «последствия того, что корпорации и отдельные лица рассматриваются как объекты, а не субъекты, вызывают глубокую обеспокоенность эмпирически и нормативно... Хотя транснациональные корпорации и ассоциации частного бизнеса могут объекты права (де-юре), они фактически действуют как субъекты (де-факто)»⁶. Анализ с точки зрения частного международного авторитета пролил свет на круг участников, которые получили авторитет в международном контексте, который традиционно лишал их этой привилегии. Они проложили путь к углубленным исследованиям фирм и межфирменному сотрудничеству, ведущему к политическим ролям для субъектов, традиционно связанных с частной сферой экономических транзакций. Они также подняли тревожные нормативные последствия полномочий, направленных на максимизацию прироста капитала и сокрытие инструментов, служащих этим целям. Тем не менее, ориентированный на сотрудничество фирм через границы, данный подход по-прежнему в основном касается подгруппы действующих лиц.

Большая часть книги посвящена тому, кто управляет мировой экономикой с помощью частных инструментов регулирования: от технического саморегулирования до корпоративной социальной ответственности, норм окружающей среды и трудовых стандартов и финансовых и бухгалтерских правил. Здесь могут быть резкие разногласия в отношении значения, приписываемого вы-

⁵ Ibid.

⁶ Cutler, A.C. *Private Power and Global Authority: Transnational Merchant Law in the Global Political Economy* (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge University Press, 2003. 328 p.

⁴ Strange, S. *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 240 p.

дающимся негосударственным субъектам, по-разному понимаемым как поставщики частных стандартов, компенсирующие неспособность правительств выполнять такие задачи, или как влиятельные корпоративные субъекты, определяющие результаты регулирования в пользу финансирования глобального капитализма. С акцентом на добровольных стандартах как привилегированных инструментах механизмов глобального управления, расположенных где-то между этими двумя полюсами государственной и частной власти, исследование Граца направлено не только на способность частных субъектов и организаций гражданского общества формировать глобальное регулирование через границы. Два других аспекта играют ключевую роль в реконфигурации глобального капитализма: один – это объем практик, вовлеченных в стандартизацию, а другой – реконфигурирование пространственной структуры, в которой эти практики распознаются и реализуются до такой степени, что соответствие можно предположить на транснациональной основе.

Для определения характера и последствий распространения гибридной власти через границы в более широком контексте Грац рассматривает три отдельные категории: субъекты, обладающие властью, соответствующие объекты и пространство их развертывания. Например, через международные стандарты, установленные ISO, а также через стандарты, предоставляемые некоммерческим органом ASTM International (первоначально известным как Американское общество по испытаниям и материалам), которые привлекают многочисленных технических экспертов и национальных делегатов, играющих роль новых участников в зарождающейся технической дипломатии мира. Те же эксперты и исследователи определяют природу соответствующих объектов (от основных моментов до устойчивых инноваций и социальной ответственности) и пространственную структуру, в которой они проявляют свою власть (в национальном, региональном или глобальном масштабе). Суть здесь состоит в том, чтобы предположить, что двусмысленность определяет не только статус участников, вовлеченных в

стандартизацию и регулирование, но также и объем рассматриваемых вопросов и пространство, в котором признается такой авторитет. Данную нетрадиционную форму власти Грац называет транснациональной гибридной властью, то есть формой власти, основанной на неоднозначном сопоставлении примеров власти, трансформирующих отношения между транснациональным капитализмом и территориальным суверенитетом. В книге указаны те неоднозначные категории, которые наделяют властью новых участников и создают новые проблемы в суверенных пространствах. Для Граца транснациональная гибридная власть определяется каждым из трех измерений: акторы, объекты и пространство.

Стандарты часто остаются незамеченными, но они играют фундаментальную роль в организации современного капитализма и общества в целом. Какую форму власти они воплощают? Почему они стали такими выдающимися? Грац опирается на международную политическую экономию и смежные области, чтобы представить убедительные теоретические аргументы, убедительные исследования и удивительные доказательства роли стандартов в глобальном расширении услуг, с углубленным изучением их институциональной среды и случаев, включая страховую отрасль, бизнес-процессы и аутсорсинг. Сила стандартов напоминает форму транснациональной гибридной власти, в которой двусмысленность следует рассматривать как общий атрибут, определяющий не только статус государственных и частных субъектов, участвующих в стандартизации и регулировании, но также объем рассматриваемых вопросов и пространство в какие-то полномочия признаются при соблюдении стандартов. Данное исследование Граца вносит значительный вклад в изучение глобального управления. Он отслеживает «силу стандартов» и ее связь с «гибридной властью». Избегая упрощений, в книге подчеркивается общая двусмысленность стандартов, определяющих статус государственных и частных субъектов, проблемы и пространства глобального управления, которые в свою очередь переопределяют стандарты.

Автор делает это, переходя от всеобъемлющего анализа торговли услугами к анализу страховой отрасли и аутсорсинга бизнес-процессов. Грац предлагает эмпирически обоснованное взаимодействие с вопросами о том, кто, как и с какими последствиями управляет в современном мире. Стандартизация, происходящая из мира инженеров и производственных компаний, в настоящее время также применяется для услуг и сложных технических и социальных систем. Её возрастающее значение для формирования бизнеса и общества бросает вызов роли правительств. «Сила стандартов» – это актуальное и полезное исследование для всех, кто интересуется функционированием транснационального регулирования, гибридной власти и современных пространств глобализации. Делая акцент на сферу услуг, Грац дает глубокие теоретические размышления о том, как неоднозначность придает власть суверенным пространствам, и, таким образом, освещает ключевые дебаты в современных международных отношениях и международной политической экономике.

Исходя из соображений Граца по деятельности гибридной власти можно сделать вывод, что повсеместное влияние стандартов основывается на неоднозначном измерении нетрадиционных форм власти. В то время как ряд ученых в области международных отношений и социальных наук используют концепцию гибрида для характеристики таких трансформаций власти в мировой политике и моделей регулирования, то такое использование обычно остается на втором месте, подчеркивая рост частных субъектов и стандартов, а также неувловимое сочетание противоречивой логики работы в конфигурации власти. В данном контексте идея гибрида может поддерживать плохо определенную глобальную политику управления, которая позволяет осуществлять власть в широких областях без полного присвоения суверенитета. Концепция транснациональной гибридной власти описывает такое неоднозначное сопоставление случаев власти, которые наделяют властью новых участников и новые проблемы в суверенных пространствах, даже когда они трансформируют

отношения между транснациональным капитализмом и территориальным суверенитетом. Объединив новый круг вовлеченных государственных и негосударственных субъектов, объем вопросов, над которыми они работают, и пространство, через которое их авторитет может быть признан, трехмерная аналитическая основа Граца включает все три категории субъектов, объектов и пространства власти. Этот подход представляет собой всеобъемлющий анализ глобального управления и широкого спектра инструментов, которые он передает.

Книга предоставляет достаточные и разнообразные доказательства того, как неоднозначность может оказать поддержку транснациональному гибриднему авторитету стандартов. Международные стандарты, несомненно, используются в качестве движущих сил для расширения сферы и дисциплины саморегулирования рынка. Однако в принципе нет оснований полагать, что их нельзя использовать в качестве альтернативных инструментов для встраивания рынков в общество. Направление, в котором будет изменяться баланс, зависит, по большей части, от степени, в которой общество справедливо, существенно и тщательно включено в процессы стандартизации. Тем не менее, недавние исследования по органическим стандартам показывают, что многие из них продолжают деполитизировать такие социальные споры и не имеют международного признания. Это подводит нас к самому важному и тонкому моменту: сила стандартов определяется как умение использовать их для создания новых геополитических рычагов влияния, а не как способность к твердолобой тактике проталкивания на мировом уровне в целом неэффективных формальностей.

References:

- Bartley, T.* Transnational Corporations and Global Governance // *Annual Review of Sociology*, 2018, Vol. 44, No. 11, pp. 145-165.
- Cutler, A.C.* Private Power and Global Authority: Transnational Merchant Law in the Global Political Economy (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge University Press, 2003. 328 p.
- Graz, J.-C.* The Power of Standards: Hybrid Authority and the Globalisation of Services. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 268 p.

Hall, R.B. Private Authority: Non-State Actors and Global Governance // *Harvard International Review*, 2005, Vol. 27, No. 2, pp. 66-70.

Strange, S. The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 240 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10012

TRANSNATIONAL HYBRID POWER IN GLOBAL GOVERNANCE

Nikita O. Yudin

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 20.08.2020 <i>Accepted:</i> 04.09.2020	Abstract: Review of the book: Graz, J.-C. The Power of Standards. Hybrid Authority and the Globalization of Services. Cambridge University Press, 2019. 268 p.
About the author: Postgraduate Student, Department of World Politics; Expert, Dissertation Council Department, MGIMO University e-mail: yudin.n.o@my.mgimo.ru	
TNC; hybrid power; global governance; standards; business process; liberalism; capitalism; sovereignty	

Для цитирования: Юдин Н.О. Транснациональная гибридная власть в глобальном управлении // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 161-166.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10012

For citation: Yudin, Nikita O. Transnatsional'naya gibridnaya vlast' v global'nom upravlenii (Transnational Hybrid Power in Global Governance) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 161-166.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10012

THE END OF PAX AMERICANA AND THE RISE OF MULTIPOLARITY

Book Review:
Savin, Leonid. Ordo Pluriversalis. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. Black House Publishing Ltd, 2020

Andrew Korybko

*Independent Researcher, MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Received:</i> 19.08.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.09.2020</p>	<p>Abstract: The world is in the midst of a systemic transition from unipolarity to multipolarity, which has prompted many experts to think deeply about the future of the international order. Leonid Savin, a leading figure of the International Eurasian Movement, is one such expert. His latest book, «Ordo Pluriversalis: The End Of Pax Americana And The Rise Of Multipolarity», covers a wide range of topics in arguing that the coming world order will be a post-liberal one characterized by civilizations acting similar to how nation-states presently do in the current order. Savin reveals how a rich diversity of social, political, religious, legal, and other systems have survived the brief period of American-led liberal unipolarity, which will lay the basis for the coming reorganization of international (or it should be said, inter-civilizational) relations. Intriguingly, since one of the foundations of this worldview is that these various systems will become more prominent in the wake of America's decline, he also attempts to incorporate many social theories into the field of political science to account for the increasingly complex nature of inter-entity relations. Savin's work is therefore practical but also highly theoretical, though this review simplifies the gist of his ideas by focusing only on the most important ones which contribute to his conclusion of nation-state-like civilization-level actors becoming a subject in global affairs.</p>
<p>About the author: American-Polish independent researcher at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)</p> <p>e-mail: korybko.e@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: unipolarity; multipolarity; polycentricity; Eurasianism; civilizations; geopolitics; Russia; US; Huntington; Dugin</p>	

Leonid Savin is a Russian expert on multipolarity, editor of the Geopolitica.ru think tank, and a thinker of the International Eurasian Movement. His latest book, “Ordo Pluriversalis: The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity”, is his ambitious attempt to prove the demise of both the American-led unipolar world order and its attendant liberal-globalist model of planetary management. In its place, he argues, is an emerging multipolar world order characterized by a collection of civilizations behaving as international actors just like nation-states presently do. His work is extensive and touches upon a wide array of topics that are all connected to these four points but divided into thirteen very diverse chapters that altogether advance his core arguments.

The first one, The Collapse of Unipolarity and the Crisis of World Politics, cites many

Western experts’ own assessments that the era of the US’ international supremacy is over. Savin attributes this to a combination of factors ranging from disagreements between its ruling Democrat and Republican factions over multilateral and unilateral strategies respectively (epitomized by the sometimes radical policy divergences between Obama and Trump) to the Iraq War and 2008 Financial Crisis. He quotes Charles Krauthammer’s view that the primary reason was the “lack of clear elite consensus” which challenged unipolarity “from within” (p. 43) but then notes that it’s also being much more actively challenged “from without” by Russia, China, Iran, North Korea, and others (p. 44). In any case, the resultant structural changes, which include moving towards new poles of influence and even network-centric relations being political actors (p. 31),

compelled the US to seek what he calls an “exit strategy” (p. 32). Savin cites Gerard Gallucci, who describes this as “America fall[ing] back to its default setting relying on a panoply of military and intelligence approaches.”

The second chapter concerns Multipolarity in the Context of International Standards, where Savin covers a lot of topics related to this concept. He observes how “there is no clear criteria for multipolarity” (p. 43) before suggesting that the best approach is to consider various poles. This part of his book elaborates on different theories such as cluster multipolarity (pp. 50-51), balanced multipolarity (p. 52), and unbalanced multipolarity (p. 52). Importantly, the author challenges the widely held notion that multipolarity defined the pre-World War I and interwar international systems by reminding the reader that the existence of colonies denied independent agency to most of the planet. Moreover, “the international regimes existing then bore an exclusively Western European character...(so) speaking of genuine, global multipolarity in regards to this period is impossible” (p. 64). Instead, Savin marks the post-World War II period as the precursor of multipolarity because of decolonization and the emergence of many regional organizations, including trans-regional ones such as the Non-Aligned Movement (pp. 65-68).

Crises act as catalysts for multipolarity (p. 68), so he regards the 1997 Asian financial crisis, 1999 NATO war on Yugoslavia (p. 70), and 2003 Iraq War as important milestones that raised interest in this concept as a natural response to unipolarity, which he also notes was articulated by President Putin during his famous 2007 Munich speech (p. 73). The Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World was also a crucial moment in this respect (p. 65), the reverberations of which are acutely felt in the present day after both countries came under intense American pressure in recent years and thus decided to intensify their partnership even more than before. For multipolarity to truly come to fruition, however, this will require “a new ideological foundation differing from the dogmas of neoliberalism and capitalism” as well as “the construction of a non-contradictory, logical system that can be competently and adequately applied in practice

with adjustments for regional specificities and differences” (p. 84).

The third chapter about Non-Western Approaches To Multipolarity deals with precisely that. Savin describes the Chinese (pp. 85-92), Indian (pp. 104-109), Iranian (pp. 109-114), and Latin American approaches (pp. 114-121), but particular attention is naturally paid to the Russian one (pp. 92-104). He relies on Russia’s foreign policy concepts to trace the evolution of its approach, giving credit where it’s due by noting the paramount influence of the late Yevgeny Primakov on this process (pp. 99-100). He also places immense importance on the Neo-Eurasianism of Alexander Dugin (pp. 100-101), which he quotes him describing as “a philosophy of multipolar globalization designed to unite all the societies and peoples of the earth in the construction of a unique and authentic world, every component of which would be organically derived from historical traditions and local cultures.” This understanding clearly arose out of the social sciences, hence why Savin devotes considerable time to studying them later on in his book.

Before doing so, however, he spends the next chapter discussing Polycentricity and Pluriversality, which frame everything that then follows. In his words, “polycentric” suggests some kind of spatial unit with several centers. However, the term does not specify what kind of centers are in question, hence the obvious need to review various concepts and starting points”, which he then does (p. 126). He concludes that, “besides the aspect of deep interdependence” (p. 130), “the polycentricity of the early 21st century” includes “(1) a military-diplomatic dimension of global politics with the evolution of quickly developing giant states; (2) an economic dimension with the growing role of transnational actors; (3) global demographic shifts; (4) a specific space representing a domain of symbols, ideals, and cultural codes and their deconstructions; and (5) a geopolitical and geo-economic level” (p. 131). As for pluriversality, which also “challenges the totality of liberal universality” (p. 132), this “entail[s] multiple ontologies, or multiple worlds, which are supposed to be known, not simply seen as multiple perspectives on one world” (p. 138).

Altogether, the acceptance of polycentricity and pluriversality enables the reader to better understand the rich diversity of the world's past and present legal systems, understanding of security and sovereignty, economic models, religions, ethnoi, people, and nations that form the foundation for Savin's civilization-driven concept of multipolarity.

Chapter five is a crucial one since it deals with Deconstructing the West, the starting of point of which is "the formulation of a number of alternatives, such as: a non-West; an Anti-West; a New West; and the East (and North and South) as a spatial, ideological concept" (p. 149). He advises, however, that "even the most brilliant critiques of the West produced from within must be considered with extreme caution" because "the 'external' designation of the West cannot be regarded as 100% established" and "the method of deconstruction employable as an analytical tool itself originated in the West and is associated with post-modern models" (149-150). According to the author, "this can hinder the revelation of the potential of non-Western thinking through its imposition of the general trend of Western style post-colonial studies, which continue to operate with European rationality, or through applying post-modernist deconstruction to traditional societies (including through the use of new technologies and media)." Keeping all of this in mind, one can more effectively deconstruct the West in order to discover the many non-Western dimensions of the emerging world order.

The preceding five chapters from the sixth up to the eleventh concern the earlier mentioned topics of Law and Justice; Security and Sovereignty; Economics and Religion; Power and the State; and Ethnoi, Peoples, and Nations. They're very descriptive and cover subjects as diverse as traditional Andean cultures (pp. 196-205); the Ukrainian Crisis (p. 224); Islamic economics (pp. 269-274); "case studies in the formation of power structures in the US, Russia, and Iran" (pp. 308-319); and "the creolization or hybridization of culture" (p. 327), "ethnoconstructivism" (p. 329), and Arab, Iranian, and Indian nationalisms (pp. 343-352) as a few of the most interesting things related to each chapter's theme. Savin makes many insightful points throughout this

very large part of his book, only a few of which will now be highlighted in this review given its limited scope in order to give the reader a better idea of the thoughts that he elaborated upon.

On the topic of Security and Sovereignty, he concludes that "Insofar as there is no single unambiguous interpretation of the concept of security or other notions related to it, there can be no single model for international relations. It follows that there can be no single political system claiming universal recognition... Accordingly, speaking of any possibility of developing a single standard that could encompass the national interests of existing states and their security strategies and concepts is impossible. Instead, a more appropriate view is one that appreciates the coexistence and coevolution of multiple geopolitical systems with their own approaches to security and sovereignty and a system of mutual deterrent mechanisms which suits the concept of a polycentric world order" (pp. 226-227). As for Power and the State, Savin argues that "The supreme art of managing a state inhabited by different ethnoi rests in creating an organic symbiosis which maintains a balance of forces that suits all sides" (p. 303). Nevertheless, he asks the reader to remember "one last important remark. For the majority of states in the world, the term 'nation' is of foreign origin. Western Europe, where 'the nation' and 'nationalism' ultimately took shape out of Hellenistic philosophy and Roman law, is in geographical terms but a small peninsula of Eurasia. But over the past several centuries, the whole world has come to internalize this small peninsula's narrative" (p. 354).

All of this and more enables the reader to better understand the concepts Savin introduces in his last three chapters about Strategic Culture and Civilizations, Forming an Alternative, and Multipolar Praxis. The first-mentioned, which is chapter eleven, concerns what he calls "inmost strategic culture". He defines this as "point[ing] to the deepest and innermost elements of state strategy associated with the ethnic and ideological systems of peoples", which he considers to be a specific form of a state's strategic culture that's "something larger than military-political thinking, defense planning, or the use of armed force" like that word is usually

associated with (pp. 355-356). Elaborating on this, he writes that “If we attempt to overcome the American view on strategic culture, which is focused on questions of organizing war and handling conflict-related decisions, then, arriving at the deeper level of ‘inmost strategic culture’, we can ‘spin’ the potential for conflict in a positive direction, avoid mistakes, misunderstanding, and bias, and act according to the principle of ‘win-win’, not a zero-sum game” (p. 357). This train of thought is closely connected to ethnopsychology, the interest in which “rose dramatically during the Second World War” after “impetus was given to the instrumentalization of ethnographical and anthropological studies to serve military and political strategy” (p. 359).

Afterwards, Savin introduces the reader to the topic of civilizations, which brings together everything that they’ve learned up until this point about the past and present diversity of the world then places it within the framework that he believes is most relevant for understanding the ongoing global systemic transition from the American liberal-globalist model of unipolarity to the emerging multipolar world order. He addresses the different definitions of this term, as well as how it was conceptualized and acted upon in the historical context of Western politics (pp. 365-369). His metahistorical analysis of this subject critiques Spengler, Toynbee, Braudel, and Koneczny (pp. 369-378). Particular attention should be paid to his observation that “Jaspers’ concern for the West is shared by modern authors who define the present traumatic shifts in the world political system as signs of a new transformation of Axial Time. For the latter, the main question is whether this directly represents a sign of the collapse of Western civilization and how such will affect other civilizations” (p. 380). Considering the relevance of this question, Savin then moves along to discussing “theories of civilizations in the context of post-modernity and globalization” in order to help arrive at an answer (p. 380). It’s here where he elaborates more on “The Russian-Eurasian Civilizational School”, which is of the utmost importance to understanding his book’s vision of the future (pp. 385-391).

To concisely summarize, “Danilevsky proposed to define civilizations as culturo-

historical types, and identified five laws of their development” (p. 386), while Leontiev “considered religion to be the backbone of civilization, without which a civilization is vulnerable to collapse or absorption by a different civilization” (pp. 386-387). Mechnikov, meanwhile, “rejected the concept of linear time, according to which the development of societies proceeds along a straight line, and instead pointed to the complexity of clear classifications, insofar as the subjective sympathies of a scholar and various contingencies make any assessment contradictory, unproven, and arbitrary” (p. 387). Concerning Chkeidze, he “put forth the notion of ‘pan-regions’”, which “is attributed to Karl Haushofer, but Chkeidze proposed such a model somewhat earlier” (p. 389). Savin also writes that “he observed parallel processes in world politics: (1) the differentiation of state autonomy, religion, race, and economics along various lines; and (2) the integration of a new type, that of a union of nations into a ‘continental-state’” (389). As for Sorokin, he assessed that “Western society or ‘civilization’ is not homogenous” (p. 390). He also “proposed a theory according to which there exist ideational, idealistic, and sensate systems” which “manifest themselves in art, science, ethics, philosophy, and systems of law and religion” (p. 390). Sorokin believed that “In antiquity things were better, and now they are worse”, which is why he “call[ed] for a radical conservative revolution” (p. 390).

On the topic of global geopolitics and etymology, Savin points out that “Samuel Huntington was the first author to politicize the concept of civilizations by introducing it into the context of geopolitical confrontation. In our view, although Huntington’s definition of civilization clearly bears a certain ethno-sociological shade, it most closely of all conveys the idea that socio-political formations can be taken as definite centers of power insisting on common interests and values in international relations” (p. 391). For this reason, “It is no coincidence that Alexander Dugin, in his study *The Theory of the Multipolar World*, points to Huntington as the author who came closest of all (although not close enough) to conceptualizing what might be considered a ‘pole’ in the new system of international relations. Civilization

can therefore be called a collective community, united by a belonging to the same spiritual, historical, cultural, mental, and symbolic tradition whose members recognize their closeness to one another independent of national, class, political, and ideological affiliations. However, in order to fulfill the conditions necessary to function as a center of strength, common geopolitical conditions are also needed, a point which has been suggested by Russian scholars” (p. 392).

Therein lays the relevance of Savitsky’s concept of “mestorazvitie (‘place-development’, topogenesis)”, which “explain[s] the totality of geographical, ethnic, economic, historical, and other peculiarities that compose a single whole. This neologism very organically conveys the interrelationship between landscape, culture, and peoples in the broadest possible sense. It is no coincidence that this term was later developed and interpreted by Lev Gumilev in his work *Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth*. In describing the legal and political framework of such, we inevitably arrive at the concept of large spaces (Grossraum) of the German jurist and geopolitician Carl Schmitt” (p. 392). This insight allows the reader to better understand the subject of Savin’s twelfth chapter about Forming an Alternative which, while touching upon neopluralism (pp. 404-407) and synthesis theory (pp. 407-409), focuses mostly on non-Western theories of International Relations such as the Chinese (pp. 410-413), Indian (p. 413), and Islamic (pp. 413-414) ones. He writes about the need for sustainable politics and remarks that “In the present situation, the abandonment of identity and the neglect of selfhood are leading to the weakening of the life forces of peoples to an even greater extent than happened under Modernity. The state is becoming vulnerable not only to Western liberal hegemony, but all sorts and forms of ideological simulacra and political derivatives... Perhaps the main question on this matter remains how to correctly institutionalize the relevant political mechanisms in different societies for arriving at genuinely sustainable politics through consensus” (p. 423).

The answer, as Savin posits, is Dugin’s interpretation of Heidegger’s *Dasein* and his own Fourth Political Theory. The former is the subject of the latter and described as “being-

there”, “human reality” (p. 424), or “thinking presence” that “determines a given civilization’s Logos” (p. 425). This term and others of Heidegger’s are important to consider in the context of civilizations since “[his] ideas harbor a message which is relevant to the creation of a counter-liberal project that can be realized in the most diverse forms”, which perfectly dovetails with the purpose of the Fourth Political Theory (p. 425). Dugin’s concept isn’t as complex as Heidegger’s and can be simplified as “an open project whose ordinal number reflects the principle of its negational approach: it is neither the first, second, nor third theories, which it identifies as Liberalism, Marxism (Communism), and National Socialism (Fascism) respectively” (p. 424). According to Savin, “Eurasianism and Heideggerianism are in some sense interconnected and spiritually close tendencies among contemporary ideological currents in Russia. Although these two schools can also be examined as independent philosophical doctrines, as is often done by secular scholars and opportunistic political scientists, any deep understanding of one can be had only upon grasping the other” (p. 427). Remembering the rich diversity of human civilizations both past and present as extensively elaborated upon in the preceding chapters, the existence of which debunks the liberal notion of Western civilization’s supposed universality, it naturally follows that the Fourth Political Theory is the approach best suited to harmonizing relations between them in the post-liberal multipolar future.

The final chapter about Multipolar Praxis suggests the establishment of a “polylogue” or “multilogue” to function in place of a dialogue in a “polycentric structure with multiple intersecting processes” (p. 431). Savin also writes that “One aspect of no small importance to the strategy of multipolarity is the inclusion of new actors into a broad coalition which rejects the unipolar dictatorship of the US” (p. 432), examples of which include BRICS (p. 432), the SCO (p. 432), VISTA (p. 434), the N-11 (p. 434), and some G20 countries (pp. 435-436). Similarly, Savin envisions “European autonomy” being a necessity in the formation of the multipolar world order (pp. 436-441), especially with respect to German leadership

of this continental process. What else is interesting about this chapter is the relevance of economist and political scientist Leopold Kohr's ideas, who was opposed to large supranational projects and believed that "true democracy in Europe can only be achieved in little states" (p. 443) Kohr also thought that "It will be easy to unite small states under one continental federal system and thus also satisfy, secondarily, those who want to live on universal terms", which Savin writes "is practically the very idea of a Eurasian confederation, merely expressed in other words!" (p. 444). He also suggests that Kohr's ideas "can be adapted to the contemporary situation, adjusted to different regions, and might be fully applicable as a technocratic instrument" (p. 448).

Wrapping up the final chapter, Savin briefly discusses the relevance of systems theory (pp. 451-455) to his model of civilization-driven multipolarity, to which end he also cites Lars Skyttner's fifteen rules "for defining the very laws of a system's functioning". Savin also agrees with Hilton Root "that international relations constitute an adaptive, complex system, suggesting that international relations, like other complex ecosystems, exist in a constantly changing landscape in which hierarchical structures yield to systems of networked interdependence, a process which changes each and every aspect of global interactions. Consequently, a new means of understanding the process of changes is needed by politicians, on which point Root proposes that the study of complex systems offers an analytical basis for explaining unforeseen developmental disruptions, governance trends, and shifts in the contemporary global political economy" (p. 456). Finally, Savin channels Kenneth Gergen by proposing "the concept of 'systasis' or 'systase': 'an organization without an absolute centre, around which order – as a patchwork of language pragmatics that vibrate at all times – is continuously being established and threatened'" (p. 459), and Jean Gebster, "[who] is also responsible for another important notion of practical utility to political theory and international relations: Synairesis. 'Synairesis comes from synaireo, meaning 'to synthesize, collect,' notably in the sense of 'everything being seized or grasped

on all sides, particularly by the mind or spirit'" (p. 460). Taken altogether, Savin believes that "A pluriversal, harmonious order of a complex and polycentric system of systems perhaps most approximately expresses the ideal which the overwhelming majority of the planet would like to see in political incarnation on the global level" (p. 461).

All things considered, "Ordo Pluriversalis: The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity" is an extremely intriguing read that anyone interested in multipolarity, Eurasianism, civilizations, and post-liberalism should read. This is Savin's magnum opus and an enormous contribution to the scientific literature on these interconnected topics. His compelling arguments about each and seamless incorporation of social science theories into International Relations through his "inmost strategic culture" and other such concepts provides a lot of thought-provoking material for researchers to follow up on. In addition, his book will likely spark more international interest in the Fourth Political Theory, which is uniquely positioned to function as the means for establishing a "polylogue"/"multilogue" in the predicted civilizational world order. The only constructive criticism that can be made about his book is that it would have probably been easier on the reader if Savin told them a little bit more early about the grand concepts that he'll be working to prove throughout the work since that would greatly help them better understand the significance of chapters 6-10. Nevertheless, this book is a masterpiece and it's easy to imagine it being celebrated in the future as a milestone in the intellectual development of the multipolar world order.

References:

Savin, Leonid. Ordo Pluriversalis. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. Black House Publishing Ltd, 2020.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10013

ЗАКАТ ПАХ AMERICANA И РАССВЕТ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Рецензия на книгу:
Savin, Leonid. *Ordo Pluriversalis. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity*. Black House Publishing Ltd, 2020.

Эндрю Кобырко

*Независимый исследователь,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 19 августа 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 сентября 2020</p>	<p>Аннотация: Мир находится в процессе системного перехода от однополярного к многополярному устройству, что побуждает многих аналитиков всерьез задуматься о будущем международном порядке. Среди таких экспертов – Леонид Савин, один из деятелей «Международного евразийского движения». Его очередная книга, «Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства», охватывает широкий спектр тем, доказывая, что грядущий мировой порядок будет пост-либеральным, характеризующимся цивилизациями, чьи действия будут аналогичны действиям национальных государств на современном этапе. Савин показывает, как социальные, политические, религиозные, правовые и иные системы в своем богатом разнообразии пережили краткий период либеральной однополярности, ведомой США, которая заложит основу предстоящей реорганизации международных (возможно следует сказать междивизиационных) отношений.</p> <p>Интерес вызывает тот факт, что поскольку одной из основ подобной мировоззренческой позиции является понимание, что эти разнообразные системы станут более значимыми в результате ослабления роли Америки, автор стремится включить многие социальные теории в область политологии для объяснения усложняющейся природы межсубъектных отношений. Таким образом, книга Савина имеет как практическую направленность, так и теоретическую составляющую. Данное резюме представляет суть идей автора в упрощенной форме.</p>
<p>Об авторе: американо-польский независимый исследователь Московского государственного института международных отношений (МГИМО)</p>	
<p>Ключевые слова: однополярность; многополярность; полицентризм; евразизм; цивилизации; геополитика; Россия; США; Хантингтон; Дугин</p>	

Для цитирования: Korybko, Andrew. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 167-173.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10013

For citation: Korybko, Andrew. The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 167-173.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10013

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают *авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительно-политического и сравнительно-исторического анализа*. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; A4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
 - поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
 - все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);
 - фамилия, имя, отчество автора(ов);
 - резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
 - ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
 - основной текст статьи;
 - информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
 - заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
 - имя фамилия (английская транскрипция);

- abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);
- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Примеры и требования оформления литературы смотрите на сайте журнала: <https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider *original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals*. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and

electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);

- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. Literature guide is available at journal web-site:

<https://www.comparativepolitics.org/jour/about/submissions#authorGuidelines>

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

<p>Извещение</p>	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-1</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика"</p> <p style="text-align: center;"><small>наименование получателя платежа</small></p> <p>7705790921 40702810500000010326</p> <p><small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <u>БИК 044525272</u></p> <p><small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2021</p> <p><small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) платателя)</small></p> <p>Ф.И.О. платателя: _____</p> <p>Адрес платателя: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись платателя: _____</p>
<p>Квитанция</p>	<p style="text-align: right;"><i>Форма № ПД-1</i></p> <p style="text-align: center;">ООО "Юридическая периодика"</p> <p style="text-align: center;"><small>наименование получателя платежа</small></p> <p>7705790921 40702810500000010326</p> <p><small>ИНН получателя платежа</small> <small>(номер счета получателя платежа)</small></p> <p>в <u>ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва</u> <u>БИК 044525272</u></p> <p><small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p>Номер кор./сч. банка получателя платежа: <u>30101810000000000272</u></p> <p>Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2021</p> <p><small>(наименование платежа)</small> <small>(номер лицевого счета (код) платателя)</small></p> <p>Ф.И.О. платателя: _____</p> <p>Адрес платателя: _____</p> <p>Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого _____ руб. _____ коп. " " _____ 20 _____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен Подпись платателя: _____</p>

Центр редакционной подписки:
тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)